

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«БАШКИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. М. АКМУЛЛЫ»

На правах рукописи

Проценко Антон Сергеевич

**ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД КАРА-АБЫЗСКОЙ КУЛЬТУРЫ КАК
ОТРАЖЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ ОСЕДЛОГО
НАСЕЛЕНИЯ ЮЖНОГО ПРИУРАЛЬЯ**

Специальность 5.6.3. – Археология

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук, профессор
Иванов В.А.

Уфа – 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. НАКОПЛЕНИЕ ЭМПИРИЧЕСКИХ ДАННЫХ ПО ПОГРЕБАЛЬНОМУ ОБРЯДУ КАРА-АБЫЗСКОЙ КУЛЬТУРЫ И ИХ ПЕРВИЧНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ	
1.1. Начальный этап изучения археологической культуры	17
1.2. Изучение кара-абызской культуры на современном этапе	47
ГЛАВА 2. ОПИСАТЕЛЬНАЯ СТАТИСТИКА ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА КАРА-АБЫЗСКОЙ КУЛЬТУРЫ	
2.1. Формирование списка признаков. Суммарная характеристика погребального обряда.	72
2.2. Сравнительный анализ половозрастных групп	97
ГЛАВА 3. СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА КАРА-АБЫЗСКОГО ОБЩЕСТВА ПО ДАННЫМ АРХЕОЛОГИИ	
3.1. Корреляционный и кластерный анализ погребений кара-абызской культуры	113
3.2. Социальная структура кара-абызского общества	133
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	157
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	163
СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ	189
ПРИЛОЖЕНИЯ	191
ИЛЛЮСТРАЦИИ	219

ВВЕДЕНИЕ

Погребальный обряд в древности и средневековье представляет собой отражение складывавшейся тысячелетиями целостной системы взглядов, связанных как с религиозными и мифологическими воззрениями, так и с социально-политической структурой породившего их общества [Гуляев, 2010. С. 3]. Способ погребения издавна рассматривается в археологии как стойкий этнический признак, а поэтому – как связующее звено в определении культурной преемственности. На деле постоянство этого признака не абсолютно и способы погребения под влиянием тех или иных исторических обстоятельств могут меняться как во времени, так и в пространстве. Но в любом случае погребальный обряд – наиболее устойчивый признак культуры и выявление его реминисценций в более позднем обряде или дошедшем до наших дней фольклоре дает возможность проследить этапы культурного развития этноса или социума в целом [Клейн, 2013. С. 80]. Погребальный обряд является одним из основных определяющих признаков археологической культуры. Высокая информативность материалов погребений признается всеми археологами, но в оценке их информационного потенциала в этно- и социокультурных реконструкциях исследователи не единодушны [Матвеева, 2007. С. 110].

В нашем исследовании мы исходим из того, что для большинства археологических культур эпохи раннего железного века – средневековья Южного Урала материалы погребальных памятников являются их наиболее изученной составляющей. Данное положение применимо к кара-абызской археологической культуре эпохи раннего железного века – одному из наиболее известных и оригинальных явлений в археологической карте Южного Приуралья.

В VIII–VII вв. до н.э. большинство племен Евразийского материка вступило в эпоху раннего железа, длившуюся более тысячи лет, вплоть до III–IV вв. н.э. Освоение металлургии железа повлекло за собой большие

изменения во всех областях жизни населения. Нарушаются прежние экономические и этнокультурные связи. Племенные объединения эпохи бронзы распадаются, происходит перегруппировка племен, формирование новых этнокультурных объединений. Для подавляющего большинства населения Европы и Азии, в том числе и Южного Урала, это была эпоха первобытно общинного строя, его разложения, имущественной и социальной дифференциации [ИБН, 2009. С. 173].

Одной из самых крупных этнических образований раннего железного века Прикамья и Приуралья является ананьинская культурно-историческая область. В связи с неоднородностью материалов в разное время и разными исследователями внутри ананьинской области были выделены локальные варианты.

Среди подобных считались и кара-абызские древности, которые на начальном этапе их изучения отдельно не рассматривались, а воспринимались исследователями как один из локальных вариантов «ананьинской культуры» [Збруева, 1952. С. 19; Смирнов, 1957. С. 29; Сальников, 1954. С. 22-24]. И только во второй половине 1960-х гг., благодаря целенаправленному изучению А.Х. Пшеничнюком памятников эпохи раннего железного века в бассейне среднего течения р. Белой, самостоятельность существования кара-абызской культуры как особого этнокультурного явления в регионе была убедительно обоснована.

И, тем не менее, несмотря более чем на столетнюю историю изучения памятников указанной культуры, в результате которых создана объемная источниковая база по погребальной обрядности ее носителей, отдельного исследования, анализирующего и обобщающего типологические характеристики и особенности кара-абызского погребального обряда, до сих пор не существует, как не существует и специальных работ по социальной организации древнего населения.

Это вполне естественно и объяснимо: письменных источников, содержащих сведения о социально-экономическом состоянии и этнической

принадлежности племен Южного Урала и Предуралья в I тыс. до н.э., нет, как нет сведений и по истории древнего населения региона в более позднем фольклоре местных финно-пермских и угорских народов. Следовательно, единственным реальным источником по данной проблеме является археологический материал.

В нашей работе мы исходим из того, что археология – наука источниковедческая: в этом вопросе мы придерживаемся позиции Л.С. Клейна [Клейн, 1993. С. 135-144]. А поскольку известно, что «источниковедение, отрасль исторической науки, разрабатывающая теорию, методику, технику и историю изучения исторических источников – письменных, вещественных, изобразительных, устных, этнографических, лингвистических, кино-, фото- и фонодокументов, а также источников на электронных носителях» [БРЭ. Эл. ресурс. URL: Режим доступа: [bigenc.ru>domestic_history/text/3271500](http://bigenc.ru/domestic_history/text/3271500). Вход 07.01.2020.], в нашей работе мы считаем возможным подходить к археологическим источникам как к носителям (в той или иной степени) и исторической информации.

Археологическое источниковедение, как и любое источниковедческое исследование, предполагает использование «классической» методики, с помощью которой артефакт превращается в исторический источник. Эта методика (с учетом специфики самого объекта исследования) состоит из прохождения нескольких исследовательских этапов – *эвристического, дескриптивного, внутренней и внешней критики, герменевтического (культурно-исторической интерпретации)* [Клейн, 1978. С. 63-80].

Конечным результатом подобного исследования будет даже не новое знание, а проблема, идея, гипотеза или теоретическая модель, которая, чтобы получить «статус позитивного археологического знания социально-исторического содержания – АТзнания¹ – должна содержать

¹ АТЗнание – археологическое теоретическое знание – основными составляющими которого являются «все абстракции, идеализации, вводимые в теорию на основе содержащейся в ней главной идеи, выраженной в проблеме и гипотезе и в соответствии с эмпирическим базисом. Так, при исследовании социальной структуры общества на основе анализа погребальных памятников такими абстракциями будут понятия: индивид, социальная группа, социальная дифференциация, социальный статус...» [Генинг, 1989. С. 161].

непротиворечивую эмпирическую интерпретацию, т.е. удовлетворительное научное объяснение археологических фактов, собранных и обработанных в эмпирическом базисе проблемы (задачи). Исходя из обрисованной выше специфики системно-исторического уровня археологического исследования, научные объяснения этого уровня можно характеризовать как ситуационные объяснения, главная гносеологическая особенность которых – переход от понятия артефактов к понятиям и категориям социально-исторической действительности...» [Генинг, 1989. С. 259]. Именно в данном контексте сформулирована задача нашего исследования.

Из всех археологических культур рассматриваемого региона эпохи раннего железного века – средневековья наиболее объемная источниковая база по погребальному обряду создана для пьяноборской, кара-абызской и мазунинской (бахмутинской) культур. Однако, несмотря на данное обстоятельство, проблемы социальной интерпретации источников решались в недостаточной мере. Картина социального развития носителей указанных культур в исследованиях предшественников реконструировалась в основном в контексте формационной теории Маркса – Энгельса.

Одним из основоположников социальных реконструкций в уральской археологии Прикамья является А.В. Шмидт. В трех статьях начала 1930-х гг. он, во-первых, обосновал методологическую базу социальных реконструкций в археологии, каковой в то время, естественно, являлась марксистская теория социально-экономических формаций [Шмидт, 1931. С. 3-32], во-вторых, попытался увязать появление некоторых типов археологических памятников Прикамья (жертвенные места) с определенной стадией социально-экономического развития древних обитателей региона (разложение родовых отношений, выделение торгово-ремесленной прослойки) [Шмидт, 1932. С. 25-33], в-третьих, показал пример и дал образец реконструкции социально-экономической истории древнего населения Волго-Камья исключительно на археологическом материале [Шмидт, 1935. С. 13-96]. В последней из указанных, по сути монографической, статье А.В. Шмидт дает развернутую

схему социально-экономического развития древнего населения региона в тесной увязке с его археологической периодизацией: от родового строя в эпоху неолита-энеолита через матриархат эпохи бронзового века до разложения родового строя и патриархата с зачатками рабовладения в эпоху раннего железного века (ананьинская культура). Эта схема, выстроенная строго по канонам формационной теории Маркса – Энгельса, на долгие годы определила направление и содержание социальных реконструкций в археологии Волго-Камья.

О распаде родовых отношений и зачатках патриархального рабства у «ананьинцев» писали А.В. Збруева [Збруева, 1952. С. 163] и А.П. Смирнов [Смирнов, 1952. С. 67]. По мнению А.П. Смирнова, в следующую за ананьинской, пьяноборскую эпоху у населения региона уже складываются союзы племен, а во второй половине I тыс. н.э. у племен Среднего Поволжья (меря, мурома, мордва, мари) и Прикамья (носители ломоватовской культуры – предки коми) завершается процесс окончательного разложения родовых отношений, и все эти социумы вступают в эпоху военной демократии – раннего феодализма [Смирнов, 1952. С. 156, 160, 225].

В 1970–1980-е гг. вопросы социальных реконструкций древнего населения Прикамья и Приуралья ставились и решались двумя исследователями – В.Ф. Генингом и Б.Б. Агеевым – и в основном на материале пьяноборской культуры [Генинг, 1970; Агеев, 1992, Гл. 4]. Частичные попытки интерпретации археологического материала для изучения социальных отношений были предприняты А.Х. Халиковым [1963] и А.Х. Пшеничнюком [1981], но конкретной модели по изучению социальных отношений исследователям создать не удалось.

В последние десятилетия прошлого века проблема реконструкции общественного устройства народов Прикамья и Приуралья в эпоху средневековья поднималась в работах Р.Д. Голдиной и Н.А. Мажитова. С точки зрения Р.Д. Голдиной, социальная организация средневекового населения Прикамья (ломоватовская культура) соответствует той схеме,

которую В.Ф. Генинг сконструировал для предшествующего периода: обособленная большесемейная община – основная социально-экономическая ячейка. Такие общины хотя и жили в одном поселке и составляли первобытную соседскую общину с несколькими другими семьями, но вели самостоятельное хозяйство. Это подтверждается исследователем на основе материалов могильников: рядовой принцип расположения могил, в каждом ряду – большая патриархальная семья. Наряду с большими семьями исследователь отмечает существование патронимий – групп родственных семей, поддерживающих экономические, родственные и идеологические связи. По мнению исследователя, на основании материала погребальных комплексов можно говорить о патрилинейном счете родства в период с VIII по IX вв. н.э. О переходе к патриархальной общине свидетельствует также отсутствие оружия и орудий труда в захоронениях женщин, тогда как в могилах мужчин они обнаружены [Голдина, 1985. С. 165]. Р.Д. Голдина, подробно рассматривая семейно-брачную структуру общества «ломоватовцев», касается вопросов социальной дифференциации. Опираясь на материалы могильников (Плесинского, Бояновского, I Урынского, Агафоновского и др.), констатируется факт социальной дифференциации (в первую очередь имущественной и профессиональной) [Там же. С. 166]. Социальная реконструкция населения Южного Урала в эпоху средневековья дана в специальной статье Н.А. Мажитова 1981 г. В ней автор отмечает давнюю, еще с эпохи раннего железного века, экономическую и политическую связь племен Южного Урала с классовыми (рабовладельческими, а затем и феодальными) государствами Средней Азии, что, по его мнению, сыграло роль катализатора для ускоренного развития общественных отношений у кочевых племен края [Мажитов, 1981. С. 113]. Основными археологически фиксируемыми признаками этого процесса (по Н.А. Мажитову) являются:

- наличие в погребениях ранних кочевников Южного Урала богатых наборов оружия, свидетельствующих о наличии у них сильной военной организации (дружинники и вожди);

- появление в регионе в эпоху Великого переселения народов погребений с золотыми украшениями как свидетельство разложения родового строя и образования классов у его населения;

- резкий контраст в ассортименте, количестве и качестве погребального инвентаря в погребениях начала II тыс. н.э., свидетельствующий о дальнейшем социальном расслоении южно-уральского населения в этот период [Там же. С. 113-128].

Итак, схема реконструкции социальной истории по данным археологии была задана в 1930-е гг. и на протяжении второй половины XX столетия она оставалась доминирующей. Таковой она остается и сейчас, чему наглядное свидетельство обобщающие исследования последних лет. Так, в вышедшей не столь давно «Истории Удмуртии» социальная история племен Прикамья и Приуралья с эпохи древности до средневековья излагается в следующей последовательности: вызванная внешними и внутренними причинами милитаризация ананьинского общества как следствие имела ускорение процессов имущественной дифференциации, отразившейся в материалах ананьинских могильников. В пьяноборскую эпоху эти процессы вылились в сложение союзов племен, представленных локальными группами пьяноборских памятников. В первой половине I тыс. н.э. внутри племен выделяются патронимии – группы родственных больших или малых семей, имеющие общего предка, а также хозяйственное и идеологическое единство. Завершается этот процесс к началу II тыс. н.э. окончательным разложением родовых отношений (не без влияния Волжской Булгарии) и выделением и хозяйственным обособлением больших патриархальных семей [Голдина и др., 2007. С. 136, 175-177, 202-203, 244]. Предлагаемая схема представляется устойчивой и универсальной (заслуга Маркса и Энгельса), но в контексте социальной интерпретации археологического материала – поверхностной.

Объем имеющегося материала позволяет ее конкретизировать, что уже и делается [Голдина, 2012]. Результаты, полученные с использованием современных методов анализа археологического материала [Ковтун, 2006. С. 259], позволяют, например, давать более конкретизированные определения социальной семантики обществ Прикамья эпохи средневековья [Иванов, Проценко, 2013. С. 48].

В свою очередь, отметим, что исследования по данной проблематике населения раннего железа Прикамья и Предуралья, несмотря на наличие определенных кризисных явлений [Проценко, 2012а; Проценко, Бабин, 2013], на современном этапе становятся неотъемлемой частью археологического исследования [Журавлева, Байкова, 2016].

В изучении эпохи раннего железного века в конце прошлого – первом десятилетии текущего столетия преобладал, главным образом, эмпирический подход. Он проявился в появлении исследований, посвященных анализу отдельных компонентов археологических культур: ананьинской керамики [Марков, 2007], элементов убранства костюма кара-абызской культуры [Воробьева, 2012], погребального обряда ананьинской и пьяноборской культур [Чижевский, 2008; Журавлева, 1995; Стоматина, 1997].

Таким образом, в свете сказанного выше, *актуальность темы* нашего исследования определяется, во-первых, отсутствием на современном этапе развития методики археологических исследований обобщающего анализа погребального обряда кара-абызской культуры. Во-вторых, наличием обширной источниковой базы, позволяющей не только провести такой анализ, но и попытаться использовать полученные результаты в качестве основы для реконструкции социальной семантики кара-абызского общества.

Объектом исследования являются погребальные памятники кара-абызской культуры IV в. до н.э. – IV в. н.э.

Предмет исследования – погребальный обряд носителей кара-абызской культуры и его информационный потенциал в качестве источника для социальной реконструкции кара-абызского общества.

Цель и задачи исследования

Цель данного исследования – реконструкция социальной структуры кара-абызской культуры Южного Приуралья по материалам погребальных памятников.

Указанной целью продиктованы следующие *исследовательские задачи*:

- осуществить историографический анализ поставленной проблемы;
- подобрать адекватный алгоритм статистического анализа;
- провести формализацию источников для создания Базы данных;
- провести статистико-морфологическую характеристику погребального обряда кара-абызской культуры, установить иерархии морфологических признаков;
- определить уровень стратификации кара-абызского общества.

Территориальные рамки исследования

В ландшафтно-географическом отношении район распространения кара-абызских племен относится к лесостепной части Южного Приуралья, к которой относятся равнины к северу от водораздельных возвышенностей Общего Сырта и северо-востоку от облесенной Бугульминско-Белебеевской возвышенности. Таким образом – это небольшой расширяющийся к северу клин с максимальными размерами 100×400 км, вытянутый вдоль западного края горно-лесной зоны относящийся на всем протяжении к бассейну р. Белая [Савельев, 2014. С. 191]. Фактически предуральская лесостепь «укладывается» в границы долины р. Белой в ее среднем течении вместе с притоками² [Овсянников, 2014а. С. 375].

Хронологические рамки работы

Исследователи кара-абызской культуры корректировали периоды становления, развития и упадка материальной культуры кара-абызского населения по мере пополнения источниковой базы и ее осмысления.

² Как справедливо отмечают исследователи, в археологической литературе, наряду с общеупотребимым и наиболее распространенным термином «Южное Приуралье», в отдельных работах применяются равнозначные по содержанию определения «Южное Предуралье» или «Башкирское Предуралье».

Основной исследователь кара-абызских древностей – А.Х. Пшеничнюк, дважды корректировал периодизацию. Так, в своей фундаментальной работе, посвященной рассматриваемой культуре, исследователь выделяет три периода: 1) IV–III вв. до н.э., 2) III–II вв. до н.э., 3) II в. до н.э. – II в. н.э. [Пшеничнюк, 1973]. Позднее, в ходе анализа материалов с Охлебининского могильника, автор выделяет еще один период, датируемый II–III вв. н.э. [Пшеничнюк, 1993].

Дальнейший пересмотр хронологических позиций происходит в исследованиях В.В. Овсянникова: анализируя материалы Шиповских могильников, предположил, что четвертый этап датируется II–IV вв. н.э. [Овсянников, 2006б], в дальнейшем он же выделяет и пятый этап в развитии кара-абызской культуры, основанием послужили значительные различия в инвентаре грунтовой части Шиповского могильника, который датируется III–IV вв. н.э. [Овсянников, 2006в].

С.Л. Воробьева, проанализировав все погребения Охлебининского могильника и выделив из них 33 погребения, которые автор по сочетанию в них сопровождающего инвентаря разделяет их на четыре группы, одна из которых датируется V–IV вв. до н.э. [Воробьева, 2015].

Несмотря на то, что в рядах исследователей нет полного единства в вопросе хронологии (в первую очередь с начальной и конечной датой кара-абызской культуры), в нашем исследовании мы будем опираться на проверенную хронологическую шкалу, которая у большинства исследователей (в том числе и у нас) не вызывает сомнений и датируется IV в. до н.э. – IV в. н.э.

Источниковая база исследования

Первичными источниками исследования являются опубликованные материалы и отчеты о раскопках грунтовых могильников кара-абызской культуры. В исследовании использованы материалы следующих некрополей: Охлебининского могильника (492 погребения), I Биктимировского (68

погребений), III Биктимировского (17 погребений), Шиповского курганно-грунтового (95 погребений) и Уфимского (28 погребений).

В настоящее время это одна из самых представительных источниковедческих баз по погребальному обряду археологических культур эпохи раннего железного века Прикамья и Предуралья. Объем совокупной выборки равен 700 погребальным комплексам.

Методы исследования

Методологической основой исследования является комплексное применение традиционных (историко-генетический и историко-сравнительный) и нетрадиционных (количественные (математические)) методов исторического познания. Для достижения поставленной цели исследования и решения сопутствующих задач предлагается использование формализовано-статистических методов, разработанных в советской археологии (И.С. Каменецкий, Б.И. Маршак, Я.А. Шер, Г.А. Федоров-Давыдов, В.Ф. Генинг, Е.П. Бунятян и др.). В основе их лежит количественный анализ, являющийся неотъемлемым элементом познания, в том числе и явлений этнокультурной и социальной действительности. Их применение диктуется внутренними потребностями развития археологии, что связано как с информационным взрывом, так и постановкой новых познавательных задач, направленных на углубленное изучение способов жизнедеятельности древних обществ. Разработанные предшественниками методы и программы количественного анализа археологических материалов успешно вписываются в современные компьютерные программы Excel и SPSS Statistics.

Исследование базируется на таких принципах, как принцип направленности исследования (поставлены конкретная цель и задачи в исследовании), а также на принципе научности и доступности (рассмотрение различных теоретических подходов сопровождается примерами и фактами).

Научная новизна исследования определяется тем, что оно является первой обобщающей работой, где на материалах погребального обряда кара-

абызской культуры рассматривается возможность социальной реконструкции древнего населения по средствам использования методов математической статистики.

Положения, выносимые на защиту

В итоге проведенного диссертационного исследования на защиту выносятся следующие положения:

1. Доказано, что источниковая база по погребальному обряду носителей кара-абызской культуры Южного Приуралья по своему объему и содержанию является вполне репрезентативной для проведения реконструкции социальной организации носителей данной культуры. В исследование использованы 700 закрытых погребальных комплексов, происходящих из пяти наиболее исследованных кара-абызских некрополей – Охлебининского, I Биктимировского, III Биктимировского, Шиповского (грунтовая часть) и Уфимского могильников, которые наиболее полно характеризуют погребальный обряд рассматриваемой археологической культуры, на разных этапах ее существования.

2. Подтверждено, что на современном уровне развития методики анализа массового археологического материала именно погребальный обряд во всей совокупности составляющих его элементов представляет собой категорию культуры древнего населения, наиболее адекватно отражающую социальную структуру носителей кара-абызской культуры.

3. Установлено, что погребальный обряд, зафиксированный на могильниках кара-абызской культуры, представляет собой целостную и специфическую для данной культуры систему заботы об умершем. Полученные результаты демонстрируют, что на протяжении всего существования археологической культуры погребальный обряд грунтовых могильников сохранял свою морфологическую стабильность.

4. Методом сравнительно-статистического анализа внутри комплекса погребений кара-абызской культуры выделены гендерные модели (мужская, женская, детская), отличающиеся друг от друга набором признаков

погребального обряда и ассортиментом погребального инвентаря, дифференцирующими их друг от друга. Последнее обстоятельство особенно важно в плане социальной реконструкции, поскольку позволяет предположить наличие у «кара-абызцев» особых представлений о мужском и женском загробных мирах», а также – обряда инициации, до прохождения которого дети не могли быть погребены по канонам взрослого обряда.

5. По результатам количественно-качественного состава погребального инвентаря выделены пять категорий захоронений, условно обозначенные как «очень богатые», «богатые», «рядовые», «бедные», «беднейшие», что дает основание предполагать наличие трехсословной структуры кара-абызского общества.

6. Показано, что формы семьи и брака, как и этапы социализации индивидуума в погребальном обряде кара-абызской культуры четкого отражения не имеют.

Научно-практическая значимость работы и внедрение ее результатов

Выводы и положения исследования могут быть использованы в дальнейших исследованиях по погребальному обряду археологических культур раннего железного века Южного Приуралья. Материалы диссертационного исследования могут быть привлечены для разработки спецкурсов (в рамках курса – «Археология РЖВ Республики Башкортостан») и в научно-просветительской деятельности.

Апробация работы

По теме диссертации опубликовано 20 научных статей и тезисов, из них 6 в рецензируемых изданиях – «Казанская наука», «Известия Самарского научного центра РАН», «КЛИО», «Вестник Томского государственного университета. История», «Oriental Studies». Некоторые аспекты исследования апробированы на конференциях международного и регионального уровня «Халиковские чтения» (Пермь, 2011; Казань, 2017), «Башкирская археологическая студенческая конференция» (Уфа, 2012), «Емельяновские чтения» (Курган, 2012), «Урало-Поволжская археологическая студенческая

конференция» (Ижевск, 2013), «Этнос. Общество. Цивилизация: IV Кузеевские чтения» (Уфа, 2015), «Уральское археологическое совещание» (Ижевск, 2016), «Этносы и культуры Урало-Поволжья: история и современность» (Уфа, 2016), «Ананьинский мир: культурное пространство, связи, традиции и новации» (Болгар, 2016), «V (XXI) Всероссийский археологический съезд» (Барнаул, 2017), «Этнические взаимодействия на Южном Урале. Сарматы и их окружение» (Челябинск, 2017), «Мужской и женский мир в отражении археологии» (Уфа, 2018), «Археология в исследованиях молодых», посвящённой 120-летию С.Н. Замятина и М.Е. Фосс – выдающихся археологов из первого поколения студентов ВГУ» (Воронеж, 2020) и др.

Структура исследования

Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованных архивных источников и литературы, приложений и альбома иллюстраций.

ГЛАВА 1. НАКОПЛЕНИЕ ЭМПИРИЧЕСКИХ ДАННЫХ ПО ПОГРЕБАЛЬНОМУ ОБРЯДУ КАРА-АБЫЗСКОЙ КУЛЬТУРЫ И ИХ ПЕРВИЧНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

1.1. Начальный этап изучения археологической культуры

Накопление источниковой базы по погребальным комплексам любой археологической культуры неминуемо ведет к ее интерпретации, обобщениям и различного рода реконструкциям. Первая часть нашего исследования посвящена истории накопления и первичной интерпретации материалов погребальных комплексов, происходящих из памятников раннего железного века лесостепной зоны Южного Приуралья, относящихся к одной из самых ярких этнических образований Башкирского Предуралья – кара-абызской археологической культуре. В основу главы положены документы, хранящиеся в научном архиве УФИЦ РАН и отражающие научно-исследовательскую деятельность сектора (с начала 1990-х гг. – отдела) археологии и этнографии Института истории языка и литературы Башкирского филиала Академии наук СССР (далее ИИЯЛ БФ АН СССР). С начала 1990-х гг. – отдела археологии Института истории языка и литературы Уфимского научного центра РАН (далее ИИЯЛ УНЦ РАН), с 2017 г. Ордена Знак Почета Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН (ИИЯЛ УФИЦ РАН). Также рассмотрены становление, эволюция взглядов исследователей на выделение самостоятельной кара-абызской культуры и основных особенностей погребального обряда по мере накопления источниковой базы.

Начало исследования погребальных комплексов кара-абызской культуры было положено Верой Владимировной Гольмстен, которая в 1909 г. приезжает в Башкирию. Период 1910–1912 гг., время, когда на территории Башкирии происходят первые профессиональные археологические раскопки под ее руководством. Итоги работ исследователя на территории Башкортостана описаны подробно, что освобождает нас от

очередного пересказа уже известных сведений [Гольмстен, 1913; Гарустович, Минеева, 2003; Овсянников, Яминов, 2003]. Так исследовательницей были проведены первые раскопки (совместно с действительным членом Московского Археологического Института Д.Н. Эдингом) некрополя кара-абызской культуры – Уфимского могильника, на котором было обнаружено 28 погребений.

Обнаруженные в погребениях бронзовые предметы (особенно две бляхи с изображениями животных и трехгранные наконечники стрел скифских типов) позволили исследовательнице отнести Уфимский могильник к кругу культур восточных губерний России, испытавших на себе влияние культуры Западной Сибири [Гольмстен, 1913. С. 8]. Одновременно В.В. Гольмстен пыталась выяснить место данного некрополя среди могильников Прикамья и Приуралья: Ананьинского, Котловского, Пьяноборского и др., а также «финских могильников» Поволжья: Кошибеевского, Лядинского, Томниковского. По мнению автора, Уфимский могильник «слишком далеко стоит по времени от первых и по характеру культуры – от вторых. Хотя он и обнаруживает определенное сходство с Пьяноборским могильником, но все же их нельзя считать тождественными. По-видимому, Уфимский могильник должен принадлежать культуре, если не совершенно новой, то, по меньшей мере, малоизвестной» [Там же. С. 13].

В.В. Гольмстен, определяя дату могильника и сопоставляя количество бронзовых и железных орудий в приуральских могильниках, предварительно датирует его I – III вв. н.э. Таким образом, Верой Владимировной был предпринят первый шаг к постановке проблемы о новой культуре ананьинско-пьяноборского времени в бассейне р. Белой.

Материалы этих раскопок, как справедливо отмечает А.А. Чижевский, сыграли большую роль в археологии Волго-Камья, несмотря на их неполную публикацию. Полевые дневники и коллекции памятников, сосредоточенные в Государственном историческом и Уфимском губернском музеях, способствовали в дальнейшем появлению концепции кара-абызской

культуры и выявлению памятников переходного времени от ананьинской к пьяноборской культуре [Чижевский, 2013. С. 58].

Археологические исследования в Башкирии были продолжены Л.А. Беркутовым, который провел небольшие раскопки и сборы на территории Бирского уезда в 1913 г. Его главной задачей он считал пополнение фондов Сарапульского музея, поэтому выбор объектов раскопок был во многом произвольным, а сами работы незначительными по объему [Беркутов, 1914].

Таким образом, первые плановые стационарные исследования на территории Башкирии в дореволюционный период связаны с деятельностью Д.Н. Эдинга и В.В. Гольмстен. Но поскольку эти поездки носили главным образом служебный характер, а не проистекали из научных интересов исследователей, то научные изыскания в археологии Урало-Поволжья в начале XX столетия носили бессистемный, случайный, спорадический характер [Обыденнова, 2002. С. 49].

Итогом событий 1917 г. и последующей за ними гражданской войны в России стало практически полное отсутствие археологических исследований в Башкирии, за исключением эпизодических рекогносцировочных работ. Так, в 1920 г. М.И. Касьянов в рамках изучения древностей Башкирии проводит осмотр Бахмутинского могильника, на котором был собран подъемный материал. В 1921 г. ученый продолжает исследования в окрестностях г. Уфы (селище Воронки) и совместно с директором Стерлитамакского краеведческого музея М.С. Смирновым проводит раскопки у с. Бахмутино и на городище Чандар на р. Уфе. Всего на территории могильника выявлено 9 грунтовых захоронений, материалы пяти погребений из которых поступили на хранение в музей г. Уфы, и еще четыре – в г. Стерлитамак. Несколько лет полевые работы не проводились из-за отсутствия средств, и тогда М.И. Касьянов принял решение о проведении разведок в северных районах Башкирии за свой счет. В 1924 г. маршруты разведок пролегли в среднем течении р. Белой (от с. Карламан до с. Кушнареново) и в нижнем течении

р. Уфы (до дер. Байки). Им была открыта и обследована целая серия городищ (Кушнаренковское, Кала-Тау, Варьяз, Бажинское, Байкинское, и т.д.), а также селищ и курганов. Территория вдоль русла реки Уфы впервые была обследована сплошной разведкой, и многие памятники, открытые исследователем, до сих пор известны лишь по его описаниям, включенным впоследствии в картотеку Б.А. Коишевского и Археологическую карту Башкирии [АКБ, 1976].

В 1924 г. М.И. Касьянов становится членом Общества по изучению Башкирии, в котором с 1922 г. начала работу историко-археологическая секция. В следующем году он обследует городище Кара-Абыз близ г. Благовещенска, и проводит здесь шурфовку. В последующие годы М.И. Касьянов принимает участие в работе академической Башкирской комплексной экспедиции, а в 1928 г. он входит в состав антропологического отряда, возглавляемого А.В. Шмидтом, и принимает участие в раскопках городищ Кара-Абыз, Чандар, селища Воронки и Бахмутинского могильника.

Дальнейшее развитие поставленной проблемы о новой археологической культуре ананьинско-пьяноборского времени связано с деятельностью Башкирской экспедиции Академии наук СССР (руководитель С.И. Руденко), а конкретно с научно-исследовательской деятельностью А.В. Шмидта, который возглавлял один из отрядов экспедиции, упомянутой выше. На основании полученных материалов (раскопки городища Кара-Абыз) и их обработки, систематизации и поисков параллелей исследователь предлагал выделить исследованные памятники рр. Белой и Уфы в особую культуру, хотя и родственную ананьинской, но являющуюся довольно обособленной провинцией единой камской культурной области конца эпохи бронзы и начала железа [Шмидт, 1929].

А.В. Шмидт, как было отмечено выше, является основоположником социальных реконструкций в уральской археологии: он первым обосновал методологическую базу социальных реконструкций в археологии, базируясь на формационной теории [Шмидт, 1931]. Он попытался также увязать

появление некоторых типов археологических памятников Прикамья (жертвенные места) с определенной стадией социально-экономического развития древних обитателей региона (разложение родовых отношений, выделение торгово-ремесленной прослойки) [Шмидт, 1932]. Кроме того, он разработал модель реконструкции социально-экономической истории древнего населения Волго-Камья исключительно на археологическом материале. Она была тесно увязана с существующей в то время археологической периодизацией: от эпохи неолита-энеолита с ее родовым строем через матриархат эпохи бронзового века до разложения родового строя и утверждения патриархата с зачатками рабовладения в эпоху раннего железного века (ананьинская культура) [Шмидт, 1935].

Предложенный А.В. Шмидтом подход на долгие годы определил направление и содержание социальных реконструкций в археологии Волго-Камья.

Точку зрения А.В.Шмидта о типологическом и культурном своеобразии археологических памятников эпохи раннего железного века в бассейне р. Белой поддержал и развил в дальнейшем А.П. Смирнов. По его мнению, керамика на памятниках бассейна р. Белой типологически отличается от керамики Ананьинского могильника и костеносных городищ Прикамья. Поэтому вопрос о включении памятников бассейна р.Белой в ареал ананьинской культуры не может быть решен однозначно [Смирнов, 1939. С. 130].

В годы Великой Отечественной войны в Уфу была эвакуирована Академия наук Украины, сотрудники которой активно работали с местными материалами. В результате обработки и систематизации археологических материалов Южного Урала Е.Ф. Лаговойской была подготовлена кандидатская диссертация «Археологические памятники Башкирии от древнейших времен до начала нашей эры» [Лаговойская, 1943], несмотря на то, что до этого времени она была совершенно не знакома с источниковой базой древних обитателей лесостепной зоны нашего региона. Конечно в годы

Великой Отечественной войны исследователь не имела возможности проведения самостоятельных раскопок, поэтому она использовала фондовые материалы Уфимского республиканского музея, собранные краеведами, их отчеты о раскопках и газетные статьи. Ее интересовали, в первую очередь, комплексы эпохи бронзы и раннего железного века.

В целом работа Е.Ф. Лаговойской явилась первой попыткой научного аналитического осмысления массовых керамических археологических материалов с территории Башкортостана по двум крупным историческим эпохам.

В 1940-е гг. выходит ряд работ А.В. Збруевой, в которых автор впервые очертила восточную границу распространения ананьинской культуры в районе устья р. Уфы, включив Чертово городище и Уфимский могильник в ареал памятников данной культуры [Иванов, 2010. С. 14].

В 1952 г. в свет выходят две крупные монографии, которые подвели итоги изучения культур эпохи раннего железного века на территории Волго-Камья: А.В. Збруевой «История населения Прикамья в ананьинскую эпоху» и А.П. Смирнова «Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья».

Необходимо отметить и тот факт, что вышеупомянутые фундаментальные исследования А.В. Збруевой и А.П. Смирнова опирались на материал, полученный В.В. Гольмстен и А.В. Шмидтом, так как других погребальных памятников кара-абызской культуры открыто не было. Несмотря на то, что оба исследователя имели один и тот же материал по интересующим нас памятникам раннего железного века бассейна р. Белой, это не помешало авторам прийти к разным выводам, касающимся культурной принадлежности памятников этого района.

Так, А.В. Збруева относила памятники данного региона (Уфимский могильник, Чертово городище и городище Кара-Абыз) к ананьинской культуре [Збруева, 1952. С. 19]. А.П. Смирнов же считал, что «...река Белая осталась вне границ ананьинской культуры» [Смирнов, 1952]. Необходимо

отметить, что несомненной заслугой А.В. Збруевой является датирование Уфимского могильника IV–III вв. до н.э., что до сих пор не потеряло своей актуальности.

По-разному они трактовали и вопрос о статусе археологических памятников: один рассматривал его как локальный вариант ананьинской культуры, другой на том же материале выделял самостоятельную культуру. Решить данную проблему мог лишь планомерный поиск и стационарное изучение новых памятников бассейна р. Белой.

В рассматриваемых монографических исследованиях авторами предпринята попытка детального изучения социальной структуры древних археологических культур. Так, А.В. Збруева стала первым исследователем, попытавшимся воссоздать социальную структуру ананьинского общества, опираясь только на существующий в данный момент археологический материал. Исследователь, основываясь на представленном инвентаре погребений (с одинаковыми основными орудиями труда и оружием), выделяет 7 групп погребений у мужчин и 4 группы женских погребений. Низшим звеном социальной структуры, по мнению исследователя, у ананьинцев была семья (патриархальная). Она имела свое место на кладбище и нашла отражение в разновременных коллективных захоронениях [Збруева, 1952. С. 127]. Все типы погребений существовали как в самых ранних, так и в самых поздних ананьинских могильниках. А.В. Збруева отнесла ананьинское общество к стадии первобытности, когда было нарушено равенство членов рода и произошло обособление родовой верхушки, выделение отдельных семей, владеющих личным имуществом и даже рабами [Там же. С. 163].

А.П. Смирнов поддержал точку зрения А.В. Шмидта и А.В. Збруевой о начале распада родовых отношений в ананьинском обществе. По его мнению, произошло это вследствие общественного разделения труда (выделение внутри общины ремесленников) и усиления общественной роли вождей, нарушивших социальное равновесие в родовых группах [Смирнов, 1952. С. 66-67]. В последующем А.П. Смирнов отмечал у племен,

проживавших на территории Башкирии, развитие патриархата: «отдельная семья становится хозяйственной единицей, отношения всеобщего равенства в роде уходят в прошлое». Свидетельства данного явления исследователь находил в материалах Уфимского могильника, в которых прослеживается экономическое расслоение, закрепленное в сознании людей особым обрядом погребения знати [Смирнов, 1957. С. 37].

Рассмотренные работы завершают начальный этап в изучении кара-абызской археологической культуры. За сравнительно небольшой промежуток времени исследователями на основании полученных материалов была поставлена проблема существования новой археологической культуры оседлого населения лесостепного Предуралья. Отметим, что к 1950 г. стационарным раскопкам подвергся лишь один некрополь (Уфимский) и проведены рекогносцировочные исследования ряда поселенческих памятников. Недостаточная изученность памятников не позволила исследователям дать подробную характеристику материальной культуры кара-абызских племен, а также решить вопросы, связанные с особенностями происхождения (этнической интерпретации полученных материалов), территорией расселения и определения хронологических рамок. Однако это не снижает ценности указанных работ в исследовании проблемы новой археологической культуры раннего железного века Предуралья и древней истории Башкирии в целом.

Начало 1950-х гг. открывает новый этап в накоплении эмпирических данных по археологии эпохи раннего железного века на территории Башкирии. В 1950 г. на возвышенности ж/д разъезда «Правая Белая», возле дома путевого сторожа, у подошвы западного склона Уфимского плато, Р.Б. Ахмеровым был открыт одноименный могильник. В ходе исследований было зафиксировано два погребения, по составу погребального инвентаря и обряду захоронения отнесенных автором раскопок к ананьинской культуре [Ахмеров, 1952. С. 38-39; АКБ, 1976. С. 122], в последующем с данной

культурной атрибуцией памятника согласился и А.П. Смирнов [Смирнов, 1957. С. 31].

В течение 1952–1956 гг. Р.Б. Ахмеровым был открыт Новоуфимский могильник, расположенный на высокой террасе правого берега р. Белой, в районе улиц Аксакова, Гоголя, Карла Маркса, Фрунзе (*ныне – ул. Заки Валиди*). Было доследовано 23 разрушенных погребения, которые отнесены автором к ананьинско-пьяноборскому времени.

Анализ полученного материала позволил Р.Б. Ахмерову предположить, что памятники раннего железного века, расположенные в районах рек Белой и Уфы, относятся либо к одному из локальных вариантов ананьинской культуры Прикамья, либо, учитывая некоторые различия в керамике и в этническом составе населения, оставившего эти памятники, они могут быть объединены в самостоятельную бельско-уфимскую культуру, очень сходную или даже родственную с ананьинской культурой Прикамья [Ахмеров, 1959. С. 156-167].

В 1951 г. был создан Башкирский филиал Академии наук СССР (БФ АН СССР), в состав вошел и Институт истории, языка и литературы, на базе которого в 1953 г. был сформирован сектор истории, археологии и этнографии. Непосредственно с работой данного сектора и связано начало планомерных археологических исследований на территории Башкирии. Решением Президиума АН СССР научным руководителем археологической группы была назначена старший научный сотрудник Института археологии АН СССР доктор исторических наук А.В. Збруева. Она же одновременно возглавила и Башкирскую археологическую экспедицию ИА АН СССР. Археологическая группа ИИЯЛ БФ АН СССР в составе канд. ист. наук Г.В. Юсупова, канд. ист. наук Т.Н. Троицкой и П.Ф. Ищерикова включились в работу экспедиции в качестве руководителей отдельного отряда Башкирской АЭ ИА АН СССР [Иванова, 2007. С. 192].

В 1955 г. в связи с разработкой темы «Древнейшие поселения Гафурийского района» была проведена археологическая экспедиция.

Археологические раскопки дали обильный и ценный материал, позволяющий сделать весьма интересные выводы по истории племен, населявших Урал и Предуралье в середине I тыс. до н.э. [НА УФИЦ РАН. Ф.3. Оп.1. №133]. Окончательное оформление темы происходит в том же 1955 г. на заседании ученого совета ИИЯЛ БФ АН СССР 21 июня 1955 г. В докладе и.о. заведующего сектором истории, археологии и этнографии канд. ист. наук Р.Г. Кузеева «О плане научно-исследовательских работ сектора истории, археологии и этнографии на 1956 год» под №5 была обозначена тема «Древнейшее население Гафурийского района» в объеме 3 п.л. Тема предусматривала изучение социально-экономического уклада, культурных и этнических связей древнего населения Башкирии. Срок завершения исследования был определен первой половиной 1957 г. и исполнителями назначены – канд. ист. наук Г.В. Юсупов (он же руководитель) и канд. ист. наук Т.Н. Троицкая [НА УФИЦ РАН. Ф. 3. Оп. 1. № 143].

Предварительные итоги проведенных в 1953–1956 гг. исследований по указанной теме были подведены в объемном докладе, подготовленном Г.В. Юсуповым в 1957 г. В первой части доклада автор дает описание материалов памятников, исследованных им и Т.Н. Троицкой на территории Гафурийского района БАССР. Исследованию подверглись селище Курман-Тау, городище Касьяновское, Воскресенское, Курмантаевское, Табынское, Михайловское. Все эти памятники ранее не изучались, за исключением селища Курман-Тау, обследованного в 1929 г. М.И. Касьяновым. Главное, на что обратили внимание исследователи «гафурийских» городищ, это своеобразие керамики, объединяющее их в одну культурную группу (уфимскую) и датированную IV – III вв. до н.э., что нашло отражение в серии статей [Юсупов, 1959. С. 84; Троицкая, 1959].

В 1957 г. в секторе истории, археологии и этнографии ИИЯЛ БФ АН СССР начали работать Н.А. Мажитов и М.Х. Садыкова. И в том же году Президиум БФ АН СССР утвердил тематический план научно-исследовательских работ ИИЯЛ по данному сектору на 1958 г. (22 августа

1957 г.), в котором фигурирует тема «Древняя история Башкирии», срок выполнения 1957–1960 гг., научный руководитель Г.В. Юсупов. В рамках данной темы были выделены две подтемы: «Сарматские памятники Башкирии IV в. до н.э. – IV в. н.э.», исполнителем которой назначена мл. науч. сотр. М.Х. Садыкова и «Городища по среднему течению р. Белой», исполнители – ст. науч. сотр. Г.В. Юсупов и мл. науч. сотр. Н.А. Мажитов [НА УФИЦ РАН. Ф.3. Оп.1. № 166].

По теме «Городища по среднему течению р. Белой» были поставлены задачи, исходя из наличия уже известных поселений «уфимской» культуры в Гафурийском районе: уточнить ее хронологические рамки и географические границы, определить характер данной культуры и место ее среди культур Приуралья. Итогом должно было стать написание монографии объемом 4 п.л., состоящей из 4-х глав: 1. Описание городищ; 2. Хозяйство и быт насельников; 3. Общество. Характер общественных отношений; 4. Идеология. Вопросы религиозных верований. В «Заключении» предполагалось осветить вопросы генезиса «уфимской» культуры [НА УФИЦ РАН. Ф.3. Оп.1. №167]. К сожалению, данная монография не была подготовлена.

Накопление археологического материала с территории Башкирии и его первичный анализ позволили сформулировать основные цели, задачи и перспективы исследовательских работ сектора истории, археологии и этнографии на период с 1959 по 1965 гг., который предусматривал продолжение разработки темы «Древняя история Башкирии». Но уже в контексте проблемы «История первобытного общества на территории СССР», которая, в свою очередь, выступает как часть научного направления «История докапиталистических обществ». В плане разработки темы предусматривалось решение трех основных задач: первая – исследование на конкретном археологическом материале хозяйства, общественного строя и культуры древнего населения Приуралья и Южного Урала; вторая – изучение сложного процесса этнической истории тех племен и племенных групп,

которые участвовали в формировании башкирского народа; третья – в ближайшие 7 лет подвергнуть территорию Башкирии интенсивному археологическому обследованию в целях получения достаточного материала для сравнительного исследования [НА УФИЦ РАН. Ф. 3. Оп. 1. № 183].

С приходом в сектор К.В. Сальникова тематика и направленность археологических изысканий становится более конкретной. В декабре 1961 г. была утверждена рабочая программа на 1962 г. по теме №41 «Древняя история Башкирии. Эпоха бронзы и раннего железа». Срок разработки – 1962–1964 гг. Научный руководитель темы – К.В. Сальников, исполнители – М.Х. Садыкова и Н.А. Мажитов. Общие задачи темы: «путем проведения ежегодных археологических экспедиций (разведки и раскопки) изучить хозяйство, общественный строй и культуру древнейшего населения Башкирии эпохи бронзы и раннего железа» [НА УФИЦ РАН. Ф. 3. Оп. 1. № 214].

Фактически, исполнителем темы по разделу эпохи раннего железа становится А.Х. Пшеничнюк, в 1961 г. переведенный на должность младшего научного сотрудника сектора археологии, этнографии и искусства. В 1962–1963 гг. он исследует Биктимировский могильник в Бирском районе БАССР, обнаруженный еще в 1955 г. краеведом А.П. Шокуровым. В двух раскопах, общей площадью 522 кв. м, было обнаружено 47 погребений. Итогом исследований стала работа, вышедшая в 1964 г., в которой дан полный анализ погребального обряда (отмечены характерные особенности женских и мужских погребений на основе анализа инвентаря погребений). Определена датировка (III–II вв. до н.э.) памятника.

Основные результаты, полученные в ходе исследований, позволили определить характерные черты погребального обряда Биктимировского могильника:

– могильные ямы простой конструкции (четырёхугольной формы с закругленными углами);

- поза погребенных – на спине с вытянутыми конечностями (за исключением одного погребения (№9), в котором костяк был уложен скорчено на левом боку;
- ориентировка большинства погребенных – западная, ногами к ручью.
- в расположении некоторых могил просматриваются ряды;
- в ряде могил были зафиксированы остатки древесной коры, которая, по мнению А.Х. Пшеничнюка, свидетельствовала о завертывании умерших в лубок;
- глиняная посуда в погребениях отсутствовала, исключение составляют два сосуда, найденные над погребением №32 на глубине 12 см от современной поверхности;
- одной из отличительных черт Биктимировского могильника является отсутствие костей животных (заупокойной пищи), за исключением погребения №37;
- на основании сопровождающего инвентаря А.Х. Пшеничнюком 18 погребений были определены как женские, 14 – мужские, в 15 погребениях пол по инвентарю определен не был;
- анализ погребального инвентаря привел исследователя к выводу о том, что женские погребения сопровождались набором украшений, а мужские – предметами вооружения;
- женские украшения представлены следующими категориями инвентаря: разнообразными металлическими наборами поясов и нагрудных ремней, поясными подвесками, бляхами и обоймами, нашитыми на подол одежды, височными кольцами, браслетами, перстнями и наиболее массовыми находками в женских погребениях – бусами (1079 экземпляров). Характерной чертой женского погребального обряда является наличие 1–3 кусочков мела, положенных ниже пояса погребенного. По материалам погребения №46 А.Х. Пшеничнюком был реконструирован женский костюм кара-абызской культуры Биктимировского могильника;

- во всех мужских погребениях обнаружены наконечники стрел – большинство составляют бронзовые трехлопастные с внутренней и выступающей втулкой (48 экземпляров), единично представлены железные и костяные. Также в единичных количествах представлены следующие категории сопроводительного инвентаря: наконечники копий, меч, бронзовые пряжки, удила и височные подвески/серьги;
- общим признаком для всех мужских и женских захоронений является наличие железных ножиц (плохой сохранности), располагавшихся в области пояса;
- касаясь богатства сопроводительного инвентаря, А.Х. Пшеничнюком было отмечено, что «большинство погребений сопровождалось инвентарем. Наряду с очень богатыми погребениями, встречались могилы без вещевого материала либо с очень незначительными мелкими находками. Очень бедными оказались детские погребения». Таким образом, автор в работе не ставит перед собой цели выделения определенных социальных групп древнего населения, отмечая лишь характерные черты погребального обряда некрополя и останавливаясь на двух погребениях (№39 и 43), которые сопровождалось самыми богатыми наборами женских украшений [Пшеничнюк, 1964а. С. 215-231].

Исследование и анализ материалов Биктимировского могильника и сравнение его с материалами пьяноборских памятников Прикамья позволил автору показать существенные различия между ними и усилить доказательную базу в пользу выделения кара-абызских памятников в самостоятельную культуру³.

Одновременно с исследованиями Биктимировского могильника А.Х. Пшеничнюк проводит рекогносцировочные раскопки на поселениях Воронки и Дудкино I (на территории г. Уфы) и городище Аташ (Охлебининское II) в устье р. Сим. Раскопки эти производились, как указывает сам исследователь, в контексте решения проблемы культурной

³ Но отмечает, что контакты между пьяноборскими, сарматскими и кара-абызскими племенами были.

принадлежности «кара-абызских памятников», базировавшейся на отсутствии четких морфологических параметров кара-абызской культуры [Пшеничнюк, 1964б. С. 93]. В керамической коллекции, собранной на указанных памятниках, были выделены 445 сосудов, которые исследователь разделил на три типологические группы: кара-абызскую, ананьинскую и «сарматоидную». Биктимировский, Ново-Уфимский и Уфимский могильники исследователь связал с «поселениями типа Кара-Абыз», опираясь при этом на местоположение Биктимировского могильника рядом с городищем, содержащим кара-абызскую керамику, и на нахождение в одном из погребений этого могильника сосуда, орнаментированного рядом ямок по шейке. Что же касается культурной принадлежности рассматриваемых памятников, то, опираясь на результаты сопоставления погребального обряда, набора сопровождающих вещей Биктимировского могильника и могильников пьяноборской культуры Прикамья, А.Х. Пшеничнюк выявляет «весьма существенные различия между ними» и подтверждает сделанный им ранее вывод о выделении кара-абызских памятников в самостоятельную культуру. Причем, особое внимание исследователь обращает на предметы, своеобразные и не повторяющиеся ни в какой другой археологической культуре: поясные ремни, покрытые бронзовыми накладками с изображением голов лошадей и дисковидными бляхами или подпрямоугольными пряжками на концах, нагрудные украшения – «портупей» с гофрированными обоймами и круглыми бляшками, гладкие прямоугольные обоймы, украшавшие подол верхней одежды.

В следующем (1964 г.) полевом сезоне А.Х. Пшеничнюк проводит раскопки Охлебининского могильника, открытого В.В. Гольмстен (вместе с Д.Н. фон Эдингом) в 1910 г. В 1929 г. могильник осматривал М.И. Касьянов, в 1964 г. небольшие по площади раскопы были заложены на могильнике разведочным археологическим отрядом Башгосуниверситета под руководством Г.И. Матвеевой.

Раскопками А.Х. Пшеничнюка на памятнике было вскрыто 115 погребений, которые, по мнению исследователя, хронологически чётко подразделяются на ранние и поздние. Обе эти группы объединяет единый погребальный обряд – могильные ямы простой конструкции, трупоположение на спине, вытянуто. Но наблюдаются некоторые отличия. Могильные ямы поздних погребений глубокие и больших размеров, наличие в могилах обычно у черепа костей мелких животных и железного ножичка с прямой спинкой и коротким черешком, ориентировка костяков более неустойчивая. Для ранних женских погребений характерны височные подвески, шейные гривны, поясные крючки, подвески, изредка встречаются бляшки-нашивки прямоугольной формы. Инвентарь мужских погребений ограничен в основном бронзовыми трёхлопастными наконечниками стрел со срезанной выступающей втулкой. Ранние погребения Охлебининского могильника дали вещевые комплексы, полностью аналогичные материалам Уфимского могильника, дата которого определяется исследователями IV–III вв. до н.э.

Для поздних погребений характерен более богатый инвентарь, по своему ассортименту четко разделяющийся на мужской и женский, а также закономерность в расположении вещей по отношению к костяку. Для женских погребений обычными являются височные подвески, бусы, богато украшенные поясные ремни, бляшки, обоймы, украшения в ногах. Самыми распространенными предметами, положенными в ногах погребённых в Охлебининском могильнике, являются ряды различных обойм. Бусинный материал сравнительно беден, хотя и является неотъемлемым украшением почти каждой женщины, захороненной в Охлебининском могильнике. Гривны, перстни и браслеты относятся к числу редких предметов в Охлебининском могильнике. Пряслица являются единственными находками в женских погребениях, которые можно отнести к категории бытовых предметов. Набор предметов в мужских погребениях более стандартен, чем в женских. Это наконечники стрел и копий, колчаные крючки, мечи, удила,

оселки, остатки поясов. Керамика в мужских и женских погребениях идентична. По форме сосуды делятся на два типа: невысокие широкогорлые чашечки и горшочки с низким широким горлом и слабо раздутым туловом. Около половины сосудов орнаментировано. Орнамент располагается по плечикам и состоит из резных зигзагов в виде вертикальной ёлочки. Дата поздних погребений устанавливается по аналогии материалов в южных сарматских памятниках сусловского времени и могильниках пьяноборской культуры, т.е. наиболее приемлемая дата, по мнению исследователя – конец II в. до н.э. – II в. н.э. [Пшеничнюк, 1968б. С. 86].

Одновременно А.Х. Пшеничнюк начинает исследования Шиповского курганно-грунтового могильника, расположенного в 12-ти км ниже по течению р. Белой от Охлебининского, на высокой террасе правого берега р. Белой. Раскопки продолжались в течение трех полевых сезонов. В 1965 г. были проведены небольшие рекогносцировочные работы, в 1966 г. было заложено два больших раскопа, на которых вскрыто более 50 погребений. В том же году рядом с грунтовым могильником были открыты курганы. И грунтовые погребения, и погребения под курганами дали материал аналогичный ранее изученным кара-абызским могильникам. А.Х. Пшеничнюком отмечено, что «наличие курганных насыпей для кара-абызских могильников совершенно нехарактерно. Это пока. Единственный случай. Поэтому продолжение раскопок этих курганов представляет, несомненно, большой интерес»⁴. Таким образом, за три полевых сезона на памятнике были выявлены две группы погребений: подкурганные (вскрыто 7 курганов с 25 погребениями) и грунтовые (77 погребений). Первые, А.Х. Пшеничнюк датировал IV–III вв. до н.э., вторые, I–II вв. н.э. Полностью материалы раскопок исследователь ввел в научный оборот значительно позднее [Пшеничнюк, 1976а].

⁴ Пшеничнюк А.Х. Научный отчет о результатах археологических исследований за 1967 г. «Археологическая карта Южного Урала» // Архив УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 720. Л. 23.

Более конкретная направленность полевым археологическим исследованиям сотрудников сектора археологии и этнографии ИИЯЛ БФ АН СССР стала тема «Археологическая карта Южного Урала», сформулированная К.В. Сальниковым (1964 г.). В 1965 г. данная программа постановлением Бюро Отделения истории АН СССР №4 от 4 февраля уже фигурирует как часть плана научно-исследовательских работ Уфимского ИИЯЛ АН СССР на 1966–1970 гг. [НА УФИЦ РАН. Ф.3. Оп.1. №269].

Работа по выполнению заявленной программы началась сразу в 1965 г. В отчете Уфимского ИИЯЛ АН СССР о научной и научно-организационной деятельности в 1965 г. тема №880 «Археологическая карта Южного Урала» фигурирует как часть большой темы «История первобытного и рабовладельческого общества». В соответствии с планом, работа носила характер накопления материала, что выразилось в выявлении памятников по литературным и архивным источникам, а также путем маршрутных разведок. Итогом выполнения стало составление аннотированных паспортов на 390 известных и 77 новых памятников, открытых экспедициями ИИЯЛ БФ АН СССР. Проведены раскопки на Охлебининском и Шиповском могильниках, материалы которых усиливают доказательства в пользу гипотезы об особой кара-абызской культуре (мл. науч. сотр. А.Х. Пшеничнюк) [НА УФИЦ РАН. Ф.3. Оп.1. №256].

В последующие годы (1966–1970 гг.) разработка темы «Археологическая карта Южного Урала» была продолжена: проведены масштабные археологические стационарные и рекогносцировочные исследования, выявлены новые памятники и составлены паспорта к ним. Были продолжены раскопки Шиповского могильника (1967, 1969 гг. под руководством А.Х. Пшеничнюка), введены в научный оборот материалы Охлебининского могильника, которые нашли отражение в III томе Археология и Этнография Башкирии [Пшеничнюк, 1968б]. Отметим, что в 1967 г. Н.А. Мажитовым и в 1968 г. А.Х. Пшеничнюком исследовался Таш-Елгинский могильник, который до сегодняшнего дня остается единственным

некрополем «классической» ананьинской культуры шнуровой керамики в Башкирском Предуралье [Иванов и др., 2018].

В 1968 г. А.Х. Пшеничнюк защищает кандидатскую диссертацию «Население Центральной Башкирии на рубеже нашей эры», в которой были обобщены итоги изучения памятников кара-абызской культуры. На основе анализа уже более значительной источниковедческой базы автор присоединяется к мнению предшественников и соглашается с тезисом существования особого бельского варианта ананьинской культуры и отводит ему ведущее место в формировании кара-абызской культуры [Пшеничнюк, 1968а].

В это же время Н.А. Мажитов в контексте решения вопроса о происхождении бахмутинской культуры III–V вв. высказывает альтернативную точку зрения, согласно которой в качестве ее основного генетического субстрата определяется пьяноборская культура, как локальный вариант кара-абызской культуры [Мажитов, 1968. С. 57].

В дальнейшем по плану научно-исследовательских работ ИИЯЛ БФ АН СССР на 1971–1975 гг. была определена тема «Этнокультурный состав населения Южного Урала в эпоху бронзы и раннего железа», руководителем которой был назначен А.Х. Пшеничнюк. Основной задачей было выяснение этнокультурного состава населения Южного Урала эпохи бронзы и раннего железа, составление археологических карт расселения племен; организация разведочных и стационарных работ новых археологических памятников и на основе полученных данных изучение вопросов происхождения, материальной культуры, хронологии археологических культур [НА. УФИЦ РАН. Ф. 3. Оп. 1. № 329].

В процессе разработки темы в 1972 г. были продолжены раскопки Шиповского комплекса памятников (отрядом А.Х. Пшеничнюка)⁵. Работы шли одновременно на городище, грунтовой могильнике и на курганах. В

⁵ В данной работе мы акцентируем свое внимание, на памятниках кара-абызской культуры, все остальные исследовательские темы сектора археологии и этнографии ИИЯЛ БФ АН СССР не рассматриваются.

результате этих работ вскрыта значительная площадь на городище, выявлено более 30 погребений, собран интересный и богатый материал времен IV в. до н.э. – II–III вв. н.э. [НА УФИЦ РАН. Ф. 3. Оп .1. № 352. Л. 29-30]. Полученные материалы Шиповского могильника были опубликованы А.Х. Пшеничнюком в 1976 г.

Результаты исследований показали, что по обряду погребения делятся на грунтовые и подкурганные. Курганы территориально подразделяются на 2 группы, хронологически же А.Х. Пшеничнюком были выделены 3 группы погребений:

- 1) центральная часть могильника – ранние подкурганные погребения IV–III вв. до н.э. (курганы I группы);
- 2) восточная часть могильника – подкурганные погребения III–I вв. до н.э. (курганы II группы);
- 3) западная часть могильника – поздние грунтовые погребения I–III вв. н.э.

Из I курганной группы было исследовано 8 курганов, в которых было исследовано 33 погребения. Большинство могил индивидуальные, трупоположение – вытянуто на спине, ориентировка неустойчивая. Особенностью погребального обряда данной группы курганов является нахождение в полах насыпей остатков уздечек: удила с псалиями, налобников, бронзовых бляшек, пряжек, подвесок, лежавших в кучках в черноземе на небольшой глубине [Пшеничнюк, 1976а. С. 36, 38].

Из курганной II группы было исследовано 6 курганов. Захоронения совершались на небольшой глубине, в слое чернозема (но не в насыпи), контуры могильных ям не прослеживаются. Костяки полностью истлели, только в нескольких случаях сохранилась эмаль от зубов. В связи с вышеуказанным обстоятельством в ходе раскопок выявлялись не погребения как таковые, а лишь отдельные вещи в слое чернозема, которые почти невозможно сгруппировать в целые погребальные комплексы.

Сопровождающий инвентарь данной курганной группы не богат, большую часть его составляет керамика. Предметы вооружения

представлены: железными наконечниками копья (5 экземпляров), единично обнаружены бронзовые трехлопастные наконечники стрел, обломок однолезвийного узкого кинжала с бронзовым наконечником ножен, железные удила и оселок. Предметы украшений также немногочисленны: женские поясные ремни, покрытые бронзовыми зооморфными накладками (2 экземпляра), ажурная бляха, височное бронзовое кольцо, обоймы, бусы [Там же. С. 49-53].

В ходе исследования грунтовой части некрополя было вскрыто 108 погребений. Захоронения совершены в простых могильных ямах, костяки лежали на спине с вытянутыми конечностями. К характерным чертам погребального обряда грунтовой части Шиповского могильника, А.Х. Пшеничнюк относит: сопровождение умерших заупокойной пищей, завертывание покойника в лубок, положение костяков на запад, т.е. вдоль берега реки.

По составу сопроводительного инвентаря А.Х. Пшеничнюком было выделено 40 мужских и 34 женских погребения. По оставшимся могилам в связи с отсутствием или малочисленностью и невыразительностью сопроводительного инвентаря определить половую принадлежность погребений было невозможно. В женских погребениях инвентарь состоит исключительно из предметов украшений (височных подвесок, бус, поясных накладок, различных бляшек, обоймочек, подвесок и т.д. Из других предметов найдены лишь пряслица и железные ножи), в мужских – из вооружения, остатков уздечек и поясных ремней.

Анализ материала грунтовой части могильника с курганной говорит об их генетической связи. Имеющиеся данные позволили исследователю предположить, что изменение погребального обряда совпало по времени с перенесением кладбища на новую, правда, очень близкую территорию. Причина смены погребального обряда, перехода от курганных захоронений к бескурганам нужно видеть в культурных и этнических взаимосвязях с

местными оседлыми племенами, для которых издревле был характерен бескурганный обряд захоронений [Там же. С. 77-78].

В 1972 г. конкретизируются основные направления сектора археологии и этнографии ИИЯЛ БФ АН СССР дальнейшего развития археологических исследований на Южном Урале на ближайшие 10 лет:

1. Обеспечение равномерного накопления археологических источников по всем периодам древней и ранней средневековой истории края.

При этом главное внимание должно быть направлено на более полное изучение археологических памятников степных районов Южного Урала (юг Башкирской АССР, Челябинская и Оренбургская области), которые оставались «белым пятном» на его археологической карте.

2. Первоочередной задачей археологических исследований на Южном Урале, определялось форсирование поиска и раскопок средневековых памятников (V–XVI вв.), что позволит в будущем тесно связать археологический материал с этнографическим, лингвистическим и данными письменных источников.

3. Продолжение исследований по эпохе бронзы, прерванные после смерти К.В. Сальникова [НА УФИЦ РАН. Ф. 3. Оп. 1. № 349. Л. 61-63].

Из всего вышеперечисленного следует, что основные направления археологических исследований должны быть сосредоточены на изучении ранее слабо изученных или вообще не изученных районов Южного Урала.

В 1973 г. выходит первая обобщающая монографическая работа А.Х. Пшеничнюка, в которой отражены все аспекты формирования и развития кара-абызской археологической культуры (IV в. до н.э. – II в. н.э.), в которую исследователь объединил памятники, расположенные по правобережью среднего течения р. Белой (территория центральной Башкирии). В исследовании автор оперирует 23 известными памятниками, из которых 7 могильников (на которых вскрыто 259 погребений), 11 городищ и 5 селищ.

На основе анализа погребального инвентаря А.Х. Пшеничнюком была разработана периодизация кара-абызской культуры, в которой было выделено три этапа: 1) IV–III вв. до н.э.; 2) III–II вв. до н.э.; 3) II в. до н.э. – II в. н.э. Погребальный обряд, по мнению исследователя, на протяжении всех трех этапов оставался сравнительно однородным. Он характеризуется следующими морфологическими признаками: грунтовые могильники, могильные ямы простой конструкции, поза погребенных – вытянуто на спине (с единичными исключениями), в некоторых погребениях зафиксированы деревянные подстилки, следы луба, обкладка камнями стенок могилы. В женских погребениях второго этапа часто встречаются кусочки мела, положенные рядом с костяком. На позднем этапе в захоронениях появляются кости животных (задние конечности овцы или свиньи) и глиняные сосуды, которые чаще всего располагаются либо в изголовье, либо у ног. По набору сопроводительного инвентаря кара-абызские погребения А.Х. Пшеничнюком четко делятся на мужские, для которых характерны предметы вооружения и конского снаряжения, и женские, для которых характерны предметы украшений [Пшеничнюк, 1973. С. 175-178].

Им же была предложена реконструкция хозяйственной деятельности и общественного строя кара-абызских племен. Касаясь социального аспекта, автором было отмечено:

- существование родового строя при господстве патриархальных отношений с наметившимся имущественным расслоением и, возможно, с наличием патриархального рабства;
- формирование кара-абызского племенного союза [Там же. С. 216-218].

Обосновав выделение самостоятельной кара-абызской культуры в бассейне р. Белой, производной, по его мнению, от ананьинской, А.Х. Пшеничнюк считал, что генетической основой «кара-абызцев» являлись финно-пермские племена (ананьинская культура), включившие в себя пришедших из-за Урала угров (керамика т.н. гафурийского типа) [Проценко, 2015б. С. 39].

В 1973 г. Ю.А. Морозовым в целях уточнения южной границы Уфимского могильника была заложена траншея, где было обнаружено одно погребение. Вещевой комплекс (колчанный крючок и браслет) был датирован исследователем IV–III вв. до н.э. [Морозов, 2000. С. 148].

В соответствии с бытовавшей в АН СССР традицией разработок 5-летних научно-исследовательских программ на 1976-1980 гг. сектором археологии и этнографии ИИЯЛ БФ АН СССР была предложена (и включена в план) тема «Древняя и средневековая история Южного Урала». Поставлена научно-исследовательская задача – разработать научную историю Южного Урала с древнейших времен до средневековья (XVI в.), результатом которой должна была стать коллективная монография объемом 25 п. л. Основными исполнителями темы были определены ИИЯЛ БФ АН СССР и кафедра Истории дореволюционного периода БГУ [НА УФИЦ РАН. Ф. 3. Оп. 1. № 388]. План 1976 г. предусматривал сбор материала и изучение литературы по теме, проведение археологической экспедиции в районы БАССР и Оренбургской области, написание раздела главы «Погребальный обряд кочевого и оседлого населения Южного Урала эпохи раннего железа» (4 п.л.) [НА УФИЦ РАН. Ф. 3. Оп. 1. № 387].

Однако в это время в планы были внесены корректировки в связи с постановлением секретариата Обкома КПСС, по которому БФ АН СССР поручалось создать музей археологии Башкирии, решением Президиума БФ АН СССР экспедиционные работы и авторское изложение раздела из плана Института исключены. Во второй половине 1976 г. был составлен тематико-экспозиционный план музея – текстовый и графический, проведены подготовительные работы по изготовлению муляжей стен с рисунками Каповой пещеры, составлены подробные планы реконструкции служебных помещений и экспозиционных залов [НА УФИЦ РАН. Ф. 3. Оп. 1. № 389. Л. 22.].

Тем не менее разработка темы «Древняя и средневековая история Южного Урала» не была исключена из планов научно-исследовательских

работ ИИЯЛ БФ АН СССР [НА УФИЦ РАН. Ф. 3. Оп. 1. № 401. Л. 17], и в 1977 г. сбор материала по теме исследования продолжился. В этом же году была утверждена тема диссертации мл. науч. сотр. В.А. Иванова «Население нижнего и среднего течения р. Белой в ананьинскую эпоху», который в процессе разработки темы проводил небольшие раскопки памятника кара-абызской культуры: городища Кара-Абыз [Иванов, 1978б. С. 174].

Дальнейшая разработка темы в связи с начавшейся в ИИЯЛ подготовкой многотомной истории БАССР планировалась на основе новой рабочей программы, сориентированной на написание I тома «Истории БАССР». В контексте этой программы предусматривалась подготовка и издание комплекса материалов по опорным памятникам различных эпох, а также разработка перспективного плана (до 1985–1990 гг.) работы археологических экспедиций [НА УФИЦ РАН. Ф. 3. Оп. 1. № 407. Л. 223-233].

В докладе на секторе в 1978 г. А.Х. Пшеничнюком было отмечено, что исследования предшествующих лет в основном были сосредоточены на раскопках могильников, тогда как поселения эпохи раннего железного века и средневековья практически не изучались, и территория полевых исследований в основном не выходила за пределы административных границ Башкирской АССР, а также малочисленность археологических памятников периода рубежа и первой половины II тыс. н.э. В соответствии с новым заданием был скорректирован рабочий план на 1978–1985 гг., который предусматривал исследования поселенческих памятников ананьинской, пьяноборской, кара-абызской культур в 1978 г. и их продолжение в последующие годы.

За раскопки поселений РЖВ в Гафурийском районе БАССР и разведки на юге Курганской области отвечал А.Х. Пшеничнюк. В этой связи в 1978–1979 гг. А.Х. Пшеничнюк исследовал на правобережье среднего течения р. Белой Табынское городище и Шиповский могильник [НА УФИЦ РАН. Ф. 3. Оп. 1. № 423. Л. 1-20]. В 1980 г. исследователем были продолжены

раскопки Охлебининского могильника, где были вскрыты 184 погребения кара-абызской культуры.

В соответствии с планом выполнения темы «Древняя и средневековая история Южного Урала» на 1981 г., кроме проведения археологических экспедиций, была запланирована подготовка тематического сборника «Поселения и жилища древних племен Южного Урала», который вышел в свет в 1983 г. [НА УФИЦ РАН. Ф. 3. Оп. 1. № 448].

По интересующей нас проблематике в сборнике была опубликована статья А.Х. Пшеничнюка, посвященная публикации материалов раскопок селища Курман-Тау, городищ Касьяновского, Михайловского и Табынского, проведенных автором в 1979–1980 гг. В работе представлен анализ керамического материала – кара-абызского, позднеананьинского и гафурийского типов, стратиграфия которых должна была внести ясность в вопрос о времени и последовательности заселения этих памятников. Однако мощность культурного слоя памятников и условия залегания типов керамики таковы, что «вопрос о том, было ли обитаемо какое-либо из рассматриваемых поселений до прихода на эту территорию гафурийских племен, по-прежнему остается в области предположений. Каких-либо убедительных доказательств по этому вопросу получить не удалось» [Пшеничнюк, 1983. С. 103].

В течение последующих лет выполнение темы шло в основном по пути накопления материала. В 1981–1982 гг. А.Х. Пшеничнюк продолжил раскопки Охлебининского могильника, на котором в общей сложности были раскопаны 334 погребения в основном рубежа н.э. Но в 1983–1984 гг. он переключает свое внимание на исследование курганов средне- и позднесарматского времени – Дербеневского на юге Башкирии и Красный Яр в Оренбуржье [НА УФИЦ РАН. Ф. 3. Оп. 1. № 461. Л. 90-94], в последующем в период 1986–1990 гг. исследовал Филлиповские курганы в Илецком районе Оренбургской области [НА УФИЦ РАН. Ф. 3. Оп. 1. № 521], так ведущий исследователь кара-абызской культуры окончательно перешел к изучению сарматских древностей.

В период 1981–1984 гг. выходит ряд работ, в которых в разной степени была отражена социальная организация населения Предуралья, в основу данных исследований был положен анализ погребальных комплексов, источниковедческая база которых значительно пополнилась в период 1960–80-х гг. В это же время вводятся в научный оборот и новые материалы.

В 1981 г. А.Х. Пшеничнюк рассматривает некоторые вопросы общественного развития племен кара-абызской культуры, сосредоточенных вокруг 4 археологических объектов: Биктимировского, Новоуфимского, Шиповского, Охлебининского могильников, возле которых выявлены одновременные поселенческие памятники (городища). Автор высчитал приблизительную численность коллектива хоронивших своих сородичей на Охлебининском (900-1000 человек), Шиповском (500 человек), Ново-Уфимском (900-1000 человек), I, II, III Биктимировских могильниках (600-700 человек), подсчеты производились из общей площади могильников и смертности населения в среднем 3–4% [Пшеничнюк, 1981]. Население кара-абызской культуры на поздних этапах развития, по мнению исследователя, представляло собой объединение (союз?) 4 племен, где в каждом из 4 позднекара-абызских пунктов одновременно обитало не менее 10–15 родов.

А.Х. Пшеничнюк солидаризируется с мнением большинства исследователей о том, что оседлые племена раннего железного века Урало-Волжского региона находились на стадии разложения родового строя с наметившимся имущественным и социальным расслоением. Материалы кара-абызских могильников, по его мнению, полностью подтверждают эту гипотезу.

Исследователь, анализируя материалы Охлебининского могильника (раскопки 1965 г.), пришел к выводу, что все взрослые погребения подразделяются по инвентарю на три группы: бедные (13 погр.), рядовые (40 погр.) и богатые (31 погр.). Отмечая при этом, что деление на вышеперечисленные группы довольно условное. Локализация богатых захоронений в восточной части могильника (раскоп I и II) позволило

А.Х. Пшеничнюку предположить, что на участке, где заложен раскоп II, занимающий небольшой мыс, хоронили наиболее зажиточных представителей Охлебининского коллектива, являвшихся членами одного рода. На это, по мнению автора, указывает тот факт, что, кроме взрослых, на данном участке встречены и детские погребения, что, по мнению исследователя, свидетельствовало об имущественном главенстве одного рода над другим.

Аналогичная картина наблюдается и на Шиповском грунтовом могильнике, где выделяются богатые и рядовые захоронения. При этом А.Х. Пшеничнюк отмечает, что захоронения Шиповского могильника намного беднее Охлебининского, также богатые погребения четко на планиграфии могильника не выделяются, так как раскопы заложены по периферии могильника, а центральная часть занята школой и хозяйственными постройками. На I Биктимировском могильнике выделяются 5 женских погребений с очень богатым инвентарем, планиграфических данных автор не приводит.

Таким образом, исследователь приходит к выводу, что, несмотря на имущественную дифференциацию, в целом родовые отношения оставались довольно устойчивыми. Процесс имущественного и социального расслоения у кара-абызских племен не принял еще столь значительных масштабов, как, например, в обществе соседней сарматской культуры. В этом плане кара-абызское общество является более однородным в имущественном и социальном плане; и находилось на более низкой ступени общественного развития [Проценко, 2016а. С. 157].

В 1982 г. А.Х. Пшеничнюком вводятся в научный оборот материалы Старшего Шиповского могильника, которые были получены им в 1978 г. Общая площадь исследования составила 200 кв.м., на которой выявлено 5 погребений, и три из которых относились к развитому периоду ананьинской культуры (VI – V вв. до н.э.). Полученные материалы позволили исследователю аргументировать концепцию, что одним из компонентов

формирования кара-абызской культуры является «бельский вариант» ананьинской культуры [Пшеничнюк, 1982. С. 94-105].

В это время вопросы социальной реконструкции племен эпохи раннего железного века Приуралья на примере воинских захоронений были рассмотрены в монографии «Вооружение и военное дело финно-угров Приуралья в эпоху раннего железа» В.А. Иванова. Исследователь использовал метод планиграфического анализа погребений (ананьинских, пьяноборских кара-абызских и мазунинских) с различными наборами предметов вооружения. В.А. Иванов не принял точку зрения большинства исследователей по вопросу социальной организации древнего населения Приуралья. По его мнению, уровень социально-экономического развития рассматриваемых племен не представляется соответствующим глубокому социальному расслоению. Он считал, что уровень экономического развития финно-угорских племен, находящийся в прямой зависимости от физико-географических условий региона, требовал максимальной отдачи сил от всех членов коллектива и не давал возможности для образования излишков продуктов, необходимых для содержания иерархической верхушки. Далее, род как экономическая и социальная основа общества в численности своей отнюдь не располагал к образованию сложной социальной иерархии [Иванов, 1984].

Таким образом, планиграфия воинских захоронений, по мнению В.А. Иванова, не давала оснований для вывода о наличии у поздне- и послеананьинских племен региона привилегированного слоя воинов (военной знати), могилы которых отличались бы от основной массы захоронений богатством инвентаря и которые могли бы рассчитывать на особые места погребений. Исследователь также отмечает заметно низкую значимость послеананьинских родо-племенных вождей по сравнению с предшествующим периодом [Иванов, 1984. С. 82].

Важной вехой в изучении эпохи раннего железного века Западного Приуралья явилась работа В.Ф. Генинга, вышедшая в 1988 г.

Солидаризируясь с большинством выводов А.Х. Пшеничнюка по памятникам среднего течения р. Белая, автор считал правомерным лишь выделение кара-абызской культуры (между устьями рек Уфа и Бирь), но группу памятников к югу от устья р. Уфа (до речки Усолки) – гафурийско-убаларского типа – выделяет в отдельную археологическую культуру. Так к данной археологической культуре исследователь относил и Охлебининский могильник. Касаясь этнической интерпретации указанных культур, В.Ф. Генинг отмечал, что если «кара-абызская культура всецело генетически связана с ананьинской в ее бельском варианте, то гафурийская культура намного сложнее и, по-видимому, этнически совсем иная» [Генинг, 1988. С. 29].

Несомненная заслуга В.Ф. Генинга заключается в том, что он обратил особое внимание на различие погребального обряда и инвентаря комплексов как в каждом отдельно взятом могильнике, так и между могильниками изучаемого населения [Воробьева, 2019б. С. 276] (на основе статистической характеристики различных выборок погребений убаларской/гафурийско-убаларской археологической культуры).

Период 1983–1988 гг. характеризуется приостановкой полевых работ на погребальных комплексах кара-абызской культуры. Обусловлено это было тем, что А.Х. Пшеничнюк – основной исследователь кара-абызских древностей – к тому времени уже полностью переключился на археологию ранних кочевников.

Возобновились исследования кара-абызских памятников только в 1988 г. На сей раз это было связано с необходимостью проведения охранных археологических работ на территории Шиповского комплекса памятников, часть которой отдавалось под сады и коттеджи. Была открыта тема «Шиповский комплекс памятников» (научный руководитель: А.Х. Пшеничнюк, исполнители: И.М. Акбулатов и В.Н. Васильев), во исполнение которой в течение 1989–1990 гг. на Шиповском могильнике

были исследованы более 60 погребений кара-абызской культуры IV–III вв. до н.э. [НА УФИЦ РАН. Ф.3. Оп.1. №521].

Таким образом, начиная с исследований В.В. Гольмстен и А.В. Шмидта, была поставлена задача изучения новой культуры ананьинско-пьяноборского времени в бассейне р. Белой. После создания в 1953 г. в составе Института истории, языка и литературы Башкирского филиала АН СССР (БФ АН СССР создан в 1951 г. и Башкирский институт истории, языка и литературы вошел в его состав) сектора истории, археологии и этнографии, начался новый этап в развитии археологической науки. Итогом практически 50-летней работы сектора стало накопление огромного археологического материала по всем эпохам, в том числе и по памятникам кара-абызской культуры.

Особый вклад в изучение кара-абызской культуры внес А.Х. Пшеничнюк, который проводил систематические стационарные раскопки и первый предпринял попытку социальных реконструкций кара-абызской культуры. Исследователем были проведены раскопки реперных погребальных объектов: Биктимировских, Охлебининского могильников, Шиповского курганно-грунтового могильника и исследована большая часть известных на тот момент поселенческих памятников, часть материалов введена автором в научный оборот [Проценко, 2015а. С. 565].

1.2. Изучение кара-абызской культуры на современном этапе

В первые постсоветские 90-е годы Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН, как и большинство институтов РАН, пережил ряд реорганизаций и сокращений. Сократилось финансирование научных исследований, из бюджета Института исчезли статьи, связанные с экспедициями, научными командировками, конференциями; перестали выходить монографии и сборники; сократились защиты как докторских, так и кандидатских диссертаций. В сложившейся ситуации руководство Института и его научные сотрудники не могли не

испытать шока от таких потрясений, что привело к стагнации ряда научных направлений [Хисамитдинова, 2012. С. 7].

Тем не менее, центром по изучению археологии эпохи раннего железного века в регионе по-прежнему выступает Отдел археологии ИИЯЛ УНЦ РАН, партнерами которого в разное время становятся и другие исследовательские центры Уфы: Национальный музей РБ, НИЦ «Наследие», БГПИ (ныне – БГПУ им. М. Акмуллы). В контексте рассматриваемой нами проблемы в 1990 г. отдел продолжил тему «Шиповский комплекс памятников», поскольку еще сохранялось финансирование по хоздоговору. В этом году (научный отряд В.Н. Васильева) была заложена серия раскопов на северной и восточной окраине грунтовой части могильника. Вскрыто более 50 захоронений II–III вв. н.э., собран богатый археологический и антропологический материал. Очерчена северная и северо-восточная граница памятника. Финансирование работ проводилось за счет Башкирского отделения ВООПИК [НА УФИЦ РАН. Ф.3. Оп.1. Ед.хр. 527]. Но в связи с прекращением финансирования в 1991 г. тема была закрыта. Итогом ее явился научный отчет о раскопках Шиповского могильника в 1990 г. [НА УФИЦ РАН. Ф.3. Оп.1. Ед.хр. 533].

В 1990 г. отрядом ИИЯЛ был открыт Нагаевский курганный могильник, состоящий из 11 насыпей. С целью выяснения культурной принадлежности памятника, в 1991 г. было вскрыто 5 курганов. В результате анализа немногочисленного полученного материала, В.В. Овсянников определяет вероятную дату появления некрополя IV–III вв. до н.э. [Овсянников, 1990].

В 1993 г. выходит сборник материалов, посвященный проблемам хронологии памятников Южного Урала. В данном издании в контексте нашей исследовательской темы необходимо остановиться на статье А.Х. Пшеничнюка «Хронология и периодизация погребальных комплексов Охлебининского могильника». Автор подробно анализирует полученный материал в ходе многолетних исследований некрополя, особо акцентируя

внимание на погребальных комплексах, исследованных в 1980–1982 гг. Как справедливо отмечал Анатолий Харитонович: «...стратиграфические данные Охлебнинского могильника позволяют поставить хронологию на твердую документированную основу, уточнить датировку не только периодов в целом, но и отдельных комплексов и даже типов вещей, проследить типологические изменения вещевого материала, элементов погребального обряда» [Пшеничнюк, 1993. С. 36]. Остановимся более подробно на выделенных хронологических этапах/группах.

I этап – IV–III вв. до н.э. представлен 9 погребениями: 3 мужскими и 6 женскими. Датировочными предметами для женских погребений являются массивные бронзовые поясные пряжки и бляхи со стилизованным изображением оленя, поясные крючки, шейные гривны из толстого, круглого в сечении бронзового прута с заходящими концами, височные бронзовые подвески 8-образной формы. Датировочный материал мужских погребений ограничен бронзовыми трехлопастными наконечниками стрел [Там же. С. 40].

II этап – III–II вв. до н.э. представлен 32 погребениями: 21 мужским и 11 женскими. Датировочными вещами для мужских погребений являются: бронзовые трехлопастные наконечники стрел с внутренними и выступающими втулками, железный меч и кинжал с серповидными наконечниками и прямыми перекрестиями типичной для развитой прохоровской культуры формы. Датировочными вещами для женских погребений являются: массивные поясные бронзовые пряжки прямоугольной формы с закругленными углами, орнаментированные насечками и прорезями; височные кольца в 1,5 оборота, обернутые золотой фольгой с золотой привеской в виде гофрированной трубочки, нагрудные ремни (портупеи), украшенные бронзовыми обоймами, обшивка подола из бронзовых гладких обойм, поясные подвески в виде колокольчиков и стилизованных фигурок животных. Определенную датировочную роль для мужских и женских погребений, по мнению автора, играет керамика – круглодонные и

плоскодонные горшки, орнаментированные по плечикам желобками и резными мягкими линиями, образующими узоры в виде многорядного зигзага, опущенных треугольников или гирлянд, изредка без орнамента. Аналогии подобной керамики автор находит в курганах II группы Шиповского могильника, датированных III–II вв. до н.э., в раннесарматских погребениях таких курганов могильников того же хронологического периода, как Старокиишкинский и Бишунгаровский [Там же. С. 42-43].

III этап – II в. до н.э.–II в. н.э., самый многочисленный, включающий 330/400 погребений. Датирующие предметы мужских погребений: железные черешковые с небольшими трехлопастными головками наконечники стрел, бронзовые пряжки с неподвижным крючком различных форм, железные короткие однолезвийные мечи (часто с бронзовыми наконечниками ножен). Для женской группы характерны: бусы – стеклянные двух- и трехсоставные, округлые и цилиндрические кирпичного цвета; различные подвески из египетского фаянса, крупных бусин из горного хрусталя и халцедона; обоймы с прямоугольным вырезом на внутренней стороне и мелкие удлиненные обоймочки [Там же. С. 43, 45].

IV этап (II–III вв. н.э.) представлен 36 погребениями, выделен А.Х. Пшеничнюком на основе планиграфических наблюдений. Датирующими вещами для мужских погребений являются: костяные черешковые наконечники стрел, железный двулезвийный меч без навершия и перекрестия, бронзовые поясные накладки ромбической формы, бронзовые поясные пластинчатые пряжки круглой формы и костяные пластинчатые бронзовые пластинчатые пряжки овальной формы с боковой трубочкой. Для женских погребений характерны: височные подвески петлевидной и трапецевидной формы, височные подвески в виде колечка с прикрепленной спиралью трубочкой, очковидная подвеска в виде колечка, на которое надета сплетенная из проволоки подвеска, концы проволоки закручены в спиральки, бронзовые провололочные гривны (часто с дополнительными прутками), костяные накладки пояса [Там же. С. 49, 53, 57, 60].

Следующим этапом в полевом изучении Шиповского комплекса памятников стала угроза его разрушения и в 1993–1994 гг. они были продолжены. Исследования проводились археологическим отрядом под руководством В.В. Овсянникова на средства Научно-производственного центра Министерства культуры Республики Башкортостан. Были исследованы оборонительные сооружения городища, расширен раскоп XIII до площади 2280 кв.м., где было исследовано 232 погребения. В ранней части грунтового могильника был заложен раскоп XIV, площадью 108 кв.м. и исследовано 15 погребений [Овсянников и др., 2007. С. 4].

Во второй половине 1990-х гг., когда финансирование полевых исследований в ИИЯЛ УНЦ РАН фактически прекратилось, полевая деятельность сотрудников отдела археологии проводилась в основном в формате хоздоговорных экспедиций.

В 1995–1999 гг. сотрудники отдела принимали активное участие в охранных раскопках (совместно с экспедициями БГУ, БГПИ, Стерлитамакского педагогического института) Таналыкского поселения эпохи бронзы [НА УФИЦ РАН. Ф.3. Оп. 1. Ед. хр. 557], а также памятников, попадавших в зону строительства водохранилищ на р.р. Бузавлык и Кизяташ в Хайбуллинском районе Республики Башкортостан (научный руководитель – А.Х. Пшеничнюк, начальники отрядов – Г.Н. Гарустович, В.Н. Васильев) [НА УФИЦ РАН. Ф. 3. Оп. 1. Ед.хр. 568].

В 1996 г. отдел начал разработку двух новых коллективных тем. Этому предшествовала значительная работа по накоплению и систематизации материалов по всем эпохам древней и средневековой истории Южного Урала.

Особый интерес представляла тема I: «Взаимовлияние и взаимодействие оседлых и кочевых племен в эпоху поздней бронзы и раннего железа на Южном Урале», определенная на период 1996 – 2000 гг. (научный руководитель: А.Х. Пшеничнюк; исполнители: Ю.А. Морозов, В.Н. Васильев, В.В. Овсянников).

Значительное время в текущем году было уделено созданию базы данных. В.Н. Васильевым составлена картотека погребальных комплексов по грунтовым и курганным могильникам раннего железа (900 карточек), В.В. Овсянниковым велась обработка и составление картотеки по поселенческой керамике раннего железного века. Данная работа проводилась с перспективой компьютерной обработки.

В это же время в соответствии с научно-исследовательской программой Академии наук РБ «История культуры Республики Башкортостан» А.Х. Пшеничнюком ведется работа по подготовке монографии «Охлебининский могильник», разработана классификация материала, написана 1 глава [НА УФИЦ РАН. Ф.3. Оп.1. Ед.хр. 551].

В том же году была опубликована коллективная монография сотрудников отдела «Археологические памятники Башкортостана» [АПБ, 1996]. Явившаяся каталогом по современному состоянию ранее известных археологических памятников на территории Башкортостана. В ней дано описание 490 памятников. В работе учтены только те археологические объекты, которые являются перспективными для дальнейших исследований. Издание открывается очерками археологических культур от эпохи камня до средневековья, которые иллюстрируются материалом различных культур. Далее дается реестр памятников, где указывается название и вид памятника, степень исследования, краткое описание материала. Для удобства пользования в работе дан алфавитный указатель памятников и археологические карты [НА УФИЦ РАН. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 564].

В 1999 г. Научно-производственный центр по охране и использованию недвижимых объектов истории и культуры при Министерстве культуры РБ выступил инициатором проведения охранных работ на Охлебининском могильнике, в ходе которых было выявлено 11 погребений [Проценко, 2016б. С. 45].

Тогда же началась подготовка коллективной монографии «Шиповский комплекс памятников». Для этой монографии В.Н. Васильевым написана

глава «Хронология Шиповского могильника», а В.В. Овсянниковым подготовлен препринт «Гафурийский тип памятников» [НА УФИЦ РАН. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 577].

В 1999 г. в работе В.А. Иванова «Древние угры-мадьяры в Восточной Европе», исследователем проведен сравнительно-статистический анализ погребального обряда пьяноборской (1757 погр.), кара-абызской (223 погр.), мазунинской (697 погр.) археологических культур. Суммарная характеристика погребального обряда интересующей нас кара-абызской культуры представлена следующими признаками: индивидуальные захоронения в позе вытянуто на спине, с вытянутыми вдоль тела руками; абсолютно преобладающая ориентировка погребенных – в западных секторах; из элементов ритуала хорошо фиксируются наличие костей животных в могилах (заупокойная пища) и оборачивание покойного в луб или укладка его в лубяную подстилку; из сопровождающего инвентаря наиболее часто встречаются в мужских погребениях наборы железных или костяных наконечников стрел, наконечники копий, боевые ножи, кинжалы, удила, поясные пряжки; в женских – полные поясные наборы там, где их носили при жизни, серьги-подвески разнообразных форм, ожерелья из цветных бусин, гораздо реже – перстни и браслеты; из предметов труда и быта – ножи, каменные пряслица и глиняные сосуды [Иванов, 1999. С. 23].

Автором определена величина типологического сходства сравниваемых этнокультурных групп (коэффициент C_2). Полученные результаты показывают, что наибольшую формально-типологическую близость обнаруживают между собой могильники пьяноборской и мазунинской культур ($C_2 = 0,78$), из которых первые типологически близки к могильникам кара-абызской культуры ($C_2 = 0,64$) [Там же. С. 24].

Далее В.А. Иванов сравнил анализируемые группы памятников рассматриваемых культур по тенденции признаков погребального обряда. В рамках нашего исследования обратимся к частным признакам археологических культур: кара-абызской – западная ориентировка

погребенных с отклонениями к северу и югу, наличие остатков заупокойной пищи в виде костей животных в могиле, наличие в составе погребального инвентаря предметов вооружения и конской сбруи (удила), полных поясных наборов, лежащих так, как их носили при жизни, наличие в составе погребального инвентаря глиняных сосудов, пряслица, оселка и разрозненных поясных накладок. Для пьяноборской культуры – положение погребенного с руками, согнутыми в локтях и кистями на тазе, восточная ориентировка погребенных; для мазунинской – западная ориентировка погребенных, наличие в могиле жертвенных комплексов в виде женских украшений, лежащих в туеске или берестяной коробочке в изголовье, развернутых поясов, гривен и застежек-сюльгам.

Исследователем отмечено, что среди частных признаков практически нет ни одного «чистого», т.е. такого, который, присутствуя в какой-то одной выборке, совершенно отсутствовал бы в других (за исключением восточной ориентировки погребенных, характерной только для могильников пьяноборской культуры). Данное обстоятельство, по мнению В.А. Иванова, является еще одним свидетельством этногенетического родства сравниваемых археологических культур, среди которых именно кара-абызская, имеющая более длительный период существования, может быть поставлена в качестве первого звена эволюционного ряда: «кара-абызская культура – пьяноборская – мазунинская» [Там же. С. 26-27].

Начиная с 1998 г., в ИИЯЛ УНЦ РАН издается ежегодный научный журнал «Уфимский археологический вестник». Уже во втором номере этого издания публикуются материалы кара-абызских памятников – Уфимского (Чертова) и Камышинского II городищ. В основном это керамика, составляющая часть культурного слоя памятников. Причем, часть не преобладающая. На Уфимском городище, исследованном Ю.А. Морозовым в 1973 г., были найдены около 100 фрагментов кара-абызских сосудов (из общего количества 976 орнаментированных фрагментов) [Морозов, 2000. С. 145-154]. Аналогично и на Камышинском II городище (раскопки

Б.Б. Агеева, 1980 г.) кара-абызская керамика по количеству заметно уступает бахмутинской (182 фрагмента против 386) [Агеев, Овсянников, 2000. С. 155-157].

В очередном выпуске УАВ, вышедшем в 2003 г., продолжается публикация материалов по кара-абызской культуре. В первую очередь это публикации документов, связанных с работой В.В. Гольмстен в Уфимской губернии в 1910–1911 гг. [Гарустович, Минеева, 2003], и полная публикация материалов и отчетов В.В. Гольмстен о раскопках Уфимского могильника в 1911–1912 гг. [Овсянников, Яминов, 2003].

В 2004 г. в Ижевске выходит второе издание «Древней и средневековой истории удмуртского народа». В главе, посвященной раннему железному веку, Р.Д. Голдиной написан раздел, посвященный кара-абызской культуре, которая, по мнению автора, являлась одним из вариантов пьяноборской общности [Голдина, 2004. С. 230]. Также Р.Д. Голдина солидаризируется с замечанием В.Ф. Генинга по поводу раннего этапа культуры, который он предлагает отнести к ананьинской, а начало кара-абызской, как и других прикамских культур, относить к III–II вв. до н.э.

Следующие 2005 и 2006 гг. были довольно насыщены публикациями материалов и исследований по кара-абызской культуре. Во-первых, в 2005 г. вышел из печати V выпуск УАВ и подготовлен следующий. Во-вторых, вне плана подготовлен сборник, посвященный юбилею А.Х. Пшеничнюка [НА УФИЦ РАН. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 608].

В первом из указанных выпусков к нашей теме имеет отношение статья А.Х. Пшеничнюка, который проанализировал глиняную посуду из Охлебининского могильника (из 635 исследованных погребений посуда встречается в 242, всего обнаружено 263 сосуда). Рассмотренный материал позволил автору сделать следующие выводы:

– по форме все сосуды укладываются в две основные разновидности: чаши (163 экземпляра – 65 %) и горшки (89 экземпляров – 35%), из которых чаш неорнаментировано (151 экз. – 92%), а горшков (27 экз. – 30%);

– особенность керамики Охлебининского могильника – полное преобладание керамики так называемого гафурийского и убаларского типов и отсутствие собственно кара-абызской – чашевидных круглодонных сосудов, орнаментированных пояском ямочных вдавлений по шейке;

– данную особенность, автор объясняет тем, что ведущую роль в сложении кара-абызской культуры, особенно на ее раннем этапе, сыграло не местное ананьинское население, а пришлые гафурийские племена [Пшеничнюк, 2004. С. 189-191].

В сборнике, посвященном юбилею А.Х. Пшеничнюка, опубликована статья В.В. Овсянникова. Автор на основе анализа исследуемого материала (с Шиповского, Ново-Уфимского и Охлебининского могильников) и широких аналогий, выделяет стилистические группы зооморфной металлопластики (I – V), которые датируются автором от IV–III вв. до н.э. до II–IV вв. [Овсянников, 2006а. С. 171-179].

В этом же календарном году в Ижевске выходит сборник, содержащий материалы двух международных мероприятий: «Великое переселение народов – один из важнейших факторов, определяющих новый этап взаимодействия и толерантности народов Евразии» и «Модели взаимодействия народов Евразии в эпоху великого переселения народов». В данном сборнике нам интересны работы В.В. Овсянникова. В первой работе в результате анализа особенностей планиграфии XIII раскопа памятника обосновал выделение нового (V) хронологического этапа кара-абызской культуры, верхней границей которого является начало или первые десятилетия IV в. н.э., нижняя граница проходит в пределах 2-й половины III в. н.э. [Овсянников, 2006б].

В продолжение заявленной темы В.В. Овсянников более детально останавливается на планиграфии XIII раскопа, а именно выделенных на нем 12 участках погребений и выделяет 5 хронологических групп. Этнокультурным содержанием уже упомянутого выше V хронологического этапа кара-абызской культуры является преобладание контактов позднекара-

абызского населения с носителями убаларско-имендяшевского типа, а через их посредство с позднесарматскими племенами Южного Приуралья. В конце IV этапа (1-я половина III в.) кара-абызской культуры отмечается наличие контактов с раннемазунинским населением. Однако новые материалы позволили автору сделать вывод о том, что значительная часть кара-абызского населения (во всяком случае его шиповская и охлебининская группировки) не принимало участия в формировании мазунинской культуры.

Исследователь также отмечает, что контакты с инокультурным населением носили семейно-брачный характер. Этнографические новации отражены лишь в женских и детских погребениях. Изменения в погребальном обряде мужских захоронений носят хронологический характер. Общая планиграфия некрополя, по мнению автора, не позволяет говорить о существенном влиянии иноплеменников на семейно-родовое устройство кара-абызского общества. Поздние участки воспроизводят ту же структуру, что и предшествующие по времени [Овсянников, 2006в. С. 88, 90].

В 2006 г. совместная экспедиция с Научно-производственным центром по охране и использованию недвижимых объектов истории и культуры при Министерстве культуры РБ (рук. В.В. Овсянников) проводит охранные раскопки Шиповского могильника кара-абызской культуры в Иглинском районе РБ. В результате работ было исследовано 90 погребальных комплексов на грунтовой и 7 комплексов на курганной части памятника [НА УФИЦ РАН. Ф.3. Оп. 1. Ед. хр. 612].

В 2007 г. отдел приступил к разработке коллективной темы «Археологические памятники Башкортостана в контексте этногенеза башкир» – научный руководитель: и.о. зав. отделом В.В. Овсянников, исполнители: Г.Н. Гарустович, Р.Б. Исмагилов, Ю.А. Морозов, В.Г. Котов, А.Х. Пшеничнюк. Тема была рассчитана на три года: 2007–2009 гг. Результатом должна явиться серия очерков по памятникам древности и средневековья Башкортостана и сопредельных областей и республик.

Планировалось продолжить подготовку и издание «Уфимского археологического вестника» [НА УФИЦ РАН. Ф.3. Оп. 1. Ед.хр. 633].

В этом же году увидела свет и коллективная монография В.В. Овсянникова, Н.С. Савельева, И.М. Акбулатова, В.Н. Васильева «Шиповский могильник в лесостепном Предуралье», посвященная введению в научный оборот и общему анализу инвентаря и погребального обряда исследуемого могильника по результатам раскопок 1989–1994 гг. В работе опубликованы материалы как грунтовой (8 раскопов), так и курганный частей некрополя. Общая площадь публикуемых раскопов на грунтовом могильнике более 2500 м², на ней исследовано свыше 300 погребений.

Шиповский могильник является разнородным археологическим комплексом, в нем представлены захоронения разных периодов и эпох. Неоднороден могильник и по топографическим характеристикам. В первую очередь, речь идет о курганной части. Она расположена обособленно от грунтовой части могильника. Заложенные А.Х. Пшеничнюком раскопы показали, что между грунтовой и курганной частями могильника имеется свободное пространство. Данное обстоятельство, как и значительные различия, в хронологии и погребальном обряде диктовали авторам исследования отдельное описание курганной и грунтовой частей.

Курганная часть могильника представляет собой три курганные группы, которые разделены оврагами и балками друг от друга. Планиграфически курганы II и III групп расположены очень плотно друг к другу и сгруппированы в несколько параллельных цепочек. В представленной работе публикуются исследования группы I кургана №12 и группы II курганы №1–9.

Погребальный обряд курганной части могильника представляет собой следующую картину. В насыпях курганов встречаются следы поминальных обрядов. Чаще всего это керамика (как развалы сосудов, так и отдельные фрагменты). Они найдены в подавляющем большинстве насыпей. Кости животных встречаются только в трех насыпях. Угли – в четырех случаях.

Глубина всех захоронений от современной поверхности составляет 0,3–0,75 м. Все погребения, судя по размерам, одиночные. Наибольшая часть погребенных ориентирована на север с отклонениями к западу и востоку. В половине погребений найдены глиняные сосуды. В части погребений в заполнении зафиксированы мелкие угольки, в одном случае были найдены мелкие кусочки дерева [Овсянников и др., 2007. С. 54-56].

Грунтовые погребения могильника занимают центральную и юго-западную части большого мысовидного участка террасы правого берега р. Белой. Многолетние исследования и научные труды А.Х. Пшеничнюка и авторов монографии позволили разработать хронологию и периодизацию кара-абызской культуры. Опираясь на эти исследования, публикуемые материалы были разделены на ранние (III хронологическая группа) и поздние (IV хронологическая группа). Погребальный обряд обеих групп погребений по многим показателям различен.

К ранней группе погребений грунтовой части относится 72 погребения. Подавляющее большинство захоронений являются индивидуальными, в могильных ямах простой конструкции. Глубина захоронений от современной поверхности колеблется в пределах 0,4–1,08 м. Костяки лежат вытянуто на спине, наибольшая часть костяков в определимых погребениях ориентирована на запад и на запад-юго-запад (33 погребения). Погребальный инвентарь представлен следующими элементами: железные ножи, которые представлены в большинстве погребений, наконечники стрел и копий, боевые ножи, железные удила, детали поясных наборов (круглые бляшки с ушком на обороте, бронзовые пронизки и обоймы), бусы, пряслица и трапецевидные подвески. В шести погребениях с мужским инвентарем в ногах погребенных найдены по две бронзовые пряжки. По мнению исследователей, это может говорить об их принадлежности к обуви [Там же. С. 57-59.].

К поздней группе погребений грунтовой части относится 282 погребения. В расположении могильных ям наблюдаются четкие ряды;

хорошо различимы границы семейных участков, не заполненные погребениями. Не зафиксировано ни одного нарушения могильной ямы друг другом, что позволило говорить авторам о наличии каких-то надмогильных сооружений и о небольшом хронологическом разрыве между погребениями на этом участке. Все ямы простой конструкции с прямыми отвесными стенками и ровным дном. В нескольких случаях на дне могильных ям под скоплением бронзовых вещей или под костяками прослежены следы органики, похожей на кору. Подавляющее большинство погребений являются одиночными, лишь в четырех могильных ямах было уложено более одного костяка, погребенные лежат вытянуто на спине, ориентированы в северном и северо-западном направлении. Характерной чертой поздних погребений является обряд обезвреживания, который фиксируется в 201 захоронении. Погребальный инвентарь представлен следующими элементами: кости животных, глиняные сосуды, железные ножи, которые, как и в ранних погребениях, представлены в большинстве погребений, наконечники стрел, глиняные пряслица, бронзовые браслеты, среди украшений и деталей костюма наиболее часто встречаются железные пряжки, значительно реже – бронзовые пряжки. Единичными находками являются: перстни (в 9 погребениях) и гривны (в 6 погребениях). В пяти погребениях в ногах костяков зафиксировано скопление бронзовых подвесок и пронизок, составляющих, скорее всего, остатки какого-то украшения неясного характера [Там же. С. 59-63.].

Шиповский некрополь функционировал с IV в. до н.э. по IV в н.э. В его материале ярко отразились этнические, культурные и хронологические изменения, происходившие в Приуралье.

Также в 2007 г. увидела свет археологическая карта Иглинского района РБ, составленная А.Х. Пшеничнюком и В.В. Овсянниковым [2007], в которой представлены памятники кара-абызской культуры, открытые и исследованные авторами.

В следующем (2008) году В.В. Овсянниковым были написаны разделы для Очерков археологических культур Южного Урала. Преемственность и взаимодействие культур. Раздела 3. Ранний железный век. Население лесостепного Предуралья в эпоху РЖВ (V в. до н.э. – IV в. н.э.).

Автор выделил 5 этапов кара-абызской культуры:

1) V в. до н.э. – IV в. н.э. – процесс формирования кара-абызской культуры;

2) IV – III вв. до н.э. – образование основных центров жизнедеятельности кара-абызского населения: появление укрепленных поселений и формирование возле них родовых кладбищ;

3) III – II вв. до н.э. – проникновение в раннекара-абызскую среду зауральского, вероятно, кочевого элемента;

4) I в. до н.э. – II в. н.э. – период стабильного развития культуры, демографический рост; складывание на юге ареала кара-абызской культуры убаларских древностей; ослабление взаимодействия со степным населением и усилением контактов с Прикамьем в лице пьяноборского населения;

5) II – IV вв. н.э. – трансформация социальной структуры кара-абызского населения, фиксируемая на материалах могильников. Продвижение убаларского населения вдоль р. Белой, на север в ареал расселения кара-абызского населения [НА УФИЦ РАН. Ф.3. Оп. 1. Ед.хр. 643]. Отметим, что данное издание так и не вышло в свет.

Летом 2008 г. В.В. Овсянниковым было продолжено исследование Шиповского могильника. За время работы было вскрыто 2 кургана, расположенных у края оврага, разделяющих могильник и городище. Под насыпями исследовано 11 погребений и 4 поминальных комплекса, материал относится к III – II вв. до н.э. Материалы получены в ходе раскопок в последующем были введены в научный оборот [Овсянников, 2010; 2018] и использованы в ряде исследований.

Как было сказано выше, на данный момент в Научном архиве Уфимского научного центра РАН хранятся отчетные документа Отдела

археологии только до 2008 г. В связи с этим далее мы остановимся на трудах исследователей, которые рассматривали погребальный обряд кара-абызской культуры или отдельные его элементы и остановимся на кратких результатах полевых исследований.

В 2009 г. отрядом экспедиции ИИЯЛ УНЦ РАН под руководством В.В. Овсянникова вскрыто еще 17 погребений на Охлебининском могильнике [Воробьева, 2015. С. 208].

В 2011 – 2012 гг. научно-исследовательский центр «Наследие» (руководитель Н.С. Савельев) совместно с Башкирским государственным педагогическим университетом им. М. Акмуллы и РОО «Археологическое общество РБ» проводил охранные раскопки грунтового могильника Кара-Абыз-2 (Благовещенский район Республики Башкортостан). Так, в полевом сезоне 2011 г. была вскрыта площадь около 400 кв.м. и исследовано 29 погребений, которые датируются Н.С. Савельевым IV–II вв. до н.э., в 2012 г. работы были продолжены, из 300 кв.м. исследовано 20 погребений (III–II вв. до н.э.) [Проценко, 2016б. С. 45].

В 2012 г. отряд экспедиции Отдела археологических исследований Института истории, языка и литературы УНЦ РАН под руководством И.Х. Каюмова проводил археологические исследования на территории Иглинского района Республики Башкортостан. В ходе работ был открыт грунтовый могильник Юрмаш-1. Памятник занимает высокий мыс коренной террасы правого берега р. Юрмаш, правого притока р. Уфа, в 1 км севернее с. Турбаслы. В ходе рекогносцировочных работ было заложено два небольших раскопа, общей площадью 7 кв.м. В результате исследований было обнаружено одно погребение. Погребальный инвентарь состоял из следующих бронзовых украшений: гривна, две височные подвески, две нашивки, колечко и спиралевидная подвеска. Костяк не сохранился. Исходя из расположения зубов и предметов украшения, автор предположил, что погребенный был уложен головой на запад.

Материал, полученный из раскопа и собранный с территории памятника, позволили И.Х. Каюмову отнести его к позднему этапу кара-абызской культуры и предварительно датировать в пределах I–III вв. н.э. Площадь памятника была установлена на основе распространения подъемного материала и грабительских ям. Исходя из этого, площадь могильника составила около 10 тыс. кв.м. [Каюмов, 2015]. В 2019 г. коллективом ООО «Центра технологического развития Республики Башкортостан», под руководством И.М. Бабина и А.С. Проценко исследования были продолжены, целью являлось определение северо-западной границы некрополя. В результате было зафиксировано одно захоронение, где погребенный был уложен головой на запад, ногами к реке. Сопроводительный инвентарь представлен трапецевидной подвеской и развалом сосуда, расположенного у ног.

В 10 выпуске УАВ выходит статья В.Г. Котова, в которой был проведен семантический анализ пряслиц кара-абызской культуры. Полученные данные позволили автору реконструировать мифологические представления и содержание ритуальной практики древнего населения южно-уральского региона, а также выделить на основе кара-абызских пряслиц модель мира, которая восходит к кругу памятников урало-поволжского региона эпохи бронзы [Котов, 2010. С. 36-55].

В этом же выпуске в статье С.Л. Воробьевой рассматривается один из элементов материальной культуры кара-абызцев – поясные накладки с противопоставленным изображением голов грифонов на лицевой стороне. Их анализ по технике изготовления и степени стилизации, по мнению автора, показывает сильную трансформацию от реалистических изображений к стилизованным, что свидетельствует о единой линии развития от одного прообраза. Интересен итоговый вывод исследователя: «Своеобразие и раннее появление в лесостепном Приуралье поясных накладок с уже стилизованным изображением грифонов, вероятно, свидетельствует о том, что в VI – V вв. до н.э. в приуральскую лесостепь проникают элементы материальной культуры

кочевнического населения из Зауралья, что хорошо прослеживается по материалам Старшего Шиповского могильника» [Воробьева, 2010в. С. 56-63].

Результатом планомерной работы С.Л. Воробьевой по убранству кара-абызского костюма явилась защита кандидатской диссертации в 2012 г. [Воробьева, 2012]. В ходе апробации [Воробьева, 2009; 2010а; 2010б] и дальнейшей работы С.Л. Воробьева опубликовала научные статьи, в которых представлены элементы убранства костюма кара-абызской культуры. Так, в 2011 г. исследователь рассматривает гривны в контексте их типологии и происхождения [Воробьева, 2011. С. 108-115], в 2013 г. – вопросы хронологии и происхождения височных подвесок, типологию данного элемента убранства костюма (на основе 350 украшений из 190 комплексов). Автор делает вывод о том, что основные типы височных подвесок имеют кочевническое происхождение, которые появляются в костюме кара-абызского населения в IV–III вв. до н.э., а после этого получают уже местное развитие [Воробьева, 2013. С. 91-103].

В 2014 г. С.Л. Воробьева на основе анализа элементов убранства костюма из 25 погребальных комплексов (из 6 могильников) рассматривает особенности взаимодействия носителей кара-абызской культуры и кочевников Южного Урала IV–III вв. до н.э. Большинство элементов убранства костюма имеют кочевнические истоки происхождения (поясные накладки, крючки, подвески, гривны), распространяются практически единовременно во всех погребальных памятниках среднего течения р. Белой. При этом вектор развития кочевнической моды шел с юга на север, что связано с установлением южными группами носителей ананьинской культуры прямых контактов с раннепрохоровским населением, осваивавшим в это время южную часть Приуральской лесостепи [Воробьева, 2014. С. 54-65].

Касаясь анализа погребального обряда, интересна одна из работ С.Л. Воробьевой, которая посвящена нижней дате кара-абызской культуры.

Проанализировав все погребения Охлебенинского могильника и выделив из них 33 погребения, автор по сочетанию в них сопровождающего инвентаря разделил их на четыре группы, одна из которых датируется V–IV вв. до н.э. [Воробьева, 2015. С. 208-221].

В 2019 г. С.Л. Воробьева рассматривает этапы становления и развития костюмного комплекса кара-абызского населения. В работе были использованы материалы из 8 могильников кара-абызской культуры (Уфимский, Ново-Уфимский/Галановский, Кара-Абыз-2, Охлебенинский, I–III Биктимировский, Шиповский грунтовый и курганный, Нагаевский курганный). Костюмный комплекс состоит из следующих элементов: головного убора, шейно-нагрудных украшений, поясного набора, обувных украшений и обшивок одежды. Для каждого элемента автором определены свои типы и представлены гипотетические реконструкции мужского и женского костюмов в разные хронологические периоды развития кара-абызской культуры (IV в. до н.э. – IV в. н.э.) [Воробьева, 2019а. С. 50-70].

В.Н. Васильев в одной из работ обращается к проблеме «восточного импульса» в кара-абызской культуре, путем анализа элементов поясного набора – поясных застежек и накладок. Исследователь приходит к выводу, что данное явление имеет северокитайское происхождение, морфологическая же эволюция его проходила на территории Саяно-Алтая [Васильев, 2014].

Необходимо отметить работы Н.С. Савельева в контексте выделения так называемого особого гафурийского комплекса материальной культуры лесостепи Южного Приуралья. Данное направление не ново и имеет широкую историографию. Но именно работы Н.С. Савельева позволили «пролить свет» на данную проблематику, а именно установить (на основе широких аналогий) влияние ранних кочевников (раннепрохоровская культура) на кара-абызскую культуру [Савельев, 2001; 2008б; 2011].

Немаловажным является и изучение, так называемого убаларского феномена в кара-абызской культуре. Как справедливо отмечает Н.С. Савельев, интерес к убаларским памятникам, возникший с самого момента их

открытия в конце 1950-х годов, даже к настоящему времени так и не перерос в предмет отдельного исследования, а сам «убаларский тип» так и не получил однозначной интерпретации [Савельев, 2017. С. 20]. Данный пробел в понимании не только, возникновения, но и сложения и развития, выше отмеченного культурного типа, рассмотрен в работе Н.С. Савельева. Автором проведена скрупулезная, источниковедческая работа, которая позволила ответить на накопившиеся вопросы и подвести итог проведенным исследованиям [Савельев, 2017].

Своеобразным итогом изучения археологических культур региона является выход в начале XXI в. обобщающих работ по древней истории Башкортостана. Так, в одной из первых подобного рода работ на современном этапе «История Башкортостана. Древность. Средневековье» Н.А. Мажитов и А.Н. Султанова считают нецелесообразным выделение самостоятельной кара-абызской культуры (V в. до н.э. – II в. н.э.). Исследователи приходят к выводу о том, что «караабызскую группу памятников V–III вв. до н.э. лучше назвать как среднебельский (караабызский) вариант единой ананьинской культуры. Эти же памятники, но уже II в. до н.э. – II в. н.э. мало чем отличаются от синхронных памятников Среднего Прикамья и нижнего течения р. Белой и их следует рассматривать в рамках пьяноборской культуры» [Мажитов, Султанова, 2010. С. 86].

Военную структуру кара-абызского общества рассматривает в своих работах С.Э. Зубов. Исходя из верности тезиса о том, что оружие, помещенное в могилу, несет в себе определенную информацию, в своих типах и сочетаниях отражая определенную «специализацию» воина [Кирпичников, 1971. С. 43], исследователь предпринял попытку статистического анализа комплекса вооружения из погребений Охлебининского могильника. Всего из 635 исследованных погребений было выделено 200 погребений с предметами вооружения, воинские захоронения составляют 31,5% от общего количества погребений могильника и 81,3% от всех мужских [Зубов, 2010. С. 208]. С.Э. Зубов условно разделил кара-

абызское войско (т.е. воинские погребения) на две части: конницу (79 погр.) и пехоту (121 погр.) по наличию удила или отсутствию предметов конского снаряжения. Проанализировав распределения наборов вооружения в двух группах, автор приходит к выводу о том, что «практически каждый мужчина был воином и существенных имущественных отличий в этих захоронениях не зафиксировано» [Там же. С. 212]. В контексте военного дела кара-абызской культуры характерны традиционные, унаследованные от позднеананьинского времени, формы и наборы вооружения, что, в свою очередь, определяло приемы ведения боевых действий. По мнению автора, комплекс вооружения кара-абызцев кардинально не изменился по сравнению с предшествующим временем [Там же. С. 213]. В последующем С.Э. Зубов расширил свою публикацию иллюстративным материалом и опубликовал ее в Уфимском археологическом вестнике [Зубов, 2012].

Определенным итогом археологического изучения Республики Башкортостан явился выпуск семитомной истории башкирского народа, в первом томе которого представлен раздел «Исторический Башкортостан в раннем железном веке». Глава, посвященная кара-абызской культуре (V в. до н.э. – IV в. н.э.), написана В.В. Овсянниковым, на которой мы и заострим внимание. Автор, рассмотрев историографию и характерные черты погребального обряда, справедливо отмечает, что «общественное устройство кара-абызского населения практически никак не освещено в современной литературе» [Овсянников, 2009а. С. 240].

Некоторую информацию о структуре кара-абызского общества, по мнению автора, дает анализ планиграфии могильников. На примере Шиповского могильника, В.В. Овсянников приходит к выводу, что исследованные погребения довольно четко делятся на участки, видимо, родовые или большесемейные. Внутри участка погребения сгруппированы в ряды. Как правило, время заполнения участка укладывается в одно столетие, т.е. на протяжении трех поколений. Состав и количество погребального инвентаря в погребениях примерно одинаковы. Они подчеркивают резкую

половозрастную градацию кара-абызского общества. Для мужчин характерно оружие, как правило, охотничье (колчан со стрелами и копье), реже боевое (клинок), и принадлежности костюма. Юношей и пожилых мужчин часто хоронили без оружия [Там же. С. 242].

Рассмотрев погребальный инвентарь мужских и женских захоронений, автор делает вывод, что в целом кара-абызское общество выглядело слабо дифференцированным и эгалитарным, где социальный статус человека определялся в рамках половозрастных групп. Каких-либо привилегированных наследственных групп в кара-абызском обществе не было [Там же. С. 245].

В 2017–2018 гг. были проведены комплексные исследования поселенческих памятников кара-абызской культуры⁶, в результате которых была изучена растительность в момент функционирования десяти городищ и поселений кара-абызской культуры [Савельев и др., 2017; Савельев и др., 2018; Курманов и др., 2019 и др.]. На ряде разрезов удалось охарактеризовать ландшафты более ранних и поздних периодов. В целом, было описано 8 этапов смены растительных сообществ и выделено 7 климатических обстановок.

В 2018 г. в ходе спасательных археологических работ на Ново-Уфимском могильнике, Н.Б. Щербаковым и И.А. Шутелевой была исследована северо-западная граница некрополя, в результате вскрыто 22 захоронения раннего железного века. Исследователями выявлена ранее не зафиксированная особенность погребального обряда могильника. Так часть захоронений совершена ярусно, в два уровня. Факт наличия, подобного рода захоронений, позволил исследователям предположить существование различных «внутрисемейных» групп внутри кара-абызской культуры [Щербаков и др., 2020. С. 136-137].

⁶ В том числе и автором диссертационного исследования: Кара-Абызского городища [Проценко, 2016в; 2017в; Проценко, Сатаев, 2016; Проценко и др., 2017; Проценко, Курманов, 2019] и селища Зинино-1 [Проценко, 2016].

В 2019 г. в ходе спасательных археологических исследований экспедицией ООО «Георесурс-КБ» на объекте археологического наследия «Новые Турбаслы-7, селище», в юго-западной части раскопа был выявлен грунтовый могильник. На могильнике были исследованы 23 погребения, 5 ям без антропологического материала, 4 тризны и 1 яма с ритуальным (?) захоронением костей животных. В ходе исследования могильника в рамках площади раскопа, удалось определить северную и восточную границы могильника. Погребения на могильнике расположены достаточно плотно, рядами по линии запад – восток. Между погребениями фиксируются не заполненные участки, что может свидетельствовать о наличии участков с семейными захоронениями. Не обнаружены перекрытия одного погребения другим, что, вероятно, свидетельствует о наличии надмогильных сооружений и небольшом хронологическом диапазоне наполняемости могильника. Положение индивидов – вытянуто на спине, руки вдоль туловища, ноги прямые, головой к северу, ногами к руслу ручья (к югу). Детское захоронение (погр.13) расположено вне рядов погребений и ориентировано по линии запад – восток. В ряде случаев под костями (под частью костяка) фиксируются признаки органического тлена, что может свидетельствовать о том, что умершего укладывали на органическую подстилку. Следы перекрытия сверху не зафиксированы. Большинство погребений (погр.1) являются одиночными.

Исследователями отмечено, что 73,91% погребений могильника являются либо «потревоженными», либо полностью разрушенными. В части из них фиксируются ямы вторичного проникновения. В «потревоженных» погребениях фиксируются либо части скелета в анатомии, а часть сдвинуты; либо часть костяка вообще отсутствовала. В одном случае (погр.18) фиксируются следы, вероятно, постингумационного расчленения. Погребальный инвентарь в «потревоженных» или разрушенных погребениях в большинстве случаев не тронут (он мог быть переотложен, но оставался в

погребении). Данные факты авторы связывают с обрядом обезвреживания, который известен в кара-абызской культуре.

Погребальный инвентарь представлен деталями костюма (пуговицы, пряжки, круглые бронзовые бляшки-зеркала, накладки, крючки, бронзовые пронизки), орудиями (бронзовые наконечники стрел, железные наконечники копий, костяные проколки, пряслица (у ног), редко ножи (в одном случае видимо кинжал), украшениями (бусы, кольца, редко серьги), в детском погребении астрагалы.

Исходя из анализа погребального инвентаря, авторы делают вывод о том, что у населения, оставившего данный некрополь, принцип дифференциации связан с социальным статусом в половозрастной группе. Выявленный на площади раскопа материал датируется исследователями IV–III вв. до н.э. [Дремов, 2019. С. 94-96].

Подведем итоги накопления эмпирической базы кара-абызской культуры на современном этапе и ее первичной интерпретации:

- во-первых, начало перестройки в стране в 1990-х гг. негативно сказалось на археологических исследованиях научных учреждений, в том числе и на ИИЯЛ УНЦ РАН. Финансовые трудности привели к свертыванию не только плановых полевых исследований, но и публикаций уже накопленных материалов;

- во-вторых, практически прекратился целенаправленный поиск новых памятников, работы велись большей частью по хоздоговорным объектам;

- в-третьих, современный этап характеризуется значительным увеличением аналитических работ, касающихся отдельных элементов материальной культуры кара-абызского населения. Определенным итогом изучения явилось написание соответствующего раздела по рассматриваемой культуре в I томе «Истории башкирского народа» – В.В. Овсянниковым;

- в-четвертых, за период 1990–2019 гг. выявлены три новых грунтовых могильника: «Юрмаш-1» (Иглинский район РБ), на котором проведены небольшие рекогносцировочные работы, и стационарно исследованные

могильники «Кара-Абыз-2» (Благовещенский район РБ) и «Ново-Турбаслы-7» (Благовещенский район РБ), материалы которых не введены в научный оборот⁷. Одна из основных проблем, связанная с кара-абызской культурой, заключается в том, что большая часть накопленного материала по погребальным комплексам не опубликована. Это создает определенные трудности для более глубокого понимания не только кара-абызской культуры, но и хода этнокультурных процессов в регионе на рубеже эпох.

Вопросы социологической интерпретации археологических материалов затрагиваются исследователями, однако чаще всего это лишь один из частных вопросов при рассмотрении археологических проблем. Специальных исследований, посвященных проблеме социальной организации предуральского населения в эпоху раннего железа, к сожалению, пока нет.

⁷ В 2018 г. Н.Б. Щербаковым и И.А. Шутелевой проведены спасательные археологические раскопки «Ново-Уфимского могильника» (ГО г. Уфа).

ГЛАВА 2. ОПИСАТЕЛЬНАЯ СТАТИСТИКА ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА КАРА-АБЫЗСКОЙ КУЛЬТУРЫ

2.1. Формирование списка признаков. Суммарная характеристика погребального обряда.

Данные, приведенные в предыдущей главе, показывают, что за более чем вековую историю изучения кара-абызской культуры накоплена вполне репрезентативная база данных, пригодная для ее обработки с помощью формализовано-типологических методов анализа массового археологического материала, разработанных и апробированных в советской археологии (И.С. Каменецкий, Б.И. Маршак, Я.А. Шер, Г.А. Федоров-Давыдов, В.Ф. Генинг, Е.П. Бунятян и др.). В основе их лежит количественный анализ, являющийся неотъемлемым элементом познания, в том числе и явлений этнокультурной и социальной действительности. Их применение диктуется внутренними потребностями развития археологии, что связано как с информационным взрывом, так и постановкой новых познавательных задач, направленных на углубленное изучение способов жизнедеятельности древних обществ. Разработанные предшественниками методы и программы количественного анализа археологических материалов успешно вписываются в современные компьютерные программы Excel и SPSS Statistics.

Необходимо отметить, что методы математической статистики в археологии успешно применялись и применяются в археологии региона [Шмуратко, 2012; 2013а; 2013б; Стаматина, 2004; Белавин и др., 2009]. То есть, мы лишний раз убеждаемся в том, что археология все больше начинает приобретать статус мультисциплинарной науки.

На этом фоне проблемы реконструкции социальной истории древнего населения также становятся все более актуальными в археологических исследованиях [Берсенева, 2011; Матвеева, 2007].

Источниковую базу исследования составляют опубликованные материалы и научные отчеты о раскопках кара-абызских могильников. Случайная статистическая выборка представлена 700 закрытыми погребальными комплексами, происходящими из пяти наиболее исследованных кара-абызских некрополей – Охлебининского, I Биктимировского, III Биктимировского, Шиповского (грунтовая часть) и Уфимского могильников.

Немногочисленные погребения из Ново-Уфимского могильника (расположенного на территории ГО г. Уфа), в большинстве своем были разрушены во время земляных работ, что, естественно привело к частичной утрате вещевого материала⁸. Неизвестно и расположение многих предметов по отношению к костяку [см.: Бахшиев, 2019]. В связи с этим обстоятельством погребения из выше указанного некрополя не вошли в источниковую базу исследования. Отметим, что площадь данного некрополя составляет не менее 140000 кв.м., численность коллектива использовавшего это кладбище для захоронений своих сородичей, по расчетам А.Х. Пшеничнюка, составляло около 900-1000 или более человек [Пшеничнюк, 1981. С. 94].

Охлебининский могильник расположен в Иглинском районе Республики Башкортостан в 6 км северо-восточнее д. Охлебинино (рис. 1, 2), на высоком тупоугольном мысу в устье р. Сим, рядом и частично на территории II Охлебининского городища [АКБ, 1976. С. 142.]. В исследование включены 492 погребения [Пшеничнюком, 1968б; 1980; 1981].

I Биктимировский могильник находится в Бирском районе Республики Башкортостан, на северной окраине д. Ново-Биктимирово на правом берегу р. Уряды [АКБ, 1976.С. 96]. В исследование использовано 68 погребений [Сальников, 1962; Пшеничнюк 1963; 1964].

⁸ Не потревоженные захоронения, были получены только в 2018 г., в ходе спасательных археологических раскопок Ново-Уфимского могильника (22 погребения), проведенных Н.Б. Щербаковым и И.А. Шутелевой [Щербаков и др., 2020].

III Биктимировский могильник расположен в Бирском районе Республики Башкортостан (рис. 1, 3), на южной окраине д. Ново-Биктимирова на правом берегу р. Белой [АКБ, 1976. С. 96]. В работе использованы 17 погребений исследованных в 1964 г. [Пшеничнюк, 1964].

Уфимский могильник расположен в ГО г. Уфа на высоком правом берегу р. Уфа, в районе санатория «Зеленая роща» (рис. 1, 4). В 1910 и 1912 гг. раскопки могильника производили В.В. Гольмстен и Д.Н. Эдинг, в ходе исследований было вскрыто 28 погребений [АКБ, 1976. С. 125], материалы полностью опубликованы [Гольмстен, 1913; Овсянников, Яминов, 2003] и вошли в базу исследования.

Шиповский могильник расположен в 25 км юго-восточнее г. Уфа, на правом высоком и обрывистом берегу р. Белая, на окраине д. Шипово Иглинского района Республики Башкортостан (рис. 1, 5, 26). В результате многолетних исследований А.Х. Пшеничнюка было установлено, что в хронологическом отношении памятник состоит из трех частей – Старший Шиповский могильник содержал погребения ананьинского времени и эпохи средневековья (начало II тыс. н.э.), а Младший Шиповский комплексы IV в. до н.э. – III в. н.э. Последний делится на две части – курганныю и грунтовую расположенную между Старшим Шиповским могильником и подкурганными погребениями [Овсянников В.В. и др., 2007. С. 4.]. В базу исследования вошли 95 грунтовых погребений исследованных А.Х. Пшеничнюком, материалы опубликованы [Пшеничнюк, 1976а].

Данная глава посвящена сравнительно-статистической характеристике погребального обряда могильников кара-абызской культуры. Сравнительный анализ в археологическом исследовании имеет такое же широкое распространение, как, например, типологический метод. Это отражает специфику археологического исследования – любой объект может найти свое пространственно-временное место в системе на основании его сравнения с другими объектами [Генинг и др., 1990. С. 79]. Самый надежный в этом отношении метод – сравнение случайных статистических выборок, что

неоднократно доказывалось исследователями. Перед тем, как перейти к процедуре сравнительно-статистического анализа остановимся на основных понятиях, используемых в нашем исследовании, которые ввели в научный оборот одни из основоположников статистических методов в археологии.

Г.А. Федоров-Давыдов: «Одним из основных понятий математической статистики является понятие «генеральная совокупность», представляющая собой модель источника данных. Применительно к археологии это понятие можно интерпретировать как совокупность объектов, объединенных какими-либо признаками или качествами, бывших в употреблении, обиходе, «бытовавших» в определенный период на определенной территории. Это «генеральная совокупность» предметов или явлений недоступна для полного изучения. Некоторое количество элементов этой совокупности превращается в археологический материал и образует *выборку* из генеральной совокупности. Выборку из этой выборки составляет тот археологический материал, который попал в поле зрения исследователя. Таким образом, археологи по выборке пытаются, используя методы и приемы математической статистики, судить о тех или иных свойствах генеральной совокупности.

Под генеральной совокупностью, по Г.А. Федоров-Давыдову – это то, из чего произведена выборка. Если выборка – могильник, то генеральная совокупность – все погребения того населения, которое хоронило на могильнике. Если выборка – сосуды из раскопанной части могильника, то генеральная совокупность – все сосуды могильника, но также и все сосуды населения, хоронившего в могильнике. Если выборка – клад монет, то генеральная совокупность – денежное обращение в момент зарытия клада, если выборка – ножи из определенного слоя данного раскопа в городе, то генеральная совокупность – все ножи в культурном слое города или все ножи, бывшие в употреблении в этом городе или в данном районе города в данный момент.

Для статистического исследования особенно важна и ценна случайная выборка. Если все элементы генеральной совокупности имеют одинаковые шансы попасть в выборку, то такую выборку мы называем случайной. Случайная выборка статистически отражает генеральную совокупность. Но при этом должны быть устранены все субъективные, неслучайные факторы образования выборки. Случайной выборкой из клада монет можно признать его часть, оставшуюся после хищения клада находчиками, в монетах не разбирающимися. Не является случайной выборкой часть клада, отобранная коллекционерами. Она отражает не столько состав клада, сколько интерес коллекционера...» [Федоров-Давыдов, 1987. С. 14-15].

В.Ф. Генинг: «В археологии существует мнение о том, что для решения каких-либо определенных проблем необходимо использовать как можно больше материала. Из этого вытекают упование и надежды на дальнейшее накопление материала. Однако часто дальнейшее накопление происходит достаточно успешно, а проблемы, несмотря на это, не решаются. Более того, сильное увеличение количества археологических объектов затрудняет их сравнение и обобщение. Работать с таким подчас огромным материалом становится трудно.

В тех случаях, когда накоплен большой объем археологического материала (порядка более 1000 единиц), возникает возможность работать с определенной выборкой из него. Причем для наиболее успешной работы выборка должна быть оптимальной: не столь малой, чтобы не считаться непредставительной, и не столь большой, чтобы не создавать для исследователя излишних трудностей при подготовке материала и работе с ним» [Генинг и др., 1990. С. 62-63].

Применительно к нашему материалу, генеральной совокупностью являются все известные погребения кара-абызской культуры. На данный момент мы имеем 9 могильников, на которых, более чем за сто лет вскрыто более 1400 захоронений. В настоящее время это самая представительная

источниковая база по погребальному обряду археологических культур эпохи раннего железного века Предуралья [Проценко, 2016б. С. 45].

Список признаков

Погребальный обряд состоит из двух взаимосвязанных компонентов. Первый из них характеризует ритуальную сторону и включает набор одобренных традицией ритуальных действий, происходящих до похорон, в момент похорон и после них. Эти действия необходимы для перевода в потусторонний мир умерших членов общины, составляющих ее основное ядро и связанных общим родством. Второй компонент характеризует общественное положение умершего и состоит из набора материальных элементов, присущих погребальному обряду: погребального сооружения, набора инвентаря, позы умершего.

Совокупность двух компонентов составляет стандартный (традиционный) погребальный обряд любой археологической культуры. Эти два основных компонента нельзя рассматривать изолированно друг от друга или противопоставлять друг другу, поскольку для извлечения любой информации необходимо детально анализировать погребальный обряд в целом [Алёшкин, 1981. С. 3].

Точка зрения, высказанная более двадцати лет назад основоположниками российской формализованно-статистической школы, также актуальна и в настоящее время: «...в связи с ростом источниковой базы и постановкой сложных познавательных задач, направленных на выявление закономерностей функционирования конкретных обществ древности, метод описания каждого объекта *мало эффективен* (выд. — автор.), так как делает упор на единичность факта, его индивидуальность. При всей полноте и конкретности индивидуального описания при исследовании массовых фактов подобный способ их включения явно неприемлем не только из-за громоздкости, но и потому, что не дает представления о совокупности фактов как определенной целостности. Между

тем научный факт – это прежде всего обобщенный факт» [Генинг и др., 1990. С. 66].

Именно суммарная характеристика, дает целостное представление погребального обряда. На уровне учета объектов и признаков, характеризующих их, можно получить количественные характеристики качественных свойств выборки и выявить эмпирические закономерности их распределения. Таким образом, суммарная характеристика является первой стадией освоения и обработки источника, системного его представления [Там же. С. 67].

Одно из важных требований к формируемому списку признаков, должен стать отказ от чрезмерной дискретности и излишней детализации анализируемых признаков по морфологическим и типологическим особенностям. Учет данных характеристик может исказить реальную картину погребально-поминальной традиции и привести в итоге к тому, что одна реальная традиция рассыплется на множество искусственно созданных типов и подтипов, интерпретация которых будет крайне затруднена и субъективна [Шмуратко, 2012. С. 99].

Необходимо отметить, что мы в своем исследовании попытались исключить эффект «перенапряжения» источника, причиной возникновения которого исследователи связывают с желанием (и возможностью) быстрого и сравнительно легкого получения статистической информации, кажущейся достоверной и объективной, но в реальности таковой не являющейся [Гуляев, Ольховский, 1999. С. 15].

Прежде чем приступить к суммарной характеристике погребального обряда, следует отметить один аспект, который по объективным обстоятельствам не учтён, это то, что половозрастных определений по карабызской культуре, несмотря на значительное количество исследованных погребальных комплексов получено мало [Проценко, 2017а. С. 854]. Кратко остановимся на результатах антропологов, которые работали с материалами

рассматриваемой культуры⁹. Антропологические определения М.С. Акимовой были получены по Биктимировскому могильнику, серия включает 7 мужских, 6 женских и 1 детский череп [Акимова, 1968. С. 20-29]. С.Г. Ефимова оперировала в своем исследовании материалами из двух могильников, антропологические определения были получены по 36 костякам: по Охлебининскому – 11 мужских и 9 женских; по Шиповскому – 11 мужских и 5 женских [Ефимова, 1981; 1991]. Р.М. Юсуповым были опубликованы средние данные по 8 мужским черепам из Охлебининского могильника. А.И. Нечвалода опубликовал материалы из могильника Карабыз II, серия включает 3 мужских и 4 женских черепа [Нечвалода, 2012. С. 249-250; 2016]. Определения пола погребенных из раскопа XIII (исследования 1991, 1993 гг.) были выполнены сотрудником УНЦ РАН А.А. Вильдановым [Овсянников и др., 2007.С. 20].

В 2018 г. А.И. Нечвалода (совместно с С.Л. Воробьевой) публикует краниометрический анализ 29 черепов (14 мужских и 15 женских) Охлебининского могильника, из раскопок А.Х. Пшеничнюка 1980–1982 гг. Материалы представлены погребениями из трех хронологических групп (III-II вв. до н.э.; II в. до н.э. – II в н.э. и II-III в. н.э.) [Нечвалода, Воробьева, 2018].

Таким образом, на данный момент мы имеем сравнительно небольшое количество половозрастных определений с кара-абызских могильников. В связи с вышесказанным в нашем исследовании не представляется возможным выявить закономерность между возрастом умерших (или, к примеру, определить этапы социализации детей в обществе или детально рассмотреть погребения людей старшей возрастной группы [Берсенева, 2013] и др.), размерами погребений и другими категориями признаков.

Несомненно, на сегодняшний день назрела необходимость в проведении исследований по демографии кара-абызских могильников. В

⁹ Далее мы подробно остановимся на половозрастных определениях полученных исследователями.

сложившейся ситуации целесообразным представляется обращение к успешному опыту коллег, получивших интересные результаты по палеодемографии могильников пьяноборской культуры [Куфтерин, Воробьева, 2019].

Детали погребального обряда рассматривались с позиции социологических (отношение отдельного погребения к соответствующей социальной группе). То есть может ли выступать погребальный обряд отдельной археологической культуры (в нашем случае – кара-абызской) источником для социальных реконструкций. И могут ли статистические методы решить данные вопросы по рассматриваемой проблеме.

Для статистического анализа нами были сформирована случайная выборка, в которую вошли материалы следующих грунтовых могильников: Охлебининского (492 погребений) [Пшеничнюк, 1968б, 1980, 1981]; I Биктимировского (68 погребений) [Сальников, 1962; Пшеничнюк, 1963, 1964]; III Биктимировского (17 погребений) [Пшеничнюк, 1964]; Уфимского (28 погребений) [Гольмстен, 1913; Овсянников, Яминов, 2003]; Шиповского (грунтовой его части – 95 погребений) [Пшеничнюк, 1976а], всего – 700 захоронений. При критерии значимости $= 0,95$ это означает нижний порог представительности признака $= 0,6\%$ [Генинг и др., 1990. С. 64].

Отбор признаков осуществлялся непосредственно в прямой зависимости от задачи исследования. Изначально в базу исследования входило свыше 140 признаков, в процессе работы над материалом количество признаков сократилось до 120, представительными для рассматриваемой выборки являются 89 (Приложение 1, табл. 1).

Необходимо отметить и то, что отбор соционформативных признаков – это начальный этап социологического анализа. Обряд погребения был в значительной степени символическим актом, который должен был определенной процедурой подчеркнуть социальный статус умершего и «увековечить» его принадлежность к соответствующей социальной группе. Символическое отношение общества к статусу умершего реализуется,

однако, вполне материально. Поэтому трудовые затраты могут быть зафиксированы, измерены. Другими словами, они поддаются достаточному учету, что и служит отправным моментом для их использования в статистическом анализе. Остатки погребальных комплексов могут быть подвергнуты количественному и качественному анализу для выяснения закономерности их взаимосвязи, отражающей те или иные стороны социальной структуры [Генинг В.Ф. и др., 1990. С. 192].

Первично материал был систематизирован в табличном редакторе MS Excel. Достоинством данного программного обеспечения является возможность статистически обрабатывать большое количество предоставленных данных и представлять результаты в виде графиков и таблиц. Сформированная электронная источниковая база признаков погребального обряда кара-абызских могильников представляет собой таблицу, единицами описания в которой являются один погребальный комплекс (одна строка) и один признак (один столбец).

Таблица включает тринадцать разделов:

- тип и планиграфия могильника;
- тип и глубина могильной ямы;
- способ захоронения;
- количество и пол погребенных в могиле;
- ориентировка погребенного;
- поза погребенного;
- конструкция внутримогильных сооружений;
- детали ритуала;
- конская сбруя и оружие в могиле;
- украшения и детали костюма;
- бытовые предметы;
- датировка могильника;

– регион / принадлежность к водному бассейну (реки) / административная принадлежность некрополя / источник, где были взяты исходные данные.

Тип и планиграфия могильников.

Из могильников, вошедших в выборку, самым массовым по количеству захоронений является – Охлебининский (492 погребения). Данный некрополь является самым сложным в плане планиграфических построений, так по данным А.Х. Пшеничнюка на могильнике вскрыто большое количество: двух-, трех- и даже четырехъярусных захоронений. На всех раскопанных участках могильника зафиксировано 122 случая, когда одно погребение перекрывает другое, из них 14 трехъярусных погребений. Наибольшее число двух- и трехъярусных погребений дали I и IV раскопы [Пшеничнюк, 1993. С. 33]. Необходимо отметить, что поздние погребения (II – III вв. н.э.) были выделены планиграфически – это раскоп X, заложенный на западной окраине могильника (вскрыто 36 погребений). В отличие от остальных раскопов погребения на данном участке ни в одном случае не нарушают друг друга и имеют одинаковую ССЗ ориентировку и характерный данному периоду инвентарь [Пшеничнюк, 1993. С. 49; С. 48, рис. 11].

В связи с вышеописанными обстоятельствами считаем, что ввод в научный оборот материалов Охлебининского могильника позволит ответить на целый ряд вопросов, в том числе и о заполнение данного некрополя. В рамках нашего исследования мы перед собой данную задачу не ставили.

Уфимский могильник уступает по количеству исследованных захоронений всем могильникам вошедшим в базу исследования. Опубликовавшие материалы некрополя, В.В. Овсянников и А.Ф. Яминов анализируя планиграфию, выделили четыре участка (А – Б – В – Г) на территории могильника. Границы участков выделены по степени компактности расположения погребений и по наличию значительного пустого пространства между группами погребений. Такую группировку захоронений авторы связывают с делением могильника на родовые участки

[Овсянников, Яминов, 2003. С. 25]. Какой-либо закономерности в расположении погребений по половому признаку не прослеживается. Не прослеживается так же рядность в расположении погребений [Там же. С. 26].

Границы Биктимировского I и III могильников не установлены. А.Х. Пшеничнюк предполагал, что это один могильник, так как I Биктимировский могильник расположен на северной окраине дер. Ново-Биктимирово, а III Биктимировский – на южной. Разделяющий их участок протяженностью в 600-700 м, занятый огородами и постройками, не исследовался [Пшеничнюк, 1973. С. 167]. В расположении некоторых могил исследованных на некрополе – «можно усмотреть ряды» [Пшеничнюк, 1964. С. 217].

В Шиповских грунтовых погребениях не во всех случаях удалось определить ориентировку погребений по сторонам света в связи с плохой сохранностью антропологического материала. В определенных случаях ориентировка была установлена по расположению вещей в могиле. Для грунтовых погребений Шиповского могильника характерно положение костяков головой на запад, т.е. вдоль берега реки [Пшеничнюк, 1976а. С. 60]. В нашем исследовании все 95 погребений вошедших в выборку (раскопы: I, III, IV, V и VIII) имеют смешанное расположение.

Гнездами расположены 4,1% погребений, 4% рядами, 13,2% смешанно и 78,7% захоронений на территории могильников из которых сформирована случайная выборка или их участков расположены бессистемно.

Все пять могильников, погребения которых вошли в базу исследования, расположены в непосредственной близости от поселений (до 1 км): Охлебининский могильник, граничит с Охлебининским II (Ак-Таш) городищем, I и III Биктимировские могильники расположены возле Биктимировского городища, Уфимский могильник, возле Уфимского (Чертово) городища, Шиповский курганно-грунтовый могильник возле Шиповского городища (рис. 2–5). Все кара-абызские некрополи расположены на достаточно высоких коренных террасах, в связи с этим

практически не разрушались эрозией берега или весенними разливами рек. Таким образом, связь могильников и погребального обряда кара-абызского населения с рекой несомненна.

Тип и глубина могильной ямы.

Могильная яма, будучи вписанной в пространство памятника (рядность, взаимоперекрытия) и, в целом, в систему географических координат (ориентировка погребения по сторонам света), обладает рядом собственных характеристик: размеры, объем, форма [Голдина и др., 2015. С. 13].

Подавляющее большинство захоронений анализируемой выборки совершены в простых могильных ямах прямоугольной формы, глубиной до 1 м (49,1%), до 0,5 м (28,5%), 1-1,5 м (21,3%) и более 1,5 м (1,1%). Последние захоронения зафиксированы на двух некрополях: в Охлебининском (раскоп V, погр. 362) и I Биктимировском (погр. 25, 29, 34, 36, 38, 39, 44).

Количество и «качество» погребального инвентаря, как показало исследование не коррелирует с глубиной захоронения¹⁰ (Приложение 1, табл. 2). Из восьми погребений захороненных на глубину более 1,5 м выделяется лишь одно – *погребение №39, I Биктимировского могильника*, где костяк сопровождался богатейшим набором украшений. Под костяком очень хорошо прослеживались остатки древесной коры. На основе наличия в сопроводительном инвентаре: ожерелья в состав, которого входили стеклянные с внутренней позолотой и гешировые бусы; бронзовых трехлопастных наконечников стрел, А.Х. Пшеничнюк датирует некрополь и вышерассмотренное погребение III–II вв. до н.э.

В 11,5 % погребений одна или несколько стенок могильной ямы обложены камнями. Абсолютное большинство захоронений с подобными

¹⁰ К примеру, в Старо-Муштинском могильнике (III–IV вв.) могильные ямы, глубиной более 1,2 м, по мнению исследователей, представляют захоронения людей особого социального статуса. Такие погребения, как правило, выделяются богатством сопровождающего инвентаря [Сунгатов и др., 2004. С. 47].

конструктивными особенностями могильной ямы зафиксированы в Охлебининском могильнике, в двух случаях погребения происходят из Уфимского некрополя [Овсянников, Яминов, 2003. С. 20] и одного из Шиповского грунтового могильника (погр. 59), где узкая западная стенка могилы обложена у дна камнями [Пшеничнюк, 1976а. С. 57].

Способ захоронения.

В могиле, где сохранились какие-либо остатки костяков – это ингумация (97,7%), причем индивидуальная.

Количество и пол погребенных в могиле.

В могильной яме в 98,3% случаев обнаружен один погребенный. Парные погребения составляют 1,1%, которые фиксируются только на Охлебининском могильнике (Приложение 1, табл. 3). Захоронения, в которых содержатся три и более костяков зафиксированы в четырех случаях (0,6%). Одно происходит из III Биктимировского могильника (погребение №13), погребения №9 и №74 Охлебининского могильника, содержат три костяка [Пшеничнюк, 1980], погребение №356 [Пшеничнюк, 1981] содержит четыре костяка (Приложение 1, табл. 4).

Пол в большинстве случаев определен исследователями по набору сопроводительного инвентаря, не установлен в 49,9 % захоронений. Среди них в представленной анализируемой выборке мужских, женских и детских погребений оказалось примерно поровну (15,5%; 16,3% и 18,3% соответственно).

Ориентировка погребенных по азимуту, достаточно разнообразная и охватывает все стороны света:

- северная – 7,7%
- южная – 3,6%
- восточная – 1,1%
- западная – 14,6%
- северо-восточная – 6,4%
- северо-западная – 34,8%

– юго-восточная – 7,3%

– юго-западная – 16%

Приведенные данные демонстрируют, что доминирующее положение в ориентировке погребений занимает западная с небольшими отклонениями к северу или югу (в сумме – 65,4%). Интересна корреляция положения погребенного относительно реки показала: вдоль течения – 15,5%, ногами к реке расположены – 10,7% и лишь 3,4% захоронений головой к реке. Оставшиеся 70,4% захоронений по разным причинам не удалось точно идентифицировать относительно положения к речному бассейну.

Значительное количество погребений, ориентированные ногами к реке, которые вошли в базу исследования были раскопаны А.Х. Пшеничнюком в 1965 г. на Охлебининском могильнике. Так автором было отмечено, что 72 из 115 исследованных погребений имеют вышеуказанную ориентировку [Пшеничнюк, 1968б. С. 61].

Поза погребенных стандартная – на спине с вытянутыми конечностями (75,1%). Также фиксируются следующие признаки: руки вытянуты (2,5%), одна рука на тазовых костях (1,6%), ноги вытянуты (1,7%), череп на затылке (1,4%). Встречаются единичные погребения, с нестандартной позой, где нога согнута в колене (1,4%) или ноги согнуты и лежат на боку (3,5%).

Из группы беднейших захоронений (чегандинской культуры) могильника Чеганда II, В.Ф. Генингом, выделено шесть погребений, с особым обрядом захоронения – скорченно на боку (не содержащие никаких вещей), которые исследователь относит к захоронениям чужеплеменников. По мнению автора, погребенные, являлись пленными, захваченными во время военных набегов и превращенные в рабов [Генинг, 1970. С. 124-125]. Данная точка зрения была поддержана Б.Б. Агеевым [1992. С. 21]. Похожую точку зрения высказал В.Н. Мышкин, касательно погребений кочевников Самаро-Уральского региона в VI – IV вв. до н.э. Анализируя социальную структуру кочевников, в одной из выделенных групп погребений, автором отмечены неординарные позы погребений людей (скорченно на боку).

Сопровождающий инвентарь в погребениях этой группы отсутствует или представлен отдельными вещами, связанными с повседневным обиходом. Исследователь, приходит к выводу, что данные индивиды имели в обществе кочевников пониженный социальный статус [Мышкин, 2013. С. 270-272].

Погребения, в которых усопшие лежат на боку, на некрополях кара-абызской культуры, единичны: погр. №299 и погр. №332 Охлебининского могильника [Пшеничнюк, 1981]; погр. №9 Биктимировского могильника [Сальников, 1962]. В первых двух погребениях, были зафиксированы по одной категории находок: погр. № 299 – это трапециевидные подвески (4 шт.), погр. № 332 – железный нож. И только в погр. № 9 погребальный инвентарь отсутствовал.

Захоронений вошедших в выборку, в которых у погребенного одна нога согнута в колене, в выборке десять: погр. №71, №84, №99 (костяк 1) [Пшеничнюк, 1965]; погр. №68 и №118 [Пшеничнюк, 1980]; погр. №226, №251, №311 и №347 Охлебининского могильника [Пшеничнюк, 1981]; погр. №31 Биктимировского могильника [Пшеничнюк, 1963]. В четырех погребениях содержались предметы вооружения (железный наконечник копья, меч, железные наконечники стрел). Два погребения, видимо женских, содержали большое количество бронзовых украшений (погр. № 84 и № 68). И только в погр. №347 вещей не обнаружено.

Таким образом, тезис выдвинутый В.Ф. Генингом, по материалам чегандинской культуры, что «погребения с особым обрядом захоронения – скорченно на боку, относятся к чужеплеменникам», не находят подтверждения в кара-абызском погребальном обряде. В нашем исследовании умерших сопровождал различный по составу и количеству инвентарь, что свидетельствует о неоднородности погребенных, т.е. заведомо неверно относить погребения кара-абызской культуры с экстраординарным трупоположением лишь к одной социальной категории. Необходимо отметить, что нестандартное трупоположение, несомненно, связано и с религиозно-мифологическими представлениями древнего населения

[Проценко, Заикина, 2020. С. 83]. В связи с вышеизложенным, мы приходим к выводу, что захоронения, в которых усопшие лежат с отклонениями от стандартной позы, не могут быть отнесены к категории рабов, по крайней мере, пока мы не получим аргументированных подтверждений.

В Охлебининском могильнике А.Х. Пшеничнюком отмечено, что в большинстве поздних погребений (исследованных в 1965 г.) прослеживаются остатки древесной коры на костяке и под ним, особенно хорошо сохранившиеся на бронзовых украшениях. Исследователь предположил, что умерших хоронили завернутыми в лубок [Пшеничнюк, 1968б. С. 68]. В Уфимском могильнике противоположная картина, в нем следов органических материалов вообще не зафиксировано. Общее количество в анализируемой выборке, где зафиксирован подобный или схожий (дощатый настил), обряд составляет 8%.

Отметим, что похожий обряд, был зафиксирован на пьяноборских могильниках, где покойников также заворачивали в луб или выстилали им дно ямы [Агеев, 1992. С. 19].

Из некрополей захоронения, которых вошли в базу исследования, только на Уфимском могильнике присутствует значительное число погребений (13 могил / 1,8%), где среди костей человека найдены мелкие угольки. Подобное явление в грунтовых могильниках Приуралья эпохи раннего железного века встречается достаточно часто, но погребения с находками угля никогда не составляют такую значительную долю как в Уфимском могильнике [Овсянников, Яминов, 2003. С. 22].

Интересным и своего рода уникальным является погр. № 125 Охлебининского могильника, в котором стенки могилы от уровня материка и до глубины 50 см были густо окрашены красной охрой [Пшеничнюк, 1980. Л. 54-55]. В свою очередь, отметим, что самым распространённым из красящих веществ на территории Южного Урала была именно охра, разнообразно применявшаяся в ритуальных целях с древнейших времен [Викторова, 2017. С. 124-125].

Среди *деталей ритуала* (рис. 56) выделяются следующие признаки: размещение костей животных (возможно, остатки сопроводительной пищи) в изголовье могилы (28,8%) или у ног (3,5%), местонахождение костей точно не зафиксировано (1,8%).

Следы ритуальных животных в некрополях древнего населения, рассматривает в своей работе А.Г. Петренко [2000], остановимся на результатах анализа остеологического материала из погребений Охлебининского могильника (раскопки 1980 – 1982 гг.) Исследователем зафиксированы остатки четырех видов животных – лошади, овцы, свиньи и зайца, которые сопровождали погребенных. Кости лошади единичны и встречены лишь в двух могильных ямах (из 154) в погр. 3 и 117. В 13 погребениях обнаружены большеберцовые кости зайца. В основном – это погребения I–II вв. И в несомненном и подавляющем большинстве присутствуют в погребениях кости свиней и овец. Для трех ранних погребений, датированных А.Х. Пшеничником IV–II вв. до н.э., характерно положение берцовых костей овцы и зайца. Из 111 погребений I–II вв. – 36 с остатками свиней и 61 – с костями овец. Из 22 погребений II–III вв. – 13 с погребальными костями свиней и 9 – овец. Также имеются находки астрагалов овец, представляющих собой игральные кости.

Автором отмечено, что обычай захоронения конечностей животных с умершим человеком широко известен у разных народов и в том числе на территории Среднего Поволжья и Предуралья. Однако, известно и то, что этими видами животных были лошади, крупный рогатый скот, овцы, козы, но не свиньи. Ритуал положения в качестве мясной пищи свинины и тем более ноги животного этого вида вместе с умершим, в целом не характерен для погребального обряда у древних народов населявших вышеуказанную территорию в таком варианте, каковой встречен при определении остеологического материала Охлебининского могильника [Петренко, 2000. С. 27-28].

Исследователем отмечено, что у «родственного» ананьинского населения преобладающим по числу голов были свиньи и лошади, у кара-абызцев – овцы и лошади. Сочетание костей свиньи и овцы в ритуале захоронения людей, оставивший данный некрополь, позволил А.Г. Петренко выдвинуть гипотезу, что вышеуказанный факт может означать слияние различных групп населения. Одна группа имела навыки подвижного образа жизни, что отразилось в традиции класть умершему в могилу ноги овец, символизировавших понятие «движения». Другая группа населения – оседлая, для которой разведение свиней было основной формой животноводческой деятельности уже издавна [Там же. С. 29].

Следующий немаловажный ритуальный признак, отмеченный на материалах кара-абызской культуры это – помещение глиняного сосуда рядом с усопшим: в изголовье (7,8%), у ног погребенного (16,7%), на уровне пояса (2,3%).

Большинство погребений сопровождавшихся керамической посудой происходят из Охлебининского могильника. Так по подсчетам А.Х. Пшеничнюка из 635 исследованных погребений глиняная посуда встречена в 242, что составляет более 38% от общего количества исследованных могил. В других известных кара-абызских могильниках керамика представлена, как правило, единичными экземплярами [Пшеничнюк, 2004. С. 189], что находит подтверждение и в нашем исследовании.

Представленная в данном некрополе глиняная посуда в равной степени встречается как в мужских, так и в женских, подростковых и детских погребениях. Как правило, сосуды стоят в могиле не на дне, а над костяком, в заполнении могилы. Данное обстоятельство объясняется А.Х. Пшеничнюком тем, что сосуды ставили не рядом с погребенным, а поверх него, уже завернутого в лубок [Там же. С. 190]. В связи с тем, что подавляющее большинство сосудов имеют небольшие размеры, грубо сформированы, не несут следов за копчёности или каких-либо остатков обгорелой пищи,

исследователь предположил, что едва ли эти сосуды имели утилитарное назначение. Ни для хранения, ни для приготовления и употребления пищи они непригодны. Вероятно всего, они изготавливались специально по случаю совершения погребального обряда и вместе с положением в могилу части тушки барана или свиньи отражали обычай сопровождения умершего заупокойной пищей [Там же. С. 191].

Особенностью в размещении погребального инвентаря является обычай помещения части вещей компактным скоплением, иногда в контейнере, в определенной части могильной ямы, в научной литературе получившее название «жертвенный комплекс» [Лещинская, 2014б. С. 24]. Само понятие «жертвенный комплекс», впервые введенное В.Ф. Генингом [Генинг, 1967. С. 15-17], широко вошло в научную практику, но как справедливо отмечает Н.А. Лещинская, до конца еще не разработано. Это отражает и появление альтернативных понятий в литературе: «подарочные наборы», «дары», «погребения с дарами», «жертвенно-ритуальные комплексы» [Лещинская, 2014а. С. 93].

Жертвенный комплекс (обычай класть одежду, или точнее – украшения одежды, в ноги умершего [Пшеничнюк, 1968б. С. 75]) зафиксирован в 3,8% захоронений анализируемой случайной выборки и расположен исключительно у ног погребенного. Данные комплексы зафиксированы исключительно на Охлебининском могильнике: погр. 8, 21, 24, 74 и 84¹¹, исследованных в 1965 г. и в погр. 25, 30, 35, 40, 68, 109, 110, 138, 159, 175, 188, 195, 200, 205, 208, 219, 236, 246, 257, 329, 350, 373 исследованных в 1980-1981 гг. А.Х. Пшеничнюком.

Приведем конкретный пример, состава жертвенного комплекса. В погр. 84 Охлебининского могильника (1965 г.), большое количество

¹¹ Необходимо отметить, что в работе Т.И. Останиной [1997. С. 26], выделены еще пять погребений, в которых по мнению исследователя присутствовал жертвенный комплекс, кроме вышеперечисленных следующие: погр. 30, 39, 69, 92, 99. По нашему мнению данные захоронения и сопровождающий инвентарь, однозначно не указывает на данный факт.

бронзовых украшений находилось с наружной стороны левой ноги и ниже левой ступни. А.Х. Пшеничнюк выделяет четыре комплекса украшений:

1. Два узких ремня, украшенных прямоугольными обоймами, чередующимися с круглыми бляшками с ушком на обороте. Причем один ремень был украшен более крупными обоймами и бляшками, второй – мелкими. Всего: 19 прямоугольных обойм крупного размера, 19 круглых бляшек крупного размера, 20 прямоугольных обойм меньшего размера, 21 круглая бляшка меньших размеров.

2. Две подвески, состоящие из бляхи в форме лиры, четырех крупных бляшек с двумя или четырьмя ушками на обороте, чередующимися с мелкими удлиненными обоймочками в два ряда. Всего: 2 лировидные бляхи, 5 бляшек с четырьмя ушками на обороте, 2 бляшки с двумя ушками на обороте, одна умбовидная бляшка, 128 мелких обоймочек.

3. Трапециевидные подвески, вырубленные из дисковидных блях. Подвешивались, видимо, на узких ремешках, продетых сквозь пронизки. Всего: 8 трапециевидных подвесок, 61 пронизка.

4. 13 мелких круглых бляшек с одним ушком на обороте, 27 двухсоставных мелких бляшек в виде восьмерки с двумя ушками на обороте. На бронзовых украшениях и под ними сохранилась древесная кора [Пшеничнюк, 1968б. С. 101].

Традицию укладывать жертвенный комплекс у ног, А.Х. Пшеничнюк связывает с женскими погребениями III этапа кара-абызской культуры (II в. до н.э. – II в. н.э.). В состав комплекса обычно входят – обоймы разных размеров, различные бляшки, пронизки. Сопоставление указанных предметов с материалами II этапа позволили прийти исследователя к заключению, что это те же нагрудные украшения («портупей»), обшивки подола, подвески, так широко представленные в I Биктимировском могильнике. Возможно, обычай класть в могилу предметы украшений рядом с умершим возникает у кара-абызских племен еще в III – II вв. до н.э. и окончательно оформляется уже на рубеже эры [Пшеничнюк, 1973. С. 178].

Традиция размещения «жертвенных комплексов» (пр.: в берестяных коробочках) встречается, к примеру, и в вятских пьяноборских могильниках, для которых по данным Н.А. Лещинской, более выражена тенденция размещения ЖК в области ног (52,6%) [Лещинская, 2014а. С. 95]. Также зафиксированы случаи размещения в области колен, костей голени справа, слева между ногами [С. 101]. В мазунинской культуре, по данным Т.И. Останиной, положение жертвенного комплекса у головы на всех памятниках культуры является господствующим (76,3%) [Останина, 1997. С. 26].

Сопровождающий инвентарь из погребений кара-абызской культуры традиционно состоит из следующих категорий вещей: вооружение и конское снаряжение, украшения и детали убранства костюма, бытовые вещи. Статистика их распределения внутри рассматриваемой выборки представлена в Приложении 1, табл. 1.

Вооружение и конское снаряжение (рис. 58). Чаще всего из данного категории (в 17% погребений) встречается наконечник копья. Также зафиксировано большое количество наконечников стрел: железных (16,3%), костяных (7,9%) и бронзовых (7,7%). Остальные виды вооружения представлены в небольшом количестве: меч – 4,7%; боевой нож – (1,6%); колчанной крючок – 3,4%. Чаще, чем все остальные детали конской упряжи, встречаются в погребениях удила (в 12,2% погребений), на втором месте по степени распространенности выступают псалии (3,4%).

По данным В.А. Иванова оперирующий 256 погребениями кара-абызской культуры в состав колчанного набора, воинов, входили: бронзовые наконечники стрел (23%), железные (48,3%), железные и костяные (14,4%) и костяные (11,8%) [Иванов, 1984. С. 7].

Отметим несколько аспектов, отмеченных С.Э. Зубовым в исследовании наборов вооружения. Анализируя различные наборы наконечников стрел Охлебининского могильника С.Э. Зубов, отметил, что для первой (IV – III вв. до н.э.) и второй (III – II вв. до н.э.) хронологических

групп характерны бронзовые наконечники с выступающей и скрытой втулкой. Колчанные наборы третьего хронологического этапа (II в. до н.э. – II в. н.э.) представлены бронзовыми, железными и костяными наконечниками в различных сочетаниях. Но преобладают в основном железные трехлопастные наконечники стрел небольших размеров с коротким черешком. Для четвертого этапа (II – III вв. н.э.) характерны костяные черешковые наконечники стрел крупных размеров. Исследователь также отмечает, отсутствие в материалах воинских захоронений костяных деталей луков «гуннского типа», зафиксированных в погребальных комплексах первых веков нашей эры на территории степной и лесостепной зон [Зубов, 2012. С. 113].

Анализ военной структуры по рассматриваемому некрополю, а именно систематизация предметов вооружения (ранжирование по наборам) была проведена С.Э. Зубовым по балльному методу Л. Гуттмана. В результате были получены данные, которые позволили автору перейти к выявлению, характерных наборов оружия для пехотинцев и всадников. В результате к всадническому набором отнесены: «лук, копье» и «лук, копье, РКО (рубяще-колющее оружие)» [Там же. С.117]. В пехоте преобладает набор – «лук, РКО».

В результате исследования, автор приходит к выводу, что в соответствии с погребальным инвентарём мужских погребений Охлебининского могильника – практически каждый мужчина был воином. Существенных имущественных отличий в этих захоронениях не зафиксировано. Войско, представляло собой родоплеменное ополчение, которое включало в себя практически всех мужчин, способных носить оружие [Там же. С. 122].

Украшения и детали костюма (рис. 59). Как уже отмечалось многими исследователями, типичным украшением женского костюма кара-абызских племен являются своеобразные поясные ремни. Исследователями разработаны типологии вещевого комплекса, в том числе и элементов

убранства костюма (А.Х. Пшеничнюк, В.В. Овсянников, Н.С. Савельев, С.Л. Воробьева).

В анализируемой выборки представлены следующие виды украшений и деталей костюма: поясная пряжка (в 19,2% погребений), пряжка кольцевая литая (6,4%), пряжка железная (6,3%). Пряжки других форм, такие как пластинчатые бронзовые, ажурные, лировидные и др. представлены единичными экземплярами в связи с этим, объединены в одну группу и составляют 15,5% погребений. Большие круглые бляхи (дисковидные) встречены в 17,4%, умбоновидные пряжки в 2,7%. Накладки ремня зооморфные составляют 11,7%, поясные накладки 15,4%¹², наконечник пояса в 10% захоронений. В 1,8% зафиксирован цельный пояс, в 2,6% – портупей¹³.

Детали обуви зафиксированы в 1,8%. Одной из часто встречаемых находок являются трапециевидные подвески (13,2%). Витая височная подвеска фиксируется в 2% погребений анализируемой выборки, немногочисленными также являются: серьга-кольцо (2,4%), пронизки спиральные (2,7%), браслет (2,4%), гривна (3,7%).

Распространенными находками являются перстни, встреченные в 9,8% погребений. Бусы, по наблюдению А.Х. Пшеничнюка, со II этапа становятся почти обязательной принадлежностью каждого женского погребения [Пшеничнюк, 1973. С. 179], в анализируемой выборке они представлены в составе ожерелья (16,2% захоронений) или зафиксированы в единичных экземплярах в количестве 1-5 штук (16,5%).

Бытовые вещи (рис. 57). Наличие ножей в погребениях является одной из важных черт погребального обряда населения кара-абызской культуры, который встречается в 43,3% погребений. Но необходимо отметить, что

¹² Необходимо отметить, что исследователи в своих научных отчетах не всегда указывали тип зафиксированных поясных накладок, таким образом, мы не всегда можем точно определить тип найденных накладок. Количественные показатели были рассчитаны по информации, которые даны в научных отчетах.

¹³ А.А. Красноперов, считает, что данный вид украшений правильнее будет считать – *накосниками*, которых автор выделяет 3 основных вида. Исследователь связывает находки в кара-абызских погребениях накосников в ногах костяка, с этнографически зафиксированными случаями ритуального «умерщвления» жены, в виде отрезания ее кос или также сохранившегося вплоть до наших дней случаев хранения женщиной своих отрезанных кос до старости [Красноперов, 2010. С. 127-128].

наличие ножа в погребении не было отличительной чертой данного населения. Захоронения умерших с ножами характерны для погребальных памятников многих культур как раннего железного века (АКШК – 15% и пьяноборской – 22,7% захоронений) [Иванов, Проценко, 2017. Табл. 1, с. 123], так и культур раннего средневековья Поволжья и Урала. К примеру на могильниках мазунинской культуры ножи были найдены в 41% захоронений [Останина, 1997. С. 27].

Другие категории инвентаря этой группы представлены значительно реже: костяная лопаточка (3,3%), не смотря на то, что подобного рода лопаточки в раннем железном веке были распространены на широкой территории, назначение этих предметов полностью неясно. Керамические, реже каменные пряслица встречены в 1,7%. Предыдущие исследователи относили данные изделия исключительно как сопроводительный инвентарь женских погребений. Также отметим, что пряслица входили в состав предметов культового назначения как степного, так и лесостепного населения южно-уральского региона [Котов, 2010. С. 42].

Таким образом, суммарная характеристика погребального обряда кара-абызской культуры, позволяет сделать ряд выводов. Общими закономерностями распределения признаков являются: одиночные могильные ямы простой конструкции. Там, где сохранились какие-то остатки костяков – это, безусловно, ингумация, причем индивидуальная, доминирующим положением являлось вытянуто на спине. 87% захоронений анализируемой выборки сопровождалась вещевым инвентарем. Среди оружия и элементов конской упряжи чаще всего встречались наконечники стрел и копий. Из категории находок, относящихся к украшениям и принадлежностям костюма, преобладали поясные пряжки, обоймы и бляшки различных размеров, бусы, обнаруженные как в небольшом количестве, так и в составе ожерелья. Наиболее популярным типом бытовых предметов являлись ножи. Таким образом, погребальный обряд, зафиксированный на

могильниках кара-абызской культуры, представляет собой целостную и специфическую для данной культуры систему по заботе об умершем. Погребальный обряд исследуемых могильников имеет высокую степень сходства, но необходимо отметить, что у каждого из некрополей существовали свои этнографические признаки, на которых мы подробно остановимся в третьей главе своего исследования. Полученные результаты демонстрируют, что начиная с IV в. до н.э. погребальный обряд грунтовых могильников кара-абызской культуры по III/IV в. н.э. кардинально не менялся.

2.2. Сравнительный анализ половозрастных групп

Половозрастной анализ представляет собой часть социального анализа и один из этапов исследования общественных отношений. Индивидуум первобытности достаточно отчетливо ощущал свой переход в очередной возрастной, а вместе с ним и очередной статус [Бунятян, 1985. С. 58].

Гендерные стереотипы представлений о личностных качествах и поведенческих моделях мужчин и женщин были социально разделяемые, отражали половую дифференциацию, первоначально связанную с распределением производственных функций. При этом статус мужчины и женщины менялся в течение всей жизни. Так, более высокий статус мужчин был сопряжен с определенным возрастом. Данные античных письменных источников, многочисленные описания кочевников более позднего времени свидетельствует о том, что по мере взросления при переходе из одной возрастной когорты в другую статус мужчины повышался. При этом при переходе во взрослую группу мальчик-подросток становится мужчиной-воином. Обратный процесс наблюдался в процессе старения и утраты физической силы. Старики уже не участвуют в материальном производстве и в военных действиях, а «доигрывают свои роли» в культурном и социальном производстве: становятся носителями родовых преданий (сказители,

мудрецы), участвуют в первичной социализации внуков, разрешают споры, прекращают конфликты и т.д. Ценность же женщины в архаических обществах прежде всего была связана с репродуктивной функцией. Их социальная роль сводилась к рождению и воспитанию детей. Поэтому их высокий социальный статус был связан с началом и завершением фертильности. Таким образом, в первую очередь ценились юные и молодые женщины. Пожилые женщины играли те же социальные роли, что и пожилые мужчины [Балабанова и др., 2015. С. 6-7].

Одной из стадий социального анализа является вычленение связанных с полом погребенного признаков погребального обряда. С исторической точки зрения это позволит хоть в какой-то мере определить роль мужчины и женщины в производственной и социальной сферах конкретного общества, а в практических исследованиях археологов поможет установить, конечно с определенной степенью вероятности, археологические характеристики погребенных, что имеет важное значение при различного рода исторических реконструкциях [Бунятян, 1985. С. 64].

В анализируемой случайной выборке, мы оперируем 700 погребениями, которые содержат 717 костяков. Исследователями определялся в большинстве случаев по сопровождающему инвентарю: 15,5% мужских, 16,3% женских, 18,3% детских. В 49,9% случаев исследователями пол остался не определен (не указан). Нами уже было отмечено, достаточно малое количество половозрастных определений по материалам некрополей кара-абызской культуры, что, несомненно, влечет за собой определенный уровень не достоверности в выводах исследователей.

На первом этапе нашего исследования будут проанализированы 109 мужских погребений, 115 женских и 129 детских. На данном этапе мы ограничимся выделением признаков соответствующих групп. Далее на основе выделенных признаков, мы будем иметь основание для отнесения того или иного погребения без антропологического определения к массиву мужских или женских погребений. Также на данном этапе исследования мы

остановимся на анализе признаков погребального обряда детских погребений (Приложение 1, табл. 6).

Мужские погребения.

Захоронения совершены в простых могильных ямах, глубиной до 1 м (60,4%). В 16,2% одна или несколько стенок обложены камнем. Костяки погребены в положении – вытянуто на спине (92%), но встречается и не стандартная поза, где одна нога согнута в колене (3,6%). Доминирующая ориентировка погребенных – северо-западная, которая фиксируется в 41,4%. В качестве ритуальных признаков в захоронениях содержались: кости животных расположенных в изголовье (48,6%) и у ног (1,8%). Глиняная посуда расположена у ног (28,8%), в изголовье (10%) или на уровне пояса (2,7%).

Ассортимент погребального обряда, представлен следующими признаками: удила (44,1%) и псалии (13,5%); стрелы железные (56,7%), бронзовые (9%), костяные (3%); кинжал/меч (12,6%), боевой нож (5,4%); наконечник копья (61,3%), поясные накладки (15,3%), наконечник пояса (7,2%); поясная пряжка (8,1%), пряжка кольцевая литая (27%), пряжки других форм (52,5%), пряжка железная (19%), обоймы (17,1%), мелкие круглые бляшки (20,7%), 1-5 бусин (14,4%). Единичны находки: браслетов, перстней, гривен и т.д. Бытовые вещи представлены находками ножей (74%), костяных лопаточек (7,2%).

Необходимо отметить незначительный процент погребений, где отсутствовал сопроводительный инвентарь (0,7%), т.е. одно погребение (№25 Уфимского могильника).

Женские погребения.

Захоронены как и мужчины в простых могильных ямах, глубиной до 1 м (59,1%), до 0,5 м (23,5%), по обряду ингумации. В 14 % погребений у дна могилы стенка(и) обложены камнем. Костяки погребены в положении – вытянуто на спине (89,5%), гораздо более высокий процент погребений, по сравнению с мужскими захоронениями, у которых фиксируется не

стандартная поза – в 10,4% погребений ноги согнуты и лежат на боку. Ориентировка захоронений: северо-западная (39,1%), юго-западная (18,3%), западная (17,8%), единичны погребения с другой ориентировкой. Из категории ритуальных признаков зафиксированы: дощатый настил (10,4%), кости животных в изголовье (47,8%) или у ног (6,9%); глиняная посуда была установлена в изголовье (8,7%), на уровне пояса (1,8%) или у ног (27,8%). Отличительной особенностью женских захоронений является наличие жертвенного комплекса, который всегда устанавливался у ног погребенного в 19,1% захоронений.

Ассортимент погребального обряда, представлен единичными находками вооружения и конской упряжи. Большинство признаков представлены украшениями костюма: зооморфные накладки ремня (33%), поясные накладки (30%), наконечник пояса (23,5%), поясная пряжка (65,2%), цельный пояс представлен в 3,4% женских погребений, в 5,2% присутствует портупья. Обоймы (53%), мелкие круглые бляшки (36,8%), подвески трапецевидные (38,3%), умбоновидные пряжки (7%), витая височная подвеска (3,5%), перстень (21%), гривна (6,9%), 1-5 бусин (17,4%), ожерелье из бус (55%). Единичны находки следующих категорий сопроводительного инвентаря: пряжки других форм (1,7%), железная пряжка (0,8%), детали обуви (2,6%), серьга-кольцо (1,7%). Из категории бытовых вещей представлены пряслица (4,3%) и ножи (6%). Безынвентарные женские погребения в выборке отсутствуют.

Детские погребения

Детство – это стадия, которую переживает каждый член человеческого коллектива, а в древности для многих она была единственной. Категория индивидов возрастом до 15 лет численно заметно превалировала в древности над другими возрастными группами. Древние сообщества, в отличие от современных, были достаточно «молодыми». Следовательно, и значительная часть повседневной деятельности была возложена на тех, кого мы сегодня привыкли считать детьми [Берсенева, Гильмитдинова, 2013.С. 36]. Нами уже

был рассмотрен погребальный обряд детских захоронений кара-абызской культуры, на менее значительном количестве погребений [Проценко, 2017б] и на отдельном взятом некрополе кара-абызской культуры [Проценко, Заикина, 2018]. Перейдем к полученным результатам.

Захоронения детей на кара-абызских некрополях совершались в простых могильных ямах глубиной от современной поверхности от 0,5 до 1,5 м по обряду ингумации. В 5,4% погребений (семь захоронений) одна или несколько стенок были у дна обложены камнями. Ориентировка в большинстве погребений западная (17,8%) с отклонением на северо-запад (27,1%) и юго-запад (15,5%). Во всех погребениях, в которых удалось проследить положение костяков, они лежали на спине, вытянуто. В качестве ритуальных признаков в захоронениях содержались: в 14% – кости животных, расположенные в изголовье (возможно, остатки сопроводительной пищи), глиняные сосуды расположенные либо в изголовье (9,3 %), либо у ног (10,8%). Группа безынвентарных погребений составляет 35%.

Большинство детей были захоронены в индивидуальных могильных ямах. Двойные погребения (ребенок вместе с взрослыми) достаточно редки 2,3% (погребения № 41, 50, 78 (исследования 1965 г.); №77 (исследования 1980 г.) Охлебининского могильника). Зафиксированы два тройных погребения, где двое детей были захоронены вместе с взрослыми (погр. №9 Охлебининского могильника [1980]) и женщиной (погр. №74 Охлебининского могильника [1980]). Кроме того, ребенок находился и в погребении №356 Охлебининского могильника [1981], в котором были захоронены четыре индивида (Приложение 1, табл. 4).

Вещевой инвентарь не слишком разнообразен и богат. Наиболее распространенными признаками являются: обоймы, которые встречены в 27,1% погребений, далее следуют бусы в количестве от 1 до 5 штук (20,1%) и ожерелья (7%), мелкие круглые бляшки (17,8%). Детали поясной гарнитуры представлены: поясными пряжками (6,2%), пряжками других форм (4,6%),

железными пряжками (2,3%), наконечником пояса (2,3%), поясными накладками (6,2%), дисковидными бляхами (3,7%), умбоновидные пряжки (2,3%). Трапециевидные подвески зафиксированы в 9,3% захоронений. Из бытовых вещей наиболее встречаемой категорией инвентаря является нож (10%), в трех погребениях найдена костяная ложечка.

Предметы вооружения и конской упряжи, наряду с небольшим количеством других признаков (Приложение 1, табл. 6) фиксируются в незначительном (единичном) количестве.

Анализу распределения признаков в отдельной выборке помогает вычисление тенденции признака [Генинг и др., 1990. С. 85]. В связи со значительной вариабельностью погребального обряда и невозможностью однозначной трактовки признаков данный метод является действенным средством выявления отличительных признаков погребального обряда отдельных выборок [Там же. С. 87].

Сравнительный анализ и выявление тенденции признака позволяют провести группировку и дифференциацию их на всеобщие, локальные, частные [Генинг, Борзунов, 1975]. Остановимся на данных категориях понятий и раскроем их содержание.

Основанием для выделения *всеобщих признаков* является как процентное распределение признака, так и его тенденция. Фактически эти два показателя дополняют друг друга. При сравнительном анализе по полу или возрасту всеобщие признаки могут отражать самые общие тенденции погребального обряда, не зависящие от указанных социальных характеристик индивида. Вместе с тем эти признаки, не являясь дифференцирующими, могут исключаться из дальнейшего анализа. При этом, как отмечают исследователи, нужно помнить, что они имеют определенную значимость при общей характеристике выборки. Таким образом, это один из способов

сокращения количества признаков, участвующих в дальнейшем анализе [Генинг и др., 1990. С. 88-89].

К *всеобщим признакам* погребального обряда кара-абызской культуры относятся: бескурганный тип могильников, расположение вблизи поселения (до 1 км), ингумация как способ захоронения, одно захоронение в могиле, погребения, находящиеся в крупных (более 200 погр.) могильниках, их бессистемное расположение, могильная яма простой конструкции, погребенный, уложенный головой в северном и юго-западном направлении. Детали ритуала представлены одним признаком – глиняный сосуд в изголовье.

Локальные признаки выступают характерными лишь для части сравниваемых выборок, минимум для двух. Критерием дифференциации локальных признаков является не только его встречаемость в нескольких выборках, но и его представительность, выражающаяся в относительных показателях (%) и тенденции [Генинг и др., 1990. С. 89]. Локальными признаками в группе мужчины/женщины: укрепление стенок (и) могилы камнем, глубина могил до 1-1,5 м, погребенные уложены, вытянуто на спине, руки вытянуты или одна на тазе, с северо-восточной, северо-западной ориентировкой, кости животных в изголовье, глиняный сосуд в заполнении могилы или у ног.

Группа женщина/ребенок: серьга-кольцо.

Группа мужчина/ребенок: парные погребения восточная и западная ориентировка, глиняный сосуд на уровне пояса, угли в могиле, другие из категории инвентаря.

Частные признаки характерны лишь для одной выборки, поэтому всегда имеют здесь чрезвычайно высокую тенденцию и полностью отсутствуют в других. Данные признаки отражают индивидуальные черты выборки [Генинг и др., 1990. С. 91]. К частным признакам мужской группы захоронений относятся: у погребенного вытянуты ноги или одна нога согнута в колене, местонахождение заупокойной пищи не удалось точно

зафиксировать. Элементы погребального инвентаря следующие: псалии и удила, наконечники стрел (железные, бронзовые и костяные), колчаный крючок, меч, боевой нож, наконечник копья, пряжка кольцевая литая или пряжки других форм, пряжка железная. Из категории бытовых предметов доминирующее положение занимает нож, также присутствует костяная лопаточка.

К частным признакам женской группы погребений относятся: захоронения глубиной могильной ямы (более 1,5 м), ноги согнуты и лежат на боку, юго-восточная ориентировка погребенного, дощатый настил на дне могилы, кости животных у ног, жертвенный комплекс у ног. Ассортимент погребального инвентаря представлен: зооморфными и поясными ременными накладками, наконечником пояса, поясной пряжкой, цельным поясом, портупеей, обоймами разных размеров, мелкими круглыми бляшками, умбоновидной пряжкой, трапецевидной подвеской, витой височной подвеской, перстнем, гривной, ожерельем из бус. Из категории бытовых вещей – пряслице.

К частным признакам детской группы погребений относятся: захоронения находящиеся в небольших могильниках (от 10 до 50 погр. или более 50 погр.), расположение могил гнездами, могила глубиной до 0,5 м, поза не установлена, южная ориентировка, также прослежена ориентировка относительно реки (головой, ногами к реке или вдоль течения реки). Из деталей ритуала выделяется установка глиняного сосуда на уровне пояса. Инвентарь представлен, следующими признаками: браслет и спиральные пронизки. Также фиксируется признак – без вещей. Результаты определения тенденции признаков погребального обряда половозрастных групп карабызской культуры приведены в Приложении 1, табл. 7.

Еще раз отметим, что расчеты производились на основе анализа 109 мужских погребений, 115 женских и 129 детских.

Значения коэффициента формально-типологического сходства (C_3), подсчитанные по 89 альтернативному представительному признаку,

показывают следующие результаты. Данные получены по следующей формуле:

$$C_3 = \frac{a^2}{L_1 L_2}, \text{ где } a - \text{ количество совпадающих признаков на обоих объектах;}$$

L_1 – количество признаков, присутствующих на одном объекте; L_2 – количество признаков, присутствующих на другом объекте [Генинг, 1987. С. 145]. Получены следующие данные: мужские – женские погребения $C_3 = 0,1$; мужские – детские захоронения $C_3 = 0,04$; женские – детские погребения $C_3 = 0,03$. Значения коэффициента формально-типологического сходства (C_3) показывают, что погребальный обряд рассматриваемых половозрастных групп значительно отличается. Таким образом, для каждой половозрастной группы характерен свой обряд захоронения.

Сравнительный анализ погребального обряда мужских, женских и детских групп, который проводился по предложенному списку признаков, позволил выявить их общие и отличительные черты. В среднем между взрослыми и детскими захоронениями по всем совокупностям признаков погребального обряда наблюдается довольно высокая степень сходства – 64%.

Важным результатом сравнительного анализа является возможность группировки признаков, а вместе с этим выявление общих и особенных черт каждой выборки. В процессе этой процедуры как бы происходит конкретизация результатов сравнительного анализа, нашедших отражение в определенном общем показателе, осуществляется переход от чисто формального анализа к качественному. Появляется возможность определить, какие отдельные признаки повлияли на степень сходства, в чем заключается конкретное сходство и отличие выборок. Здесь уже возможен групповой, а не только парный анализ выборок.

Следующий этап нашего исследования подразумевает работу с погребениями, в которых пол и возраст исследователями не определен. В нашей анализируемой выборке это 49,9% захоронений (347 погребений).

Первоначально проведем анализ погребений вошедших в выборку, где пол и возраст определен профессиональными антропологами, общее количество которых составляет 29 погребений. Также остановимся на сопроводительном инвентаре данных захоронений.

В монографии М.С. Акимовой [1968], опубликован антропологический материал полученный при раскопках Биктимировского могильника (К.В. Сальникова в 1962 г. и А.Х. Пшеничнюка в 1963 г.), который датируется III – II вв. до н.э. Серия включает 7 мужских, 6 женских и 1 детский череп [Акимова, 1968. С. 23-24, табл. 4].

Женские погребения представлены: погр. №12 (40-45 лет), погр. №20 (возраст не определен), погр. №22 (35-40 лет), погр. №37 (25-30 лет), погр. №46 (25-30 лет), погр. №47 (40-50 лет).

Костяки лежали вытянуто на спине. Большинство погребений ориентировано головой на запад, с незначительными отклонениями, ногами к ручью. Из шести погребений, только в одном отсутствует сопроводительный инвентарь (погр. №20). Во всех остальных сопроводительный инвентарь представлен предметами украшений (бусами, поясной гарнитурой, нагрудными украшениями, поясными подвесками, височными кольцами, браслетами, перстнями и т.д.). Захоронения сопровождалось богатым набором сопроводительного инвентаря, так на основании расположения украшений в погр. №46, А.Х. Пшеничнюку удалось реконструировать женский костюм [Пшеничнюк, 1964а. С. 225, рис. 6]. Характерной чертой анализируемой женской выборки является наличие в погребениях кусочков мела. Данный обычай, по мнению А.Х. Пшеничнюка, вероятно был перенят у сармат [Там же. С. 230].

Мужские погребения: погр. №2 (35-40 лет), погр. №18 (20-25 лет); погр. №25 (30-35 лет), погр. №26 (50-60 лет), погр. №33 (30-35 лет), погр. №41 (40-50 лет), погр. №44 (35-45 лет).

Расположение костяков в могиле аналогично женским захоронениям. Два погребения (№18 и №41) были разграблены в древности, в одном сопроводительный инвентарь отсутствовал (погр. №33). Во всех остальных сопроводительный инвентарь представлен предметами вооружения: бронзовыми наконечниками стрел (погр. №2, 18, 26), наконечником копья (погр. №41 и 44) и кинжалом с деревянной рукоятью (погр. №18). Единичны находки поясных пряжек и пронизок.

Детский череп (14 – 15 лет), происходит из раскопок К.В. Сальникова (погр. №7), сопроводительный инвентарь отсутствует. Костяк был уложен на спину с вытянутыми конечностями, головой на запад.

В 2018 г. А.И. Нечвалода и С.Л. Воробьева, на основе анализа комплексов Охлебининского могильника и данных антропологии, реконструировали мужские и женские костюмные комплексы II в. до н.э. – II в. н.э. Исследованные материалы из некрополя составили серию из 14 мужских и 15 женских черепов. Исходя из сопроводительного инвентаря, исследователи выделили следующие хронологические этапы: III – II вв. до н.э. (пп. 455, 520), II в. до н.э. – II в. н.э. (пп. 38, 38, 39, 194, 205, 246, 210, 220, 243, 306, 326, 344, 357, 476, 479, 514), II-III вв. н.э. (пп. 204, 291, 318, 478, 485) [Нечвалода, Воробьева, 2018. С. 154]. Возрастные характеристики представлены следующими градациями: юношеский (Juvenis) (12/13-17/18 лет), возмужалый (Adultus) (19-34 лет), зрелый (Maturus) (Maturus I – 35-44 лет, Maturus II – 45-55 лет), старческий (Senilis) (55 лет и старше).

Авторы отмечают, что в предыдущих исследованиях было определено, что во II в. до н.э. – II в. н.э. происходит наибольший демографический всплеск кара-абызского населения и именно в это время кара-абызский костюм наиболее унифицирован. Сравнение инвентаря женских погребений Охлебининского могильника данного периода по возрастному критерию

(Juvenis – 4 погр., Adultus – 5 погр., Maturus I – 1 погр., Maturus II – 2 погр.) позволило прийти исследователям к следующим выводам. В погребениях юных женщин (Juvenis) отсутствуют пряслица, а в комплексах зрелых женщин (Maturus) сокращается количество поясных накладок в виде голов грифонов. Наличие золотых височных подвесок и украшений, уложенных в ногах женщин (поясные наборы и шейно-нагрудные украшения) не зависело от возраста погребенных, а является, скорее всего социальным или родовым маркером. В мужском погребальном костюме представленного периода исследователями выделены следующие элементы убранства костюма: умбоновидные пряжки, бронзовые поясные пряжки с неподвижным крючком, накладки на пояс из зубов медведей, бронзовые обувные пряжки с неподвижным язычком, ременные подвески. Авторы также отмечают, что выборка из трех погребений, в которых был определен возраст, мала для сравнения и на данный момент возрастные особенности мужского погребального костюма выделить не представляется возможным [Там же. С. 165; С. 167-169, табл. 5-8].

В нашем исследовании, в выборку вошли 15 погребений. Остановимся на половозрастных и хронологических группах выделенных исследователями. К этапу, который датируется: II в. до н.э. – II в. н.э. А.И. Нечвалодой и С.Л. Воробьевой отнесены десять женских погребений: пп. 38 (12/13 – 17/18 лет), пп. 39 (19-34 года), пп. 194 (19-34 года), пп. 205 (45-55 лет), пп. 220 (12/13 – 17/18 лет), пп. 246 (19-34 года), пп. 306 (12/13 – 17/18 лет), пп. 326 (45-55 лет), пп. 344 (35-44 лет), пп. 357 (19-34 года) и два мужских: пп. 210 (12/13 – 17/18 лет), пп. 243 (45-55 лет).

К этапу II – III вв. н.э., отнесены два женских погребения: пп. 204 (45-55 лет), пп. 291 (19-34 года) и одно мужское пп. 318 (45-55 лет).

Таким образом, на данный момент в нашем исследовании мы располагаем 29 половозрастными определениями, из которых у десяти индивидов пол определен как мужской, восемнадцати – как женский. Одно захоронение принадлежало ребенку (пол не установлен).

Категорию «подросток», которую выделял в своих отчетах и публикациях А.Х. Пшеничнюк в нашем исследовании мы не учитываем, в связи с относительной «размытостью» данного определения. Также на данный момент в рассматриваемой нами выборке, нет индивидуумов (прим.: возрастная группа 10-14 лет [Балабанова, 2017. С. 65]), которые бы попадали под данное определение. В результате структурирования материала за основу были приняты три градации (категории): женщины, мужчины, дети. В данных сериях выделение возрастных групп, принятых в физической антропологии [Алексеев, Дебец, 1964; Балабанова, 1998] не представляется возможным, в связи с малочисленностью выборки с установленными поло-возрастными параметрами по кара-абызской культуре.

Следующий этап нашего исследования подразумевает анализ захоронений, в которых отсутствуют половозрастные определения (347 погребений). На данном этапе мы, основываясь на сопроводительном инвентаре (частных признаках, каждой из выделенных групп), проанализируем каждое погребение и попытаемся соотнести его с представленными половозрастными группами (мужчины, женщины, дети).

В результате проработки данной выборки, мы получили следующие результаты, из категории пол и возраст не определен были выделены: 103 мужских, 106 женских и 7 детских захоронений. В 131 случае отнести погребенного к выделенным половозрастным группам не представляется возможным, в связи с малочисленностью и не выразительностью сопроводительного инвентаря.

Далее, проведем сравнительно-типологический анализ и вычислим коэффициент формально-типологического сходства (C_3) объединенных половозрастных групп (Приложение 1, табл. 8): мужской (212 погр.), женской (221 погр.), детской (136 погр.).

К *всеобщим* признакам погребального обряда кара-абызской культуры относятся: бескурганный тип могильников, расположение вблизи поселения (до 1 км), ингумация как способ захоронения, одно захоронение в могиле,

погребения, находящиеся в средних (более 50 погр.) и крупных (более 200 погр.) могильниках, их бессистемное расположение, могильная яма простой конструкции, могила глубиной до 1 м, погребенный, уложенный головой в юго-западном направлении. Детали ритуала представлены одним признаком – глиняный сосуд в изголовье.

Локальные признака в группе мужчины/женщины: расположение могил – гнездами, укрепление стенок (и) могилы камнем, глубина могил 1-1,5 м или более 1,5 м, погребенные уложены вытянуто на спине, руки вытянуты и одна на тазе, одна нога согнута в колене, с северо-восточной ориентировкой, кости животных в изголовье, глиняный сосуд в заполнении могилы или у ног. Ассортимент погребального инвентаря представлен следующими локальными признаками: наконечник пояса, нож.

Группа женщина/ребенок маркируются следующими локальными признаками: умершие захоронены в небольших могильниках (от 10 до 50 погр.), с юго-восточной ориентировкой, серьга-кольцо, браслет, 1-5 бусин. Группа мужчина/ребенок представлена: южная и восточная ориентировка, ориентировка не установлена, ногами к реке, местонахождение костей (жертвенных животных) не определено относительно костяка.

К частным признакам мужской группы захоронений относятся: угли в могиле. Элементы погребального инвентаря следующие: псалии и удила, наконечники стрел (железные, бронзовые и костяные), колчаный крючок, меч, боевой нож, наконечник копья, пряжка кольцевая литая или пряжки других форм, пряжка железная, детали обуви. Из категории бытовых предметов фиксируется – костяная лопаточка.

К частным признакам женской группы погребений относятся: ноги согнуты и лежат на боку, северная ориентировка погребенного, головой к реке, дощатый настил на дне могилы, кости животных у ног, жертвенный комплекс у ног. Ассортимент погребального инвентаря представлен: зооморфными и поясными ремennыми накладками, поясной пряжкой, цельным поясом, портупеей, обоймами разных размеров, дисковидной

бляхой, мелкими круглыми бляшками, умбоновидной бляхой, трапецевидной подвеской, витой височной подвеской, перстнем, гривной, ожерельем из бус, пронизки спиральные. Из категории бытовых вещей – пряслице.

К частным признакам детской группы погребений относятся: смешанное расположение могил, могила глубиной до 0,5 м, парное погребение, поза не установлена, восточная ориентировка, также прослежена ориентировка относительно реки (вдоль течения реки). Из деталей ритуала выделяется установка глиняного сосуда на уровне пояса. Также фиксируется признак – без вещей.

Таким образом, после распределения погребений по половозрастным группам всех погребений, в которых существует антропологические определения или характерный сопроводительный инвентарь, мы еще раз определим значения коэффициента формально-типологического сходства (C_3). Данные получены по формуле которая уже была использована:

$$C_3 = \frac{a^2}{L_1 L_2}, \text{ где } a - \text{количество совпадающих признаков на обоих объектах;}$$

L_1 – количество признаков, присутствующих на одном объекте; L_2 – количество признаков, присутствующих на другом объекте [Генинг, 1987. С. 145]. Получены следующие данные: мужские – женские погребения $C_3 = 0,07$; мужские – детские захоронения $C_3 = 0,05$; женские – детские погребения $C_3 = 0,06$.

Значения коэффициента формально-типологического сходства (C_3) еще раз подтверждает ранее полученные выводы, что погребальный обряд рассматриваемых половозрастных групп значительно отличается. Таким образом, для каждой половозрастной группы характерен свой обряд захоронения.

Полученные результаты позволяют сделать следующие *выводы по суммарной характеристике погребального обряда кара-абызской культуры:*

Захоронения в бескурганных могильниках, состоящих из не менее чем 50 погребений и расположенных вблизи (не более 1 км) синхронного поселения; обряд захоронения – ингумация в индивидуальных могилах простой конструкции, глубиной не более 1 м, расположенных бессистемно по площадке некрополя; ориентировка погребенного юго-западная, что в ряде случаев соответствует – головой к реке; в изголовье помещался глиняный сосуд.

По параметрам могильных ям, ассортименту сопровождающего инвентаря и небольшому количеству антропологических данных кара-абызские погребения четко разделяются на три половозрастные группы: мужскую, женскую и детскую (составляющие, соответственно, 30,3%, 31,6% и 19,4% от анализируемой статистической выборки). Категория, где пол и возраст не определен, в связи отсутствием костяков или сопроводительного инвентаря насчитывает – 18,7%.

Каждая из этих групп характеризуется своим набором признаков обряда, дифференцирующим их друг от друга. Последнее обстоятельство особенно важно в плане социальной реконструкции, поскольку позволяет предположить наличие у «кара-абызцев» особых представлений о «мужском и женском загробных мирах», а также – обряда инициации, до прохождения которого дети не могли быть погребены по канонам взрослого обряда.

ГЛАВА 3. СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА КАРА-АБЫЗСКОГО ОБЩЕСТВА ПО ДАННЫМ АРХЕОЛОГИИ

3.1. Корреляционный и кластерный анализ погребений кара-абызской культуры

Постсоветский период характеризуется значительными достижениями такой субдисциплины, как социальная (социологическая) археология, становление которой в СССР началось еще в 1970-е гг. По существу за 20-30 лет сложился широкий спектр, исследовательских подходов, таких как палеоантропологическое и палеоэкономическое моделирование, формализовано-статистические технологии, метод определения трудовых затрат на сооружение погребения и выявления половозрастной и социальной дифференциации исходя из сложности погребальных конструкций и состава погребального инвентаря, планиграфический анализ системы погребального комплекса, этноархеологические реконструкции, оценка численности населения по экологическим параметрам и т.д. [Васютин, Дашковский, 2009. С. 122-123].

Социальная организация древнего населения является одной из актуальных исследовательских тем в археологии конца XX – начала XXI в., привлекая внимание исследователей занимающихся разными хронологическими периодами (эпохами). Нами уже отмечалось, что к настоящему времени как на рассматриваемой территории, лесостепной части Южного Приуралья, так и на прилегающих территориях, накоплен богатый, разнообразный, яркий материал из погребальных памятников племен раннего железного века. Таким образом, назрела необходимость обработки обширного археологического материала, что повлекло за собой использование компьютерных статистических программ. В предыдущей главе мы провели суммарную характеристику погребального обряда кара-абызской культуры и анализ половозрастных групп, что позволило определить характерные черты погребальной обрядности древнего

населения. Но любое явление, как отмечает в своем исследовании Е.П. Бунятян, выступает не как сумма признаков, а как специфическое сочетание, как своеобразная и неповторимая их связь. Поэтому необходимо выяснить, как связаны между собой признаки, какую роль играют они в реконструкции социального статуса погребенного [Бунятян, 1985. С. 75]. В данной главе мы продолжим использование методов математической статистики, с целью анализа социальной структуры кара-абызского общества.

В своем исследовании мы сознательно, вслед за Е.П. Бунятян, ограничились только археологическими источниками, причем лишь часть их – погребальными памятниками. Такой выбор объясняется тем, что для решения поставленных задач именно погребальные памятники имеют первостепенное значение, так как в них ярче отразилась социальная дифференциация общества, а массовость материала предоставляет в наше распоряжение репрезентативную выборку для статистических наблюдений [Бунятян, 1985. С. 29]. Кроме того к настоящему времени погребения кара-абызской культуры специально не анализировались с точки зрения отражения в них социальной составляющей, хотя некоторыми исследователями она отмечалась.

На сегодняшний день, археологи рассматривают в качестве наиболее объективного показателя социальной стратификации древних обществ – трудовые затраты на создание погребального сооружения, а также качество и количество инвентаря.

Необходимо сделать оговорку, что в нашей работе мы осознанно не рассматриваем историю изучения социальной структуры, как в России, так и на территории Прикамья и Приуралья. Данное обстоятельство связано с тем, что за последние два десятилетия вышло достаточно работ, в том числе и автора данного исследования, которые осветили данную проблематику [Ковтун, 2006; Проценко, 2012а; Проценко, 2016а; Журавлева, Байкова, 2016; Берсенева, 2019. С. 35-42]. Несомненным достижением являются успехи

коллег на сопредельных территориях: исследования общественно-политической структуры номадов [Тишкин, Дашковский, 2003; Социальная структура....2005; Васютин, Дашковский, 2009; и др.], саргатской культуры [Корякова, 1988; Матвеева, 1993; Матвеева, 2007; Берсенева, 2011] и др.

В свою очередь, мы солидаризируемся с тезисом Н.А. Берсеновой, что теоретические дискуссии в российской научной литературе, посвященные социальной интерпретации погребального источника, развернувшиеся было в 90-е гг. XX в. [Гуляев, 1995; Ольховский, 1993; 1995; 1997; Кызласов, 1995; Мельник, 1993 и т.д.], в последнее время сошли на нет. С другой стороны, положительным моментом является то, что в российской археологии, погребальный источник традиционно полагается содержащим объективную социальную информацию [Берсенева, 2019. С. 37], которую археолог, в принципе, способен извлечь, применяя различные методы [Алёхин, 2016].

На данный момент мы можем уверенно констатировать, что выбор места погребения и защиты живущих сородичей от умершего/умерших определяется рядом факторов: особенностями ландшафта, расположением относительно основного поселения, традицией и мифическими представлениями о взаимоотношении живущих с умершими предками [Викторова, 2017. С. 160]. Изучение связей между явлениями – одна из основных задач каждой науки. В археологии связи между явлениями, как правило, статистические. Статистика только устанавливает наличие связей, определяет их силу. Но истолкование смысла и причины возникновения связи – дело археологии как таковой [Федоров-Давыдов, 1987. С. 78]. Таким образом, на данном этапе мы снова остановимся на анализе погребального обряда, а именно на устойчивых сочетаниях признаков рассматриваемой культуры.

Подтверждение гипотез о наличии связи между переменными, оценка характера данных связей и др. – вот лишь некоторые задачи, с успехом решаемые с применением статистических методов анализа. На новый уровень выводит статистические методы применение специализированного

программного обеспечения для анализа [Таганов, 2005. С. 7]. Одним из наиболее востребованным для анализа, массового археологического материала, в настоящее время является статистический программный комплекс SPSS. Для проведения корреляционного анализа, воспользуемся вычислением коэффициентом корреляции r -Пирсона, который является мерой прямолинейной связи между переменными: его значения достигают максимума, когда точки на графике двумерного рассеяния лежат на одной прямой линии. Использование линейного коэффициента корреляции подразумевает, что сравниваемые переменные имеют нормальное распределение и имеют интервальную либо количественную шкалу. Если в этом уверенности нет и, по меньшей мере, одна из сравниваемых переменных имеет порядковую шкалу или отличное от нормального распределение, используется ранговый коэффициент корреляции Спирмена или тау Кендалла.

Вычислив коэффициент корреляции Пирсона, с целью дать качественную оценку показателям мы воспользуемся шкалой Чеддока (корреляция и сила связи) (Приложение 1, табл. 9), и проанализируем полученные результаты. Для облегчения анализа отбросим слабые связи (0,1–0,3) как несущественные. В результате мы получаем три группы, которые имеют разные характеристики силы связи (высокая, заметная и умеренная).

Наиболее значимая – *высокая* сила связи (величина коэффициента корреляции: 0,7–0,9) в данной категории выделяются следующие признаки погребального обряда: удила – железные наконечники стрел и железные наконечники стрел – наконечник копья (рис. 60). В первом случае выделяются 65 погребений, значительная часть которых относится к Охлебининскому могильнику (58 погребений), в небольшом количестве представлена в Шиповском могильнике (6 погребений) и лишь одно в Биктимировском. Во втором случае (железные наконечники стрел – наконечник копья) выделяется 80 захоронений, доминирующее положение

также занимает Охлебининский могильник (68 погребений), Шиповском (10 погребений) и два погребения с Биктимировских могильников. Полученные результаты, достаточно хорошо соотносятся с показателями С.Э. Зубова, который проведя статистический подсчет погребений Охлебининского могильника с присутствием в них различных категорий оружия, получил следующую картину. Практически все кара-абызские воины были вооружены оружием дистанционного боя – луком. Второе место по количеству представленного в погребениях оружия занимает копье – более половины всех воинских захоронений [Зубов, 2012. С. 116].

Таким образом, наиболее высокое значение коэффициента взаимовстречаемости фиксируется как между самими предметами вооружения (железные наконечники стрел – наконечник копья), так и между предметами вооружения и конского снаряжения (железные наконечники стрел – удила). Данное обстоятельство может быть связано с тем, что воины-всадники имели привилегированное положение, но для данного тезиса необходимо дополнительное обоснование. Обращает на себя внимание доминирование Охлебининского могильника, что по нашему мнению объясняется, преобладанием захоронений в выборке из данного могильника.

Заметная сила связи (величина коэффициента корреляции: 0,5–0,7) фиксируется в следующих признаках: мужские захоронения и удила (80 погребений), мужские захоронения и железные наконечники стрел (112 погребений), мужские захоронения и наконечник копья (117 погребений), удила и наконечник копья (66 погребений). Женские захоронения коррелируют с такой категорией как – ожерелье из бус (101 погребение). Как и в предыдущем случае, из выделенных погребений доминируют захоронения из Охлебининского могильника, далее следуют Шиповский и Биктимировские могильники. Категории признаков наличие углей в могиле, некрополь содержащий от 10 до 50 усопших и один костяк в погребении встречается только в Уфимском могильнике (13 могил).

Таким образом, две наиболее значимые корреляционные связи маркируют в первую очередь мужские погребения с оружием и с элементами конской упряжи, которые достаточно многочисленны в анализируемой выборке (рис. 60). Отдельным звеном выступают признаки, характеризующие Уфимский могильник, что по нашему мнению ничего сверхординарного не показывает, кроме как наличие угля, в могильной камере данного некрополя, что нами уже было отмечено на первом этапе исследования. Женские погребения демонстрируют заметную связь с ожерельем из бус, это единственный самый яркий признак, который выделяется для данной половозрастной группы.

Третья группа – с *умеренной* силой связи (величина коэффициента корреляции: 0,3–0,5) заметно превышает по количеству две предыдущих группы. Немаловажно отметить, что по значениям коэффициента корреляции Пирсона отчетливо выделяется два комплекса погребального инвентаря – мужской и женский (рис. 61). К первому относятся предметы вооружения, бытового инвентаря, элементы пояса, ко второму – украшения и детали костюма.

Возвращаясь к комплексам мужского и женского погребального инвентаря, отметим что среди них выделяются предметы, обнаруживающие наиболее тесную корреляцию между собой. Непосредственно с мужскими захоронениями соотносятся: костяные наконечники стрел, нож, пряжка кольцевая, меч, пряжки других форм. Признаки мужского сопроводительного инвентаря, также показывают тесную связь между собой: удила и псалии; удила и меч; удила и пряжки других форм; псалии и железные наконечники стрел; псалии и наконечник копья; железный наконечник стрелы и меч и пряжки других форм; костяная лопаточка и другие. С женскими погребениями умеренная связь фиксируется для следующих признаков инвентаря: накладки ремня зооморфные, поясные накладки (бронзовые прямоугольные накладки с двумя ушками на обороте и с узором из двух рядов треугольников, поставленных друг к другу основаниями; бронзовые

многосоставные накладки из круглых выпуклых или прямых бляшек с ушками на обороте; накладки из зубов медведя (по С.Л. Воробьевой)), поясная пряжка, обоймы, большая круглая бляха, мелкие круглые бляшки, подвески трапециевидные, перстень. По аналогии с мужскими погребениями, категории женского сопроводительного инвентаря также коррелируют между собой: жертвенный комплекс у ног и обоймы; накладки ремня зооморфные, большая круглая бляха, подвески трапециевидные и ожерелье из бус; портупея и ожерелье из бус; обоймы и мелкие круглые бляшки; обоймы и подвески трапециевидные; обоймы и ожерелье из бус; височное кольцо и пряслице. Как мы можем наблюдать, мужской и женский комплекс погребального инвентаря достаточно четко выделяется. Таким образом, картина, наблюдавшаяся при проведении половозрастного анализа, подтверждается после дополнительной статистической обработки.

С детской выборкой погребений коррелируют только один признак – без вещей, что тоже является логичным и не противоречит предыдущим выводам нашего исследования.

Дощатый настил, накладки ремня зооморфные и большая круглая бляха – все они также объединены *умеренными* корреляционными связями. Это еще раз подчеркивает, что данные элементы погребального обряда более характерны для женской выборки. Отметим также, что признаки – «жертвенный комплекс у ног» и «портупея» являются «этнокультурным маркером» для группы из Охлебининского могильника.

Прежде чем перейти к содержательной характеристике и интерпретации полученных групп, остановимся на общих чертах массивов мужских и женских захоронений.

Анализ мужских погребений и полученные данные по корреляционным связям показали, что мужчина в кара-абызском обществе был прежде всего воином. Географическое расположение памятников кара-абызской культуры способствовало тесному контакту ее носителей с сарматами, что неоднократно отмечалось исследователями [Воробьева, 2014; Овсянников,

2009б, 2014б; Савельев, 2014 и др.]. А.Х. Пшеничнюком было отмечено, что анализ материалов ранних кара-абызских памятников и синхронных им прохоровских курганов дает немало оснований говорить о довольно сложных и противоречивых взаимоотношениях этих двух археологических культур. С одной стороны, налицо их враждебность, что приводило к различного рода военным столкновениям. Об этом свидетельствуют мощные укрепления на кара-абызских поселениях, большое количество вооружений и захоронения убитых воинов. На последнее указывает наличие захоронений с застрявшими в костях наконечниками стрел, к примеру погр. 94 (1965 г.) вскрыто на Охлебининском могильнике, в котором два наконечника найдены застрявшими в позвонках, а один в бедренной кости [Пшеничнюк, 1973. С. 218]. Характер сарматского общества, каким мы его представляем по сообщениям письменных источников, предполагает постоянные военные набеги сармат на своих соседей; кара-абызские племена являлись, по мнению автора, частым объектом их военных нападений. С другой стороны, многочисленные данные указывают и на мирные взаимоотношения кара-абызских и сарматских племен, наиболее ярко это прослеживается на керамическом материале [Пшеничнюк, 1976б. С. 13-14].

Как мы видим, военная деятельность, являлось важной стороной в жизни мужского населения, на всём протяжении существования археологической культуры. Основным инвентарем мужских погребений (напомним, всего в выборке их 212) являются предметы вооружения (96% всех мужских погребений), лишь в двух мужских захоронениях (погр. 25 Уфимского и погр. 33 I Биктимировского могильников¹⁴) отсутствуют предметы вооружения. Лидирующее место занимают наконечники стрел. На втором по степени распространённости – наконечник копья. Менее распространены мечи (15%) и боевой нож (5,2%). Предметы конской упряжи

¹⁴В данных погребениях сопроводительный инвентарь отсутствует.

фиксируются в значительном количестве: удила (38,2%), псаии (10,4%). Остальные виды вооружения встречаются редко.

Таким образом, мы приходим к аналогичному выводу, который был получен в ходе анализа скифских мужских захоронений IV – III вв. до н.э. Е.П. Бунятян, что наличие оружия, объединяет массив мужских погребений и в то же время дифференцирует его по составу и количеству предметов вооружения. Наличие оружия фактически в каждом мужском погребении дает основание полагать, что статус индивида определялся его ролью и местом в системе военной организации [Бунятян, 1985. С. 92]. Также мы можем полностью согласиться и с тезисом В.А. Иванова, что захоронения отличались не качеством находящегося в них оружия, а наибольшей полнотой его ассортимента [Иванов, 1984. С. 72]. Необходимо отметить и то, что такая категория инвентаря, как орудия труда полностью отсутствует, что с одной стороны может свидетельствовать о том, что в погребальном обряде отражены не все стороны жизни индивида, а с другой возможно указывает на хозяйственно-культурный тип рассматриваемой культуры.

Инвентарь женских погребений разнообразней и представлен большим количеством украшений. Наиболее представленной категорией инвентаря являются элементы костюмного комплекса: поясные пряжки, поясные накладки (в том числе зооморфные), мелкие круглые бляшки и обоймы. Как известно, в погребениях кара-абызской культуры поясные наборы были широко распространены и являются, как отмечалось неоднократно, этническим маркером кара-абызского населения [Воробьева, 2012. С. 233]. Ожерелье из бус представлено в 45,7% женских захоронений и связано заметной коррелятивной связью. В погребениях также представлены следующие категории инвентаря: подвески трапецевидные (34%), перстень (24,4%), бусы в количестве от 1 до 5 штук (23%), гривна (10%), наконечник пояса (19,4%), пронизки (9,4%), «портупея» (8,1%). Остальные украшения представлены единично. Также как и в мужских погребениях, больше половины усопших сопровождали железные ножи (52,5%). Одной из

характерных признаков женской выборки являются пряслица (34,7%). С другой стороны, только данная категория инвентаря отражает производственные функции женщины в кара-абызском обществе, что может говорить либо об ограниченности системы орудий труда, либо то, что у древнего населения не было принято укладывать с усопшим данную категорию инвентаря.

Касаемо железных ножей, отметим, один немаловажный аспект, который отражен в одной из работ А.Н. Лепехина. Исследователем отмечено, что в поверьях Урала и Сибири ножи и другие режущие предметы являются, прежде всего, сильными оберегами, защищающими от потусторонних сил и стихийных бедствий. Анализируя религиозно-мифологические представления народов Урала (в трудах Гемуева И.Н., Владыкина В.Е., Шарапова В.Э. и др.), автором отмечены следующие моменты. Так, нож, косу или топор клали в изголовье больных для устранения болезни, нож прятали под подушку, чтобы не видеть плохих снов. Броском ножа можно было отогнать злых духов. Кроме того, нож (кинжал, меч) мог иметь и значение символа божества или даже отождествлялся с ним. Наиболее известный пример – скифский бог войны, которому сооружались алтари из хвороста с укрепленным наверху мечом. Этому мечу поклонялись и приносили жертвы, в том числе и людей [Лепехин, 2007. С. 154-155]. Таким образом, один из аспектов нахождения ножа в погребении могли быть и определенные религиозно-мифологические представления древнего населения.

Предметы вооружения в женских захоронениях встречаются довольно редко, данное обстоятельство может указывать, что женское население не было связано с военной деятельностью. Но к примеру, предметы вооружения (железный кинжал и бронзовые наконечники стрел) были уложены в могилу только у молодой женщины (20–25 лет) в погр. 18 I Биктимировского могильника, что может говорить о том, что в случае необходимости женщины выполняли и воинскую роль [Проценко, 2019. С. 849].

Необходимо отметить, что наиболее привилегированное женское население отличалось в первую очередь количественно-качественным составом костюмного комплекса, а именно количеством бус в ожерелье, присутствием изделия из благородного металла и др.

Следующим этапом нашего исследования является кластерный анализ погребального обряда рассматриваемой культуры.

Кластерный анализ в общем смысле можно охарактеризовать как подход, применяемый для анализа больших объёмов разнородных данных через их систематизацию. Структурной основой такой систематизации выступает формирование наиболее схожих по заранее выбранным критериям данных в группы или классы, также называемые кластерами. Формирование кластеров позволяет разделить данные на отдельные группы.

Кластерный анализ представляет собой математико-статистический подход, нашедший широкое прикладное и междисциплинарное применение в самых разных областях науки – как естественных, так и гуманитарных. Переходя от малых групп данных к большим выборкам, многие исследователи сталкиваются с потребностью сформировать упрощенную и логически обоснованную схему для группировки разрозненных элементов в общую структуру. Именно для этого используется кластерный анализ, позволяющий обосновать иерархию самых разных данных – от природных процессов до социальных явлений.

Одним из преимуществ кластерного анализа является возможность его средствами сделать выборку и ее составляющие более компактными и удобными в дальнейшем исследовании – перейдя от отдельных значений величин к классификационным категориям, обоснованным средствами статистического анализа. Об актуальности анализа больших объёмов данных свидетельствует стремительный рост такой методологии анализа данных, как Big Data, которая позволяет доказывать или опровергать заранее построенные математические модели поведения людей или любые иные процессы на больших выборках данных, тем самым извлекая практическую

пользу из повышения объемов информации в обществе, предсказанных Гордоном Муром [Exponential Laws of... P. 54-65]. С учетом соответствия современной динамики прироста информации в рамках Закона Мура, повышение актуальности методологии кластерного анализа можно считать фактом не только научно-исследовательской деятельности, но и социальной жизни.

Главным методологическим вопросом при формировании методики кластерного анализа или ее подборе исходя из задач и концепции отдельных научных исследований является выбор определённого алгоритма анализа данных. В настоящее время известно несколько сотен алгоритмов для формирования кластеров, применяемых в кластерном анализе. Для понимания их специфики рассмотрим наиболее распространённые на примере базовых схем кластеризации.

Алгоритмы кластеризации можно разделить последующим критериям. По взаимной подчинённости кластеров – на иерархические и плоские.

Иерархические алгоритмы кластеризации (таксономические) формируют древовидную структуру взаимоподчинённых кластеров, плоские алгоритмы содержат отдельные кластеры, равноценные друг другу по своей подчиненности [Поляков, Цветков, 2008].

По разделению критериев отнесения объектов выборки к кластерам – на четкие и нечеткие. В чётком алгоритме каждый объект может относиться только к одному кластеру, в нечетком – к разным кластерам с различной степенью вероятности [Jain A., Murty M., Flynn P., 1999. Pp. 264-323].

Для иерархических кластерных алгоритмов важным вопросом является выбор критерия взаимного подчинения кластеров, формирующий логику кластеризации отдельной выборки. Для этого оцениваются следующие показатели:

1. Одиночная связь – определяющаяся как разница между рассматриваемым признаком между двумя наиболее близкими по данному признаку объектами из «соседних» кластера.

2. Полная связь – оценивается наоборот, по связи наиболее отличающихся признаков объектов из разных кластеров.

3. Невзвешенное по парное среднее – оценивает среднее расстояние между всеми парами, формирующими кластеры объектов или признаков.

4. Взвешенное по парное среднее – идентичен предыдущему методу, но использует взвешенные оценки, что позволяет сопоставлять кластеры с разным числом объектов (кластеры разного размера) между собой.

5. Невзвешенное центрирование – оценивает связь кластеров исходя из их центральных значений в абсолютном выражении.

6. Метод медианы – учитывает весовые коэффициенты при оценке кластеров разного размера.

Алгоритмы иерархической кластеризации делятся на восходящие и нисходящие алгоритмы. Нисходящие алгоритмы формируют кластер «сверху-вниз»: в начале все объекты помещаются в один кластер, который затем разбивается на все более мелкие кластеры.

Иначе работают восходящие алгоритмы, которые сначала включают объект в отдельный кластер, а затем объединяют кластеры во все более крупные, формирующие систему вложенных разбиений. Визуально кластеризацию средствами восходящих алгоритмов отображают в виде дендрограммы.

Главной проблемой иерархических алгоритмов является система полных разбиений, которая может быть избыточна для отдельно взятой задачи. Оптимизацию алгоритмов кластеризации объектов можно сформулировать в виде критерия уменьшения среднеквадратической ошибки разбиения:

$$e^2(X, L) = \sum_{j=1}^K \sum_{i=1}^{n_j} \|x_i^{(j)} - c_j\|^2$$

где: c_j – «центр» модели кластера j (точка средних значений характеристик определённого кластера).

Далее рассмотрим алгоритм нечеткой кластеризации – алгоритм с-средних, включающий в себя следующие действия [Олдендерфер, Блэшфилд, 1989].

1. Выбор начального нечеткого разбиение числа n элементов выборки на число k кластеров на основании матрицы принадлежности U размера n , x и k .

2. На основании матрицы U , выявить уровень критерия нечеткой ошибки:

$$E^2(X, U) = \sum_{i=1}^N \sum_{k=1}^K U_{ik} \|x_i^{(k)} - c_k\|^2,$$

где c_k – «центр» нечеткого кластера k :

$$c_k = \sum_{i=1}^N U_{ik} x_i.$$

3. Классифицировать объекты выборки для минимизации критерия нечеткой ошибки.

Данный алгоритм не эффективен, если по методике исследования объект выборки может относиться только к одному из кластеров модели.

Вычислительная сложность каждого алгоритма кластеризации зависит от формы кластеров, объема входных данных и требований к получаемым результатам анализа. Для иерархических алгоритмов кластеризации уровень вычислительной сложности может определяться как произведение числа кластеров, на квадрат общей численности объектов, составляющих кластеры. Для алгоритмов кластеризации с применением средних и медианных оценок, уровень сложности определяется исходя из произведения числа кластеров на число проводимых операций, и таким образом может существенно варьироваться в зависимости от выбранной методики вычисления.

Таким образом, применительно к задачам исследования массового археологического материала, в нашем случае погребального обряда – кластерный анализ позволяет получить следующие результаты:

– систематизировать существующий объем данных;

- обосновать гипотезу с применением методов статистики;
- математически оценить взаимное влияние между отдельными группами признаков исследуемых предметов материальной культуры;
- достичь максимального охвата вещественного материала в рамках доступной информации;
- минимизировать влияние тенденциозности и «эффекта наблюдателя» при обосновании социальных гипотез на вещественном материале.

Кластерный анализ, проведенный по результатам распределения относительных частот информативных признаков с энтропией, равной либо превышающей значение 0,6, при установлении порогового значения расстояния сходства на уровне 4,8 позволил выделить 6 кластеров.

Особенностью кластерного анализа в исследовании является изначальная выборка показателей на этапе расчета их взаимной корреляции, при котором были отделены признаки, не соответствующие пороговому значению, определённого в размере 0,6. Далее, изолированная от недостаточно значимых показателей выборка была использована для кластерного анализа с визуальным отображением полученных закономерностей в формате дендрограммы.

Имеющиеся показатели характеризуются большим числом переменных – это привело к выбору методики иерархического анализа при кластеризации данных. Разнородность показателей по своим единицам измерения, компенсируется их связью в рамках принадлежности к одному явлению, а именно погребальному обряду кара-абызской культуры.

В качестве метрики для исследования было выбрано квадратичное Евклидово расстояние. Такой выбор системы измерения взаимного положения составляющих кластера обусловлен структурными особенностями множества показателей, которые математически можно охарактеризовать как нечеткое множество. Евклидово расстояние между группами показателей рассчитывается как величина, получаемая при сопоставлении стандартизированных показателей в каждой последовательно

сравниваемой группе (равная квадратному корню из суммы среднего значения разности произведений средней величины показателей и каждого показателя из двух выбранных групп) последовательно для каждой из групп показателей, формирующей выборку. Для рассматриваемой выборки, применение Евклидова расстояния позволяет обобщить всю совокупность до пригодных для дальнейшей интерпретации групп показателей.

В настоящем исследовании был использован иерархический метод, поскольку изначально проведенный отбор показателей по пороговому уровню, позволил создать относительно взаимосвязанную выборку показателей. Метод построения кластеров выбран на основании того, что иерархическая кластеризация для сравнительно разнородных данных обеспечивает их структурное разделение, и формирует статистически достоверную схему для дальнейших интерпретаций и привлечения в качестве доказательства гипотезы исследования.

В рамках иерархической кластеризации между агломеративным и дивизиональным методами был выбран агломеративный, наиболее подходящий для логики при которой отдельные признаки погребального обряда, объединяемые в общую совокупность, служат для построения масштабных выводов по социальным интерпретациям. При таком методе небольшие кластеры формируются от меньших групп к более крупным, что позволяет обобщать разнообразные данные в единый кластер.

Особенностью выборки является использование разнообразных показателей для доказательства выбранной в начале исследования гипотезы. Это связано с многомерностью существования археологической культуры во всей совокупности хозяйственных связей, социальных отношений и материальной культуры.

Визуальное представление кластеров реализовано в виде дендрограммы, в которой показатели группируются исходя из взаимного расположения в матрице мер близости. Применение агломеративного метода обусловило выбор дендрограммы при сравнении показателей расстояния

сходства. Представленная дендрограмма сформирована на основании метода межгрупповых связей и отражает постепенное повышение расстояния сходства между показателями, объединенными в кластеры с различным числом ядер и составом исходных данных.

При характеристике степени близости памятников и групп между собой использовался вышеуказанный показатель «расстояния сходства», значение которого колеблется в интервале от 0 до 25. Минимальное расстояние, равное 1, характеризует максимальную близость объектов в пространстве признаков, максимальное расстояние – 25, свидетельствует о предельной удаленности объектов друг от друга.

В пространстве признаков анализируемые объекты сгруппировались вокруг 44 классификационных ядер (точек притяжения).

Под классификационным ядром мы, вслед за Д.В. Шмуратко, понимаем группу объектов с максимальной степенью близости в рамках данной совокупности, с объединения которых начинает формироваться кластер. Согласно алгоритму иерархического кластерного анализа сначала происходит объединение наиболее близких объектов, к которым на последующих шагах классификации присоединяются остальные объекты выборки. При этом необходимо понимать, что классификационные ядра не обязательно являются центрами кластеров. Выделение объектов, входящих в центр кластеров, т.е. наиболее типичных для данного классификационного облака, осуществляется по результатам дискриминантного анализа [Шмуратко, 2012. С. 112].

I кластер образован десятью признаками погребального обряда: дощатый настил, могильники, содержащие более 50 захоронений, перстень, наконечник пояса, костяк ориентирован ногами к реке, накладки ремня зооморфные, дисковидная бляха, стенки могилы обложены камнем.

Первый кластер, получил условное название – «биктимировский женский», так как признаки, выделенные в данном кластере, зафиксированы в женских погребениях I и III Биктимировского могильника.

II кластер, образован одиннадцатью признаками: без вещей, смешанное расположение могил на некрополе, вдоль течения, западная и юго-западная ориентировка погребенного, подвеска трапецевидная, ожерелье из бус, поясные накладки, поясная пряжка, 1–5 бусин, глиняный сосуд установленный у ног.

Второй кластер – «женский I» так как объединяет признаки погребального обряда, характерные для определенной части женской выборки захоронений.

III кластер, образован пятью признаками: погребен мужчина, удила, железные наконечники стрел, наконечник копья, пряжки других форм.

Третий кластер, получил условное название – «мужской», так как в своей основе включает признаки характерные для части мужских погребений кара-абызской культуры.

IV кластер, образован пятью признаками: погребен ребенок, пол и возраст не установлен, глубина захоронения 1–1,5 м, поза не установлена, мелкие круглые бляшки.

Четвертый кластер – «детский», так как в своей основе включает признаки характерные для детской погребальной обрядности кара-абызской культуры. В свою очередь отметим, что детские погребения, захороненные на глубине 1–1,5 м зафиксированы только в 10 случаях рассматриваемой выборки: в девяти погребениях Охлебининского и в одном III Биктимировского могильниках.

V кластер, образован семью признаками: в могиле захоронена женщина, на глубине до 0,5 м и 1 м, северо-западная ориентировка, обоймы, кости животных в изголовье, нож.

Пятый кластер – «женский II», объединил в себя признаки достаточно разобщенные, несмотря на то, что одним из признаков является «женское захоронение». Отметим, что все признаки вошедшие в кластер, имеют высокую частоту встречаемости в Охлебининском могильнике.

VI кластер, образован восьмью признаками: могильники расположены вблизи поселений (до 1 км), бескурганные, могильная яма простой конструкции, по обряду ингумации, вытянуто на спине, в могиле находится один костяк, некрополь содержащий более 200 погребений, бессистемное расположение могил на некрополе.

На уровне заключительного шестого кластера, значение расстояния сходства на дендрограмме кластера достигает максимального уровня. Это объясняется тем, что в нем представлены признаки характерные для всего массива погребений кара-абызской культуры.

Рассматриваемая дифференциация кластеров показывает логику структурного распределения признаков в их связи с интерпретацией погребального обряда изучаемой культуры (рис. 63). Группировка признаков в зависимости от расстояния сходства отражает как логику признаков, так и их статистическое распределение согласно выбранной методике исследования. В частности, 4 из 6 выделенных кластеров соответствуют гендерной и возрастной группировке изучаемых представителей племён, что составляет более половины кластеров. Это показывает, что первым интерпретационным основанием кластеризации является гендерное и возрастное разделение погребений. Социальный аспект, отражен только в кластере III, который отражает набор вооружения кара-абызского воина, в чем мы наглядно убедимся в следующем параграфе.

Следовательно, логика распределения инвентаря напрямую связана с возрастом и полом погребенных. Кроме того, наличие кластеров с общими для всех погребений признаками показывает группировку некоторых показателей согласно их наибольшей распространённости, что позволяет отделять общие признаки от частных и тем самым логически обосновать статистическую дифференциацию кластеров. Тем не менее, ряд признаков находится существенно ниже уровня 4,8 – рассматриваемого минимального расстояния сходства. Это связано с тем, что вся совокупность выборки не

может быть однозначно разделена на группы по причине исследования разнородных показателей.

Таким образом, дифференциация признаков строится от общего к частному, пропорционально уровню расстояния сходства и уровню уникальности отдельного признака. Работа при формировании «модели» была основана на выборе реально существующих критериев, взятых на основании оценки вещественного материала и не включает в себя интерпретационных моделей, основанных на социальных реконструкциях. Тем самым данная «модель» изолирована от возможного влияния изначально концептуально обособленных конструкторов и максимально коррелируется с совокупностью материальных предметов, найденных в ходе раскопок.

Сформировавшие кластеры эмпирические данные максимально соответствуют логике научного исследования, основанного на реально существующих проявлениях особенностей погребального обряда рассматриваемого населения.

Наличие ядер в кластерах также может рассматриваться как логическая обусловленность группировки показателей в отдельные совокупности, но их рассмотрение основано на соотнесении гипотезы исследования с доказанными математическими закономерностями взаимосвязи выбранных признаков. При этом совокупность характеристик погребального обряда и его предметов является базовой выборкой в рамках которых формируются отдельные кластеры, соотносящиеся с гипотезой о связи инвентаря с социальными условиями жизни племен. Тем самым достигается определенная прозрачность исследования, при котором наряду со статистической выборкой формируется кластерная взаимосвязь отдельных признаков и доказывается социальная подоплёка изучаемого погребального обряда.

Таким образом, использование кластерного анализа на основе выбранных признаков погребального обряда не позволяет сформировать модель социальной структуры исследуемого общества. Данное

обстоятельство связано с тем, что формирование кластеров основано на количественных показателях и их встречаемости. Это минимизирует значение социально значимых признаков по своей численности представляющих собой меньшинство в общей совокупности. В результате формируемая схема кластерного анализа отражает определенные гендерные и возрастные закономерности, с учетом локальных различий отдельных памятников без существенной социальной репрезентативности.

Применение кластерного анализа в дальнейших археологических исследованиях обладает большим потенциалом с точки зрения анализа больших выборок неоднородных показателей археологического материала, но исследователю необходимо предельно внимательно отбирать признаки, по которым ведется анализ и иметь в виду его ограничения. При этом нужно учитывать специфику гуманитарного исследования в котором количественные методы не всегда могут достоверно реконструировать социальную структуру общества.

3.2. Социальная структура кара-абызского общества

В своем исследовании, мы опираемся на точку зрения исследователей, которые убедительно доказывают, что погребальный обряд содержит сведения о социальном расслоении древних обществ, которое, в большинстве случаев, отражалось в похоронных ритуалах [Алёкшин, 1975; 2014; 2016]. При анализе социальной дифференциации древних обществ главное внимание следует обратить на второй основной компонент погребального обряда – форму погребального сооружения, набор инвентаря, место захоронения на территории могильника. По возможности следует учитывать и сопровождающие похороны ритуальные действия. Важнейшим признаком социального расслоения коллектива, оставившего тот или иной могильник, является наличие на этом кладбище захоронений, которые отличаются неравноценными в имущественном отношении наборами инвентаря,

содержащими различные по своему функциональному назначению артефакты [Алёкшин, 2016. С. 179], но к анализу данных захоронений стоит подходить с большой ответственностью.

Социальную характеристику памятников мы начнем с самого раннего кара-абызского могильника (Уфимского) и закончим Охлебининским, который по степени изученности и по времени существования маркирует, как основное время существования рассматриваемой культуры, так и конечную дату нашего исследования – III в. / IV н.э. Для выяснения социальной структуры¹⁵ древнего населения погребения были распределены на пять категорий («очень богатые», «богатые», «рядовые», «бедные», «беднейшие») по количественно-качественному составу предметов.

Начальный этап кара-абызской культуры представлен Уфимским могильником (рис. 4), для получения информации о социальной структуре в период IV–III вв. до н.э. обратимся к его материалам.

Из 28 исследованных погребений, только в 6 захоронениях (21,4%) отсутствовал сопроводительный инвентарь. Общая картина сопроводительного инвентаря представлена в Табл. 5. Из мужской выборки выделяются три погребения (7, 21, 26) в которых найдено наибольшее количество наконечников стрел в составе колчанного набора: 21, 18, 20 штук соответственно, также в погр. 7 и 21 найдены железные наконечники копья и бронзовые обоймы. Из женских погребений можно выделить два погребения (13 и 15) по количественно-качественному составу предметов. В погр. 13 инвентарь представлен: два бронзовых височных кольца, бронзовая гривна, две поясные бляхи разных размеров, крючок крестообразной формы, железный нож и два кольца (с широкой и узкой спиралью). В погр. 15: височные 8-образные подвески, ожерелье из бронзовых обоймиц, бляшек, пронизок, привесок треугольной формы, 2-х раковин *Cypraea moneta* и трех крупных бус; массивный бронзовый браслет, бронзовое спиральное кольцо;

¹⁵ Точнее о некоторых «срезах» социальной структуры [Гуляева, 2006. С. 196].

одна бляха с изображением животного, вторая – с изображением пары животных, железный нож. В других женских захоронениях представлены три – четыре элемента костюмного комплекса. Общим для женских и мужских погребений выступает, помещение железного ножа в могилу. Детские погребения составляют 14,2% от общего количества захоронений. В двух случаях костяк не содержал вещей, в погр. 12 зафиксирована пастовая бусина. Отметим погр. 9 в котором инвентарь представлен: костяной поделкой и украшением из одной золотой и нескольких бронзовых обоймиц и бисера.

Касаясь социальной иерархии населения оставивший данный некрополь, необходимо отметить достаточно равноправную ситуацию, сложившуюся в IV–III до н.э. в кара-абызском обществе. Основываясь на качественно-количественном отношении сопроводительного инвентаря, нами были выделены три мужских и два женских «богатых» захоронения. Оставшиеся погребения, за исключением захоронений в которых инвентарь отсутствовал («беднейшие» (8)), можно смело назвать «рядовыми» (15) членами общества. Полученные корреляционные данные также подтверждаются на материалах Уфимского могильника, что мужчина (наконечник копья) и женщина (обоймы – перстень) погребались с определенным инвентарем. Планиграфические наблюдения не позволяют говорить, об особом размещении на некрополе, как половозрастных групп, так и привилегированного населения. В свою очередь отметим, что из выделенных В.В. Овсянниковым и А.Ф. Яминовым родовых участков (А – Б – В – Г) [2003. С. 25-26; С. 46, рис. 11], погребения содержащие более представительный инвентарь присутствуют как в наиболее ранней части могильника (участок А и Б: мужские погр. 7, 21, 26), так и в наиболее поздней (участок Г: женские погр. 13 и 15). Следует также отметить, что в погребениях полностью отсутствуют кости животных и глиняная посуда. Таким образом, погребальный обряд Уфимского могильника не позволяет

говорить о глубоком социальном расслоении на первом этапе существования кара-абызской культуры.

Дальнейшее рассмотрение социальной структуры в хронологической динамике продолжим на материалах Биктимировских могильников (рис. 3, 36), датируемых исследователями III–II вв. до н.э. Автором, в одной из работ, проведен анализ поставленной проблемы, остановимся на результатах. Опираясь на данные по 87 индивидам (мужчины – 22, женщины – 22, дети – 11, пол и возраст не определен – 32) из 85 захоронений, для выяснения социальной структуры населения могильника погребения были распределены на выделенные пять категорий. Сложнее всего было определить и выделить «бедные» погребения. Поскольку основным критерием для их выделения является качество и количество сопровождающего инвентаря, здесь необходимо учитывать и факт ограблений погребений в древности. Поэтому в нашем случае среди женских погребений формально к категории «бедные» были отнесены четыре погребения, но все они были ограблены в древности. «Рядовые» самые многочисленны насчитывают семь захоронений. Критерием для выделения «очень богатых» и «богатых» погребений являлось не только количество вещей в могиле, а именно «качество» (оригинальность изделия) или наличие предмета из драгоценного металла (например, височное кольцо из золотой проволоки в виде спирали в 2,5 оборота). «Богатых» комплексов насчитывается пять, «очень богатых» – пять (рис. 54, 55). И одно погребение, не содержащее сопроводительный инвентарь, к категории «беднейших».

В мужских могилах, к категории «беднейших» отнесено одно погребение, «бедных» насчитывается пять погребений, три из которых были ограблены в древности. «Рядовые» захоронения наиболее многочисленны – девять погребений, из которых три ограблено. Среди данной категории, выделяется погр. 12 (40 – 45 лет), в котором наряду с двумя лигнитовыми бусинами, железным ножом, была обнаружена бронзовая круглая бляха-зеркало с четырьмя отверстиями по краям с обломанным краем и два кусочка

мела [Сальников, 1962. Л. 40]. Последние две находки встречались только в данном мужском погребении, в остальных случаях подобные бляхи и кусочки мела фиксируются исключительно в женских захоронениях.

Категория «богатых» могил насчитывает пять погребений, сопроводительный инвентарь представлен 4-5 предметами (например, бронзовые наконечники стрел, наконечник копья, поясная пряжка, удила) и наличием предмета из драгоценного металла (например, височная подвеска в виде кольца с трубицей из золотой проволоки). Наиболее статусная категория – «очень богатых» представлена одним захоронением (погр. 53).

Необходимо отметить, что категория «богатых» и «очень богатых» погребений в мужских и женских могилах значительно отличаются, как по «качеству», так и по количеству сопроводительного инвентаря. Если в мужских погребениях сопроводительный инвентарь представлен в основном предметами вооружения и несколькими деталями костюма, то женские захоронения содержат значительно больше предметов. К примеру, мужской поясной набор, как уже было отмечено исследователями, отличался значительной простотой [Воробьева, 2019а. С. 53] и состоял в основном из одной пряжки. В то же время в женском костюме пояса состояли из дисковидных блях и накладок с изображением голов грифонов. Остатки древесной коры обнаружены в 8 захоронениях (всего на могиле зафиксировано 11 случаев) на дне могилы и фиксируются в категории «богатых» и «очень богатых»: в шести случаях у женщин и в двух у мужчин, что по нашему мнению свидетельствует об особом погребальном обряде данных категорий захоронений. Ориентировка погребенных в данных двух категориях – западная, выделяется только женское погр. 39, в котором костяк был уложен в северо-восточном направлении.

Группу погребений, в которых определить пол и возраст не удалось, можно разделить по двум категориям: 13 погребений, в которых сопроводительный инвентарь отсутствовал – «беднейшие», «бедные» могилы (в составе 2-4 предмета) содержатся в 17 захоронениях [Проценко, 2019].

Детские погребения в большинстве случаев (63,6%) не содержат сопроводительного инвентаря¹⁶. В двух погребениях ребенок сопровождался одной или двумя категориями инвентаря (бусы, медные бляшки и др.). Наибольшее количество инвентаря было уложено в погр. 21: две умбоновидные бронзовые пряжки с ушком на обороте, кусочек мела, бронзовые обоймицы (4 экз.), бусы (15 гешировых плоских и 9 из золоченного стекла).

В результате мы получаем следующие данные по выделенным категориям: «беднейших» (15), «бедных» (26), «рядовых» (16), «богатых» (11), «очень богатых» (6) захоронений. Необходимо отметить, разнообразие и «богатство» сопроводительного инвентаря Биктимировского могильника, по сравнению с Уфимским. Таким образом, материалы данного некрополя, показывают дальнейшее имущественное расслоение (эволюцию социальной структуры) в среде кара-абызского населения.

Следующий некрополь представлен грунтовыми погребениями Шиповского могильника (рис. 5, 26) – одного из крупнейших и важнейших в научном отношении некрополей лесостепи Южного Приуралья эпохи раннего железа, начиная со времени формирования кара-абызской культуры и проникновения зауральских групп населения (т.н. «гафурийский тип» памятников) вплоть до раннего средневековья. В результате раскопок было установлено, что в хронологическом отношении памятник состоит из трех частей – Старший Шиповский могильник содержал погребения ананьинского времени и эпохи средневековья (начало II тыс. н.э.), а Младший Шиповский – комплексы IV в. до н.э. – III в. н.э. [Пшеничнюк, 1982. С. 96]. Последний делится на две части – курганныю и грунтовую, расположенную между Старшим Шиповским могильником и подкурганными погребениями [Овсянников и др., 2007. С. 4-5].

¹⁶ В погр. 8 I Биктимировского могильника, сопроводительный инвентарь отсутствовал, но возле костяка были обнаружены 3 кусочка мела.

Вошедшие в выборку захоронения грунтовой части могильника, датируются А.Х. Пшеничнюком I – III вв. н.э. [Пшеничнюк, 1976а. С. 77]. По составу сопроводительного инвентаря были выделены: 27 мужских (28,4%), 24 женских (25,3%), 27 детских (28,4%), пол возраст умерших не удалось установить в 17 погребениях (17,9%).

Мужские погребения, как и в предыдущих могильниках, маркируются оружием (наконечник копья, наконечники стрел и др.), элементами поясной гарнитуры (пряжка, накладки, костяные подвески) и предметами быта (нож и костяная лопаточка). Отметим, что для мужской выборки характерно именно наличие наконечника копья в составе инвентаря (20 случаев). Из данной выборки выделяются шесть статусных погребений (погр. 26/VII, 57/VII, 59/VII (рис. 33), 62/VII, 84/VII и 88/VII) наряду с предметами вооружения, в них представлен наиболее значимый (статусный) поясной набор, состоящий из пряжки и накладок, двух железных ножей и бляшек между ними, которые привешивались к поясу; трапециевидных подвесок и бусины; деталями погребального обряда, а именно обкладка одной из стенок у дна рядом камней или наконечник копья воткнут в дно могилы. Необходимо отметить, что в данной статусной группе захоронений в пяти из шести погребений зафиксированы остатки конской упряжи (удила¹⁷, в двух случаях с костяными псалиями). Таким образом, мы можем выдвинуть гипотезу, что конные войны Шиповского ополчения, имели высокий социальный статус.

Инвентарь женских погребений исключительно состоит из предметов украшений: височных подвесок, бус, поясных накладок, различных бляшек, обоймочек, подвесок и т.д. Из категории бытовых предметов представлены железные ножи и пряслица. Статусные погребения выделенные нами насчитывают шесть захоронений (погр. 5/IV (рис. 29), 8/IV (рис. 30), 23/VII (рис. 31), 50/VII, 61/VII (рис. 34), 65/VII), умерших сопровождал богатый

¹⁷ всего удила зафиксированы в 9 погребениях рассматриваемой выборки.

набор сопроводительного инвентаря, критерием выделения данной группы, явилось количественные показатели сопроводительного инвентаря.

Пол и возраст не определен в 17 погребениях. В 5 из них сопроводительный инвентарь отсутствовал, в 12 случаях был представлен одной или двумя категорией предметов. Особняком стоит погр. 89, в котором были найдены: бронзовые фигурные подвески, железная пряжка, железный нож и 2 костяных наконечника стрелы. В связи с тем, что представленные вещи четко не маркируют половозрастную принадлежность, так как встречаются как в мужских, так и в женских погребениях данного захоронение отнесено именно к этой категории. Данная оговорка необходима, для того, чтобы еще раз подчеркнуть, что в категорию «пол и возраст не определен» отнесены не только безынвентарных погребения, но и те в которых по составу сопроводительного инвентаря нельзя однозначно определить половозрастную принадлежность.

Детских погребений представлено 27 (28,4%), 7 из которых безынвентарные. Из данной выборки необходимо отметить, только два погребения: погр. 77 (дисковидная бляха, 5 зооморфных накладок, 2 трапециевидные подвески, 14 обоймочек) и погр. 80 (бронзовая плоская бляшка с отверстием в центре, 4 стеклянных зонных бусины, 2 обломка бронзовой спирали, 2 пронизки, 2 проволочных колечка, обломок ажурной пластины, бронзовый проволочный перстень, 3 конусовидных подвески, бронзовая обоймочка и 3 астрагала) которые выделяются богатством сопроводительного инвентаря. Вероятно, данная группа принадлежала к наиболее богатым семьям рода, чьи дети и были в ней погребены [Проценко, Заикина, 2018. С. 174-175].

Таким образом, погребальный обряд Шиповского могильника является также унифицированным. Следует также отметить, что в погребениях полностью отсутствует глиняная посуда, но кости животных (заупокойная пища) найдены в трех случаях у ног и в девяти случаях в изголовье. Большинство погребений (6 случаев) сопровождавшихся заупокойной пищи

принадлежали мужчинам, в двух случаях женщинам и в одном ребенку. На Шиповском могильнике, также как и в Охлебининском в погребениях зафиксирован дощатый настил (12 захоронений): 10 мужских и 2 женских.

Социальная структура населения могильника по полученным данным выглядит следующим образом, погребения были распределены на четыре категории¹⁸: «очень богатые»/«богатые»(14), «рядовые»(44), «бедные»(24), «беднейшие» (13). Соответственно, мы наблюдаем наверно уже сложившуюся прослойку населения, которая сосредоточила в своих руках определенные богатства. Отличительной чертой является объединение наиболее статусных погребений («богатые», «очень богатые») в одну группу.

Некоторую информацию о структуре кара-абызского общества дает анализ планиграфии могильников. Наиболее полную картину дает Шиповский могильник, где *сплошным раскопом* (выд. – автором) вскрыта значительная площадь (около 2 000 кв. м.). Исследованные погребения, по мнению В.В. Овсянникова, довольно четко делятся на участки, видимо, родовые или большесемейные. Как правило, родовой участок отделен от соседних пустым безмогильным пространством (от 3 до 10 м). На этой «нейтральной» территории часто встречаются детские захоронения, реже захоронения взрослых, как правило, с бедным инвентарем либо безынвентарные.

Внутри участка погребения сгруппированы в ряды. Как правило, время заполнения участка укладывается в одно столетие, т.е. на протяжении 3 поколений. Состав и количество погребального инвентаря в погребениях примерно одинаковы. Они подчеркивают резкую половозрастную градацию кара-абызского общества. Для мужчин характерно оружие, как правило, охотничье (колчан со стрелами и копье), реже боевое (кинжал), и принадлежности костюма. Юноши и пожилые мужчины часто погребались без оружия [ИБН, 2009. С. 242].

¹⁸Погребальный обряд Шиповского могильника не позволяет разделить «очень богатые» и «богатые» захоронения, в связи с этим данные категории были объединены в одну.

Анализ планиграфии погребений вошедших в выборку из Шиповского могильника, подтверждают тезис исследователей, то, что детские захоронения расположены на границах родовых участков (рис. 27, 28). Богатое население не занимало отдельного места на некрополе, но данная гипотеза нуждается в подтверждении.

Охлебининский могильник является наиболее изученным некрополем кара-абызской культуры, в ходе широкомасштабных исследований было вскрыто 663 погребения. Исследователями установлено, что могильник заполнялся непрерывно с IV в. до н.э. по III в. н.э. [Пшеничнюк, 1987. С. 68]. Необходимо отметить, что большая часть материалов до сих пор не опубликована, за исключением исследований А.Х. Пшеничнюка в 1965 г.

В выборку исследования вошли 492 захоронения (раскопки 1965, 1980, 1981 гг. (раскопы IV, V, VI)): мужских – 153 (31,1%), женских – 171 (34,8%), детских – 95 (19,3%), пол и возраст определить не удалось – 73 (14,8%).

Вначале 1980-х гг. как мы уже отмечали, А.Х. Пшеничнюком была опубликована статья, в которой исследователь остановился на проблеме общественного строя кара-абызской культуры. Так автор солидаризировался с общепринятым мнением, что оседлые племена раннего железного века Урало-Поволжского региона, в том числе кара-абызские, находились на стадии разложения родового строя с наметившимся имущественным и социальным расслоением¹⁹. Все взрослые погребения Охлебининского могильника (по материалам раскопок 1965 г.) были исследователем разделены на 3 группы: богатые, рядовые, бедные. В число богатых мужских захоронений А.Х. Пшеничнюком были включены 14 погребений с мечами. Как правило, в этих погребениях богато представлены и другие предметы вооружения, остатки уздечек, поясов. К этой же группе следует причислить еще 5 погребений, в которых мечи отсутствуют, но другие предметы представлены богато (наконечники стрел и копий, удила, пояса и т.д.).

¹⁹В работе, для анализа социальной структуры кара-абызского общества, А.Х. Пшеничнюком были использованы материалы следующих могильников: I Биктимировского, Охлебининского и Шиповского.

Богатых женских погребений автором было выделено – 12. Кроме богато украшенных поясных ремней, в могилах встречено большое количество различных бляшек и обоймочек, которыми были обшиты рукава и подол верхней одежды, остатки нагрудных украшений, различные подвески, браслеты, бусы. Полученные данные позволили исследователю сделать вывод, что погребальный инвентарь со всей очевидностью свидетельствует об имущественном расслоении в среде кара-абызского населения. Имущественное расслоение отражает, по всей видимости, определенную социальную дифференциацию кара-абызского общества [Пшеничнюк, 1981. С. 96-97].

Необходимо отметить и географическое расположение Охлебининского комплекса памятников, который находился на самом юге кара-абызской территории и выступал в роли форпоста по отражению набегов кочевников. Необходимость защиты способствовала развитию военного дела. Как справедливо отмечает А.Х. Пшеничнюк, то что охлебининское население предстает перед нами самым вооруженным по сравнению с другими кара-абызскими пунктами (племенами), так и с населением чегандинской культуры. Так по расчетам исследователя (по раскопкам 1965 г.) на немногим более 40 всех взрослых мужских погребений приходится: 14 мечей, 23 наконечника копья, 547 наконечников стрел и 22 удила. Данное обстоятельство позволило автору констатировать, что почти каждый взрослый мужчина был вооружен, являлся воином, воином-всадником. Необходимо отметить, что по мнению А.Х. Пшеничнюка говорить о существовании у кара-абызского населения специальной прослойки военных дружинников достаточных оснований нет, вооружен был практически весь народ, все взрослое население. Категория дружинников выделяется, очевидно, на более позднем этапе, в эпоху раннего средневековья [Пшеничнюк, 1981. С. 98-99].

Исходя из выше сказанного, в первую очередь нами были проанализированы погребения, содержащие в составе своего набора

вооружения – меч. В выборке исследования 153 мужских захоронения Охлебининского могильника, из которых в 31 погребении фиксируется данный вид вооружения, проанализируем данную группу захоронений.

А.Х. Пшеничнюком установлено, что в 14 погребениях²⁰ с костяком, которого был в составе сопроводительного инвентаря меч (раскопки 1965 г.) являлся высокого социального статуса. Остановимся на погребениях полученных в последующие годы исследования.

В составе сопроводительного инвентаря погр. 12 (1980 г.; рис. 13), кроме железного меча с бронзовыми наконечником ножен, входили: 2 стеклянные бусины на шее; кость животного и железный нож – у правого локтя; бронзовая круглая пластинчатая пряжка, 5 бронзовых обоймочек, накладки из зубов животного (медведя) – на поясе; маленькая бронзовая пластинчатая пряжка с неподвижным крючком, у правого колена; 2 обувные бронзовые кольцевые пряжки – на ступнях ног; железный наконечник копья – у левой ступни, острием вниз; железные удила – ниже ступней; железные спекшиеся трехлопастные черешковые наконечники стрел, примерно 11 экз. – ниже ступней ног, в кучке остриями вниз; костяная лопаточка и глиняный сосуд-чаша – в ногах погребенного на 45 см выше дна могилы [Пшеничнюк, 1980. Л. 8-9]. В погр. 17 (1980 г.) наряду с железным однолезвийным мечом, были найдены: бронзовая рамчатая пряжка, костяная пряжка, глиняный сосуд чашевидной формы, также поставленный на 20 см выше дна могилы [Там же. Л. 10]. Погр 142 (1980 г.): железный однолезвийный меч с бронзовыми наконечниками ножен, 18 железных трехлопастных черешковых наконечников стрел, бронзовый наконечник ремня, 2 бусины, бронзовая пластинчатая пряжка округлой формы, 37 костяных накладок удлиненной формы, кости животного и железный нож, костяная пряжка прямоугольной

²⁰В работе С.Э. Зубова [2012], посвященной военной структуре Охлебининского могильника, автором приведены количественные данные предметов вооружения в погребениях: меч – 3, палаш – 3, кинжал – 6, боевой нож – 38 и др. [Табл. 1. С. 110].

В свою очередь отметим, что мечи (15 экз.) также не являлись предметом вооружения, который часто сопровождал и соседних воинов пьяноборской культуры, доминирующее положение среди рубящего и колющего оружия занимал кинжал (84 экз.), за ним по частоте встречаемости идут палаши (16 экз.) [Агеев, 1992.С. 46-47].

формы, железный стержень (шило), бронзовая круглая бляшка с ушком на обороте, бронзовые кольцевые пряжки (2 шт.), железный наконечник копья, глиняный сосуд чашевидной формы [Пшеничнюк, 1980. Л. 63-64].

Необходимо отметить погр. 210 (1981 г.; рис. 16) в котором были захоронены два мужских костяка, при которых у одного погребенного в составе сопроводительного инвентаря находился железный меч, а у другого боевой нож с бронзовыми наконечниками ножен.

В абсолютно большинстве оставшихся захоронений, в составе сопроводительного инвентаря которых находился меч или боевой нож, были обнаружены другие категории инвентаря в значительном количестве. Таким образом, мы можем говорить, о том, что именно меч/боевой нож в мужских кара-абызских погребениях Охлебининского могильника являлся своего рода социальным маркером погребенного. Возможно его помещали в могилу, наиболее отличившихся воинов или начальников отрядов. Здесь же уместным будет еще раз вернуться к географическому расположению Охлебининского комплекса памятников. Отметим, что именно мужчины-воины имели возможность напрямую контактировать с кочевниками (сарматскими племенами) в ходе военных/торговых операций. Что в свою очередь могло вызвать определенное накопление «даров»/добычи в руках определенного, скорее всего узкого, круга дружинников. Все вышесказанное позволило нам все погребения, содержащие данный вид вооружения отнести к категории: «очень богатых» и «богатых».

Значительное количество мужских захоронений содержало три-пять категорий инвентаря, таких как поясная пряжка, наконечники стрел или копья, удила с псалиями в различных сочетаниях данных признаков.

Из категории «рядовых» погребений, отметим ряд неординарных. Остановимся на двух погребениях (1980 г.), в которых находилось значительное количество астрагалов со сквозными отверстиями на боку. В погр. 41 костяк лежал на спине, с вытянутыми вдоль туловища руками и подогнутыми влево ногами и содержал следующий инвентарь: кости

животного и железный нож – у правого плеча; пластинчатая бронзовая пряжка, 2 обоймочки – на поясе; астрагалы со сквозными сверлинами сбоку – 41 шт. на костях левого предплечья; 5 железных трехлопастных черешковых наконечников стрел – в области ступней ног. В погр. 42 костяк лежал на спине с вытянутыми конечностями; инвентарь: кость животного и железный нож – у правого плеча; 18 костяных поясных накладок в один ряд на поясе; 14 астрагалов со сквозными сверлинами сбоку – в кучке у левого бедра [Пшеничнюк, 1980. Л. 21]. Большое количество астрагалов было также найдено в погр. 69 (17 шт.). Планиграфическое нахождение данных погребений на могильнике не позволяет сделать никаких достоверных предположений (рис. 13).

Касаемо нахождения астрагалов (альчиков) в погребениях, то, как уже отмечено исследователями, уже в эпоху бронзы на территории евразийских степей распространяется традиция, связанная с помещением в погребение данного атрибута. Такие находки сделаны как в детских, так и во взрослых захоронениях. Эта традиция представлена на памятниках ямного, катакомбного, срубно-андроновского времени и в более поздние периоды. К интересным выводам пришла С.В. Сотникова рассмотрев материалы детских погребений населения андроновской (алакульской) и срубной культур, а также предшествующих им памятников синташтинского, петровского и потаповского типов. Автор, рассмотрев захоронения данные погребения с наборами альчиков, отмечает «их различное предназначение в двух выделенных возрастных группах (от младенчества до 5-6 лет; от 6-7 до 13-15 лет). Для детей младшего возраста наборы альчиков в основном выполняли роль оберега. Для детей старшего возраста альчики выступают прежде всего как атрибут игры, возможно отчасти сакрализованной. Наличие в некоторых погребениях детей второй группы, помимо альчиков, предметов, которые могли использоваться в ритуальных целях, позволяет предполагать, что эта группа была связана с миром сакрального, как через игру в альчики, так и посредством гадания и предсказания. Таким образом, привлекая в качестве

аналогий широкий круг этнографических источников, можно прийти к выводу, что существовала особая, детская сфера сакральности. Она распространялась не только на область детских вещей, но и на игры» [Сотникова, 2014. С. 33].

Этнографические экспедиции по территории Республики Башкортостан Г.Р. Шагаповой, свидетельствуют, что еще в послевоенное время игра была чрезвычайно популярна среди мальчиков. «Шили специальные мешочки для ашык, нередко прятали их, плакали, когда они терялись. А сколько было обиды и досады, когда проигрывались!» Аналогичные игры у русских, марийцев и удмуртов проживающих на территории республики. Исходя из вышеописанного, автор делает вывод, что не далее, как в середине XX в. альчики еще фиксировались у народов Урала и Поволжья. Фольклорные материалы тюрков показывают, что удачные игроки отмечались как бы печатью небес. Например, у башкир есть пословица: «У него альчики всегда алсы», – что означало: «Ему всегда везет, фортуна к нему благосклонна». У каракалпаков есть пожелание: «Пусть всегда твой альчик примет стойку алшы» [Шагапова, 2018. С. 191].

Погр. 168 (1980 г.) которое отнесено нами к категории «рядовых» находились большое количество бронзовых трехлопастных наконечников стрел (64 шт.) [Пшеничнюк, 1980. Л. 73]. Данная оговорка необходима, чтобы еще раз подчеркнуть, что большое количество одной категории инвентаря, по нашему мнению, не влияет на социальный статус погребенного.

Мужские погребения содержали и определенные обереги, к примеру в погр. 82 (1965 г.) на поясе, найдены зубы животного со сверлинами, аналогичная находка присутствует и в погр. 83 [Пшеничнюк, 1968. С. 100-101], в погр. 81 (1980 г.) на поясе костяка были зафиксированы 40 накладок зубов медведя [Пшеничнюк, 1980. Л. 38], в погр. 103 (1980 г.) – подвеска из клыка животного [Там же. Л. 46], в погр. 215 (1981 г.) – подвеска из зуба животного [Пшеничнюк, 1981. Л. 13], в погр. 248 (1981 г.) – накладки из

зубов животного и две подвески из клыков животного [Там же. Л. 24-25], в погр. 274 (1981 г.) – 2 подвески из клыков животного [Там же. Л. 32], в погр. 311 (1981 г.) – подвеска из зуба животного [Там же. Л. 44].

В женских погребениях Охлебининского могильника, наиболее богато представлены украшения костюмного комплекса, по сравнению с другими некрополями. Так, к примеру, поясные дисковидные бляхи – этнокультурный маркер носителей кара-абызской культуры, т.к. только у них данные изделия были частью поясного набора. Как справедливо отмечает, С.Л. Воробьева, в кара-абызской среде богато украшенный поясной набор с бляхами был атрибутом женского костюма. В состав таких наборов, как правило, входили поясные накладки с головами грифонов [Воробьева, 2012. С. 116-117]. Наибольшее количество блях, по подсчетам С.Л. Воробьевой, происходит из Охлебининского могильника, источником поступления данного вида украшения является по мнению исследователей – сарматские племена, что очередной раз свидетельствует о тесных контактах кара-абызского и сарматского населения [Там же. С. 123]. Что касается участия сармат (или в более широком смысле – кочевников) в этнокультурных процессах населения приуральской лесостепи, существует несколько мнений²¹, так по мнению В.А. Иванова, на археологическом материале оно не прослеживается [Иванов, 2017], противоположной точки зрения, используя разные методы исследования придерживаются В.В. Овсянников [2009б], Н.С. Савельев [2008а] и Л.Т. Яблонский [2014 и др.].

Определенного маркера статусности женских захоронений, не выявлено. Исследование показало, что сочетание богатого ожерелья, «портупей», поясного набора (в том числе количество в нем грифонов) и жертвенного комплекса уложенного у ног и наличие предмета из драгоценного металла (к примеру: золотые височные подвески в виде знака вопроса со спиральным стержнем) в совокупности определяет высокий

²¹В данном случае мы не пытаемся осветить полностью, аспект данной проблемы, а лишь подчеркнем ее наличие.

статус женщины в данном некрополе. Из бытовых вещей, также как и в других могильниках зафиксированы – железные ножи и пряслица.

Характерной чертой погребального обряда взрослого населения Охлебининского могильника является древесный настил и обкладка одной или несколько стенок могилы камнем. В связи с этим, необходимо отметить, что в погребениях, где костяк завернут в лубок (по А.Х. Пшеничнюку) представлен значительный сопроводительный материал, как в мужских, так и в женских захоронениях, что является характерной чертой погребальной обрядности знатного населения данного некрополя.

К неординарным захоронениям Охлебининского могильника можно отнести погр. 317 (1981 г.), сопроводительный инвентарь следующий: стеклянная бусина, скарабей голубого цвета, 2 бронзовых обоймочки – на шее; маленькая глиняная неорнаментированная чашечка с уплощенным дном и примесью песка в тесте – у левого локтя; 16 астрагалов со сверлинами сбоку, 20 накладок из зубов медведя, клык животного (медведя), костяная трубочка – у левой голени [Пшеничнюк, 1981. Л. 46]. И погр. 343 (1981 г.): 30 астрагалов с боковыми сверлинами, за черепом; кости животного – у правой руки; ожерелье из клыков животного – у таза, справа; 2 синих бусинки, зуб медведя и маленькая костяная подвеска – на груди; железные удила и костяной «мундштук» – у правой голени; костяная пряжка прямоугольной формы [Там же. Л. 54]. Возможно, данные погребения стоит отнести к людям, которые занимали особое положение в обществе и были связаны с религиозными верованиями (служители культа) или скорее вовлечены в сакральную деятельность общества.

Необходимо отметить и погр. 78 (1980 г.), положение костяка нарушено, кости сдвинуты, но в целом, по мнению автора раскопок, они лежат соответственно обычному положению костяков – вытянуто, на спине головой на северо-запад. Данное обстоятельство, позволило А.Х. Пшеничнюку предположить, что погребенный – был расчленен.

Детские захоронения Охлебининского могильника, также соответствуют погребальной обрядности рассматриваемой культуры. Большинство погребений – без вещей, но если сопроводительный инвентарь представлен, то это 2-3 категории инвентаря (небольшие бляшки, глиняный сосуд, 1-5 бусин и др.). Из данной половозрастной группы выделяется погр. 58 (1980 г.), где ребенка сопровождал значительный погребальный набор: кость животного – за черепом; стеклянная бусина с внутренней позолотой – на шее; бронзовая бляшка с ушком на обороте – слева у пояса; 4 бронзовых обоймочки – у правого плеча; костяные поясные накладки (40 шт.) – в один ряд на поясе; 3 астрагала со сквозными сверлинами – ниже пояса; еще 3 аналогичных астрагала находились ниже ступней ног; в ногах на 10 см выше дна могилы стоял глиняный сосуд чашевидной формы [Пшеничнюк, 1980. Л. 27].

Анализ погребального обряда позволил определить социальную структуру населения оставившего Охлебининский могильник, погребения были распределены на 5 категорий: «беднейших» (48 / 9,7%), «бедных» (110 / 22,4%) (рис. 46, 47), «рядовых» (179 / 36,4%) (рис. 48, 49), «богатых» (102 / 20,7%) (рис. 50, 51), «очень богатых» (53 / 10,8%) (рис. 52, 53) захоронений. Как мы видим имущественное и социальное расслоение присутствовало и у охлебининского населения.

«Очень богатые» женские погребения Охлебининского могильника, намного превышают количественно и качественно аналогичные погребения мужского населения. Возможно, данное обстоятельство связано с непосредственно погребальной практикой кара-абызского населения, которое испытывало на протяжении долгого времени военную опасность, т.е. было в принципе невыгодно класть большое количество вооружения в погребения мужчин, за исключением родовых вождей или военачальников.

Таким образом, исследование показало высокую информативность погребального обряда для реконструкции социальной структуры древнего

общества. Мы вслед за предшественниками убедились в эффективности подобной методики.

Корреляционные связи (коэффициент Пирсона) показали, что достаточно четко выделяется мужской и женский сопроводительный инвентарь, который коррелирует как с гендерной принадлежностью, так и образуют связи между собой. Эти данные позволили еще раз убедиться в достаточно унифицированной погребальной обрядности кара-абызской культуры.

Использование кластерного анализа на основе выбранных признаков погребального обряда не позволяет сформировать модель социальной структуры исследуемого общества. Анализ дендрограммы позволил выделить гендерные кластеры (мужской, женский, детский) и общекультурный, который объединил общие признаки погребальной обрядности. Признаки вошедшие в кластеры не позволяют говорить о них как о социально значимых.

Социальный анализ, проведенный нами, базировался на предпосылке, что в погребальном обряде отражается прижизненный статус умершего. Качественно-количественный анализ сопроводительного инвентаря погребений позволил распределить погребения по пяти категориям («очень богатые», «богатые», «рядовые», «бедные», «беднейшие») и выявить трехсословную структуру. Материалы могильников наглядно показывают дифференциацию внутри кара-абызского общества. Эволюция социальной структуры показывает развитие древнего населения и показывает постепенное разложение первобытнообщинных отношений. Тезис о существовании союза племен в рассматриваемой культуре, находит подтверждение и в нашем исследовании. Во всех могильниках, выделяются яркие «очень богатые» (10,5%) /«богатые» (17%) погребения, которые говорят нам о выделении определенной прослойки населения или скорее правильно будет сказать – выделении одного или несколько родов, которое занимали высокое положение в социальной структуре. С другой стороны

выделяется и категория «беднейших» (13,1%) захоронений, которая возможно находилась в подчиненном положении. Несмотря на то, что к данной категории отнесены погребения в которых отсутствует сопроводительный инвентарь, необходимо отметить два аспекта. Первый, что значительное количество захоронений в данной группе – детские, а как показало исследование многих археологических культур раннего железного века Евразии, данное обстоятельство абсолютно нормально, для данной возрастной категории. Второй, то, что погребения захоронены в традициях погребальной обрядности кара-абызской культуры, т.е. ориентировка и положение костяка соответствуют большинству захоронений. Также небольшое количество погребений²², данной группы не позволяет нам говорить, о глубокой дифференциации внутри кара-абызского общества, по сравнению с теми же сарматскими племенами, где, как отмечает А.Х. Пшеничнюк, наряду с очень бедными встречаются захоронения со сложной надмогильными сооружениями и большим количеством разнообразного погребального инвентаря, свидетельствующими о высоком социальном положении погребенных [Пшеничнюк, 1981. С. 99]. Основное население составляли «рядовые» (36,3%) и «бедные» (23,1%) общинники, у которых имущественный достаток был очень скромным. Данную прослойку можно интерпретировать как главную производительную силу кара-абызского общества.

Обратимся к материалам погребальных памятников соседних археологических культур, которые существовали в одном хронологическом отрезке с кара-абызской культурой.

По материалам пьяноборских могильников исследователями реконструирована следующая картина. В.Ф. Генинг, основной социально-экономической ячейкой чегандинского общества считал родовую общину, для характеристики которой, использовал материалы могильника Чеганда II

²² в Охлебининском могильнике из 492 погребений вошедших в выборку, лишь 48 (9,7%) относится к «беднейшим».

(220 погребений, содержащих 223 костяка). Исследователь по количеству вещей, их назначению в наряде разделил все погребения некрополя на пять групп: богатейшие, богатые, рядовые, бедные и беднейшие. Исходя из этого, автор делает вывод, что в пьяноборской родовой общине наблюдается значительная имущественная дифференциация. Вся дальнейшая история не только чегандинского, но и всего прикамского населения уже связана с разделением родовой общины и окончательным разложением первобытно-родовых отношений [Генинг, 1970. С. 121-124]. Позднее В.Ф. Генинг обращаясь к социально-экономической структуре общества пьяноборской эпохи снова отмечает, что значительного развития достигает имущественная дифференциация между общинами и внутри них, а также зачатки патриархального рабства, примеры чему дают, по мнению исследователя, материалы могильников как ананьинских, так и пьяноборских, особенно чегандинских. Таким образом, автор приходит к выводу, что «ананьинско-пьяноборское общество находилось вероятно, на заключительном этапе ранней фазы разложения первобытных отношений» [Генинг, 1988. С. 202].

Отметим также, один немаловажный аспект, который, безусловно, влиял на социальную организацию древнего населения. Так, по мнению В.Ф. Генинга, система расселения мелкими родо-племенными группами в ананьинское время, очевидно, тормозила дальнейшее развитие производительных сил, так как приводила к известной обособленности и замкнутости хозяйства отдельных групп и к частым военным столкновениям между ними, о чем говорят многочисленные мелкие городища и «культ меча» по материалам могильников. Все большее внедрение в хозяйство железных изделий, а в раннеананьинское время они в массе составляли лишь предметы вооружения, требовало не только широкой специализации в производстве железа и систематического обмена производственным опытом, но также регулярного снабжения железными изделиями всех групп населения. Хозяйственная деятельность общин раннего железного века Приуралья все еще находилась в огромной зависимости от природы, и успех

ее был пропорционален познаниям окружающей среды и тому, насколько рационально формировался хозяйственный тип, приспособленный именно к данным природным условиям. В Приуралье это было чрезвычайно важно, ибо здесь не было особо благоприятных условий для развития производящих отраслей – земледелия и скотоводства. Ананьинский тип расселения фактически требовал, чтобы каждая небольшая группа населения формировала свой микрохозяйственный тип, что едва ли было продуктивно. Поэтому концентрация больших масс населения в отдельных районах была необходимым условием прогресса экономики, поскольку отвечала объективному процессу дальнейшего повышения эффективности хозяйственной деятельности. По-видимому, в условиях первобытности интенсивный и эффективный обмен деятельностью и значениями был возможен лишь в условиях тесных контактов и сплочения в прямом значении этих понятий, что и происходило в обществах Приуралья пьяноборского времени [Генинг, 1988. С. 203].

В связи с выше сказанным, необходимо еще раз отметить концентрацию кара-абызского населения, возле крупных поселенческих памятников (Биктимировское городище, Охлебининское II городище, Шиповское городище, Уфимское и Акбердинское II городище и др.). Необходимо отметить, что возле каждого из вышеуказанных городищ существовали несколько сезонных селищ [к примеру: Бахшиев, Савельев, 2013]. Таким образом, кара-абызское население имело необходимые условия для прогресса экономики. Немаловажным стоит здесь еще раз указать, близость воинственных соседей – сарматских племен, соседство с которыми обязывало кара-абызское население быть в «тонусе», на случай военной опасности.

Б.Б. Агеев, солидаризировался с большинством выводов В.Ф. Генинга по социальной структуре пьяноборской культуры. Но отмечал, что в зависимости от половозрастной градации инвентарь погребения может быть различным (могила замужней женщины, невесты, ребенка, подростка и т.д.).

По мнению исследователя, для определения различий социального порядка большое значение имеет анализ оружия мужских погребений, т.е. тот набор вооружения, которым сопровождался погребенный [Агеев, 1992. С. 96]. Анализ погребального инвентаря и планиграфии могильников, по мнению Б.Б. Агеева, свидетельствует о значительном имущественном и социальном расслоении, в пьяноборском обществе [Агеев, 1992. С. 100].

Необходимо отметить, что В.Ф. Генинг и Б.Б. Агеев не ставили под сомнения существование в пьяноборское время, новой общественной организации, – постоянного союза племен, которое оказало огромное влияние на дальнейшее развитие культуры местного населения [Проценко, 2012б. С. 66].

Социальная структура мазунинской археологической культуры (III – V вв.) по данным Т.И. Останиной, представляла собой сложный организм, постоянно изменяющийся, как территориально, так и хронологически. Так ранние некрополи (Чепанихинский, Сайгатский, Мазунинский, Ангасякский) несут в себе признаки развития общества пьяноборской эпохи: родовой могильник представлял собой совокупность кладбищ больших патриархальных семей, где малая моногамная семья четко не выделялась на древнем кладбище. Ситуация меняется на позднем этапе существования мазунинской культуры (около сер. IV в.), когда появляется новый институт в социальных отношениях – патронимия. Кладбища патронимий четко фиксируются на территории Старокабановского, Нивского, Ижевского и Покровского могильников [Останина, 1997.С. 138-139].

Автором отмечено, что в обществе не было резкого имущественного неравенства, сосредоточения богатства в руках малой семьи. Все взрослые жители были полноправными членами рода. Только на позднем этапе появляются погребения, отличающиеся большим количеством и содержанием погребального инвентаря. Более состоятельными были представители не малых индивидуальных семей, а прежде всего члены отдельных патронимий и реже патриархальных семей одного рода.

Таким образом, структура мазунинского общества постоянно развивалась, в результате чего шел распад родовых отношений и перенос центра тяжести исполнения социальных функций от рода к патронимии [Останина, 1997. С. 141].

Обращение к социальной структуре соседних археологических культур, показало, что кардинальных различий по рассматриваемой проблематике не фиксируется, за исключением хронологических аспектов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вопрос социальной интерпретации данных по погребальным памятникам является одним из наиболее сложных, поскольку принципы соотнесения «погребальной» и реальной иерархии древних обществ являются дискуссионными. В работе мы попытались подойти к данной проблеме опираясь на материалы одной из самых ярких этнокультурных образований Южного Приуралья – кара-абызской археологической культуры.

Исходным посылом нашего исследования являлся тезис, что погребальный обряд отражает прижизненное социальное положение погребенного. Из этого логически вытекает, что на основании данных погребального обряда можно реконструировать социальный статус индивида. Совокупность индивидов со сходным социальным статусом будет составлять прослойку общества, а совокупность прослоек – социальную структуру общества. Не смотря, что данное положение было выдвинуто более 30 лет назад Е.П. Бунятян, для материалов скифских могильников IV – III вв. до н.э. [1985], мы в своем исследовании его еще раз апробировали данную программу исследования.

Предложенная в нашем исследовании социальная структура и пять категорий захоронений выделенные на основе количественно-качественного состава предметов не является бесспорной или окончательной. Последующая планомерная работа археологов, совершенствование полевой методики, внедрение естественно-научных методов исследования позволят пополнить и скорректировать существующие на сегодняшний день представления об социальной организации кара-абызского общества.

По объективным причинам, не все стороны связанные с погребальной практикой удалось рассмотреть в равной мере. Отмеченная нами, небольшая доля погребений с антропологическими определениями серьезно сужает круг возможных социальных интерпретаций. Отсутствие публикаций материалов раскопок, в особенности такого эпохального погребального памятника кара-

абызской культуры, как Охлебининского могильника затрудняет разработку хронологии кара-абызских древностей, в результате следует, что развитие и динамика погребального обряда могут быть прослежены лишь в общих чертах.

Социальная структура кара-абызской культуры представляется нам на сегодняшний день следующей. Качественный и количественный состав сопроводительного инвентаря позволяет говорить о существовании имущественных и социальных различий между погребенными. На основе анализа погребального обряда мы получаем трехсословную структуру. Погребения отнесенные к категориям – «очень богатые» (10,5%) и «богатые» (17%), составляют верхушку кара-абызского общества; «рядовые» (36,3%) и «бедные» (23,1%) относятся к самому многочисленному, второму слою, объединение данных групп по нашему мнению возможно, в связи с размытостью границ между данными категориями погребений. Категорий захоронений, где инвентарь отсутствует, отнесены нами к третьему слою кара-абызского общества – «беднейшие» (13,1%). Отсутствие в них сопроводительного инвентаря, возможно связано либо с определенными возрастными традициями погребального обряда, либо они оставлены другой этнической группой (чужеплеменники). Выделять в данной группе категорию рабов, на данный момент мы считаем преждевременным. Необходимо отметить, то что часть погребений было ограблено еще в древности.

Коллективные погребения исследованные в незначительном количестве (восемь парных погребений и четыре захоронения в которых погребены три и более индивида) не позволяют говорить нам о существовании данной погребальной традиции в кара-абызском обществе. Парные погребения представлены единичными погребениями мужчины и женщины, мужчины и мужчины, подростка и ребенка, женщины и ребенка, что лишь позволяет нам предполагать, что данные захоронения связаны с лишь с обстоятельством смерти (одновременностью). Из коллективных

погребений, где были уложены три и более захоронения, мы можем констатировать, что в трех из четырех погребений в могиле был захоронен ребенок, в одном случае, в могиле находились костяки трех взрослых мужчин со скудным набором вооружения (наконечники стрел), что также может свидетельствовать об одномоментной смерти данных людей, возможно при военных столкновениях. Дополнительные и более аргументированные выводы по коллективным захоронениям можно будет сделать, только после анализа костяков профессиональными антропологами.

Исследование показало, что мужчина в кара-абызском обществе был в первую очередь воином и сопровождался в иной мир с элементами вооружения²³, женские погребения содержали предметы украшений и костюмного комплекса. Подтверждается тезис выдвинутый предыдущими исследователями (А.Х. Пшеничнюка, В.А. Иванова) о невозможности выделения прослойки военных дружинников, вооружен был практически каждый мужчина, взрослого возраста. В свою очередь, среди мужской выборки выделяются статусные погребения, что по нашему мнению связано, с оседанием определенной части «богатства», которое было получено в ходе торговых или военных операций, в руках незначительного количества населения. Во многих обществах именно контроль за внешним обменом служил важным каналом усиления власти тех, кто осуществлял контроль над торговлей.

Еще раз отметим, что женские погребения в отношении инвентаря отличаются очень большим разнообразием по сравнению с мужскими, это касается как количества, так и «качества» погребального инвентаря. Во всех выделенных категориях женские погребения содержали более представительный сопроводительный инвентарь. Данное обстоятельство объясняется в первую очередь, особенностью костюмного комплекса, а именно набором пояса, как установлено исследователями мужской пояс был

²³Кара-абызское общество было еще достаточно демократичным, доказательством чему может служить участие каждого мужчины в военных действиях.

намного проще и беднее женского, это связано с необходимостью, чтобы данный элемент одежды не мешал занятию военным делом.

В рассматриваемой выборке нет свидетельств неравноправного положения женщин. Очевидно, женщина у племен кара-абызской культуры была самостоятельным и полноправным членом общества. В свою очередь, мы солидаризируемся с мнением Н.П. Матвеевой и предшественников, что по этнографическим данным и письменным источникам, женщины у скотоводческих племен занимали именно такое положение [Матвеева, 1993. С. 144].

Многие исследователи, чтобы определить, насколько отражена в погребальном обряде прижизненная профессиональная специализация, обращались к анализу взрослых погребений, в которых содержались орудия труда и оценивали наличие орудий для бытовых и ремесленных занятий. Как показало наше исследование, население кара-абызской культуры из орудий труда, за исключением ножей, пряслиц, костяных лопаточек и шильев, больше ничего не клали. Орудий при умершем, указывающее на занятия ремесленным производством в погребениях кара-абызской культуры не выявлено.

Таким образом, можно констатировать, что в кара-абызском обществе существовал институт возрастных классов, который являлся важным элементом организации общественной жизни. Выделяются две основные возрастные группы: взрослые и дети. Детские погребения в выборке составляют 19,4%, но мы вслед за большинством исследователей отметим, что в древних обществах детская смертность была высокой и полученный результат мы как минимум мы должны увеличить в двое. Социальная интерпретация детских захоронений сложнее мужских и женских, так как, справедливо отмечает Е.П. Бунятян, в данном случае переплетается возраст и социальные факторы [1985. С. 98]. Анализ данной половозрастной группы позволил установить, что в кара-абызском обществе дети погребались в одной манере со взрослыми, но в сопровождении более скудного инвентаря,

что, скорее всего, обуславливалось имущественным (социальным) положением ребенка [Проценко, 2017б. С. 124]. Также необходимо отметить факт, который был зафиксирован исследователями и в детских погребениях прохоровского времени: «...несмотря на высокий уровень смертности, дети подвергались бережному обращению, следовательно, были ценны для общества» [Берсенева, Гильмитдинова, 2013.С. 42].

Единичные богатые погребения детей, столь широко представленные во многих археологических культурах, по мнению В.А. Алёкшина могут служить свидетельством того, что вера в магическую силу некоторых детей, которым покровительствовали добрые духи, была широко распространена у древнего населения Евразии [Алёкшин, 1981. С. 6].

Вслед за Л.Н. Коряковой, мы приходим к выводу, что решающую роль в ускорении социально-экономического развития оседлого населения могли и скорее всего, играли «ранние кочевники», у которых разложение первобытных отношений стимулировалось, кроме всего прочего, близостью государств и связями с ними [Корякова, 1988. С. 158-159], а подобные контакты оседлого населения и кочевников безусловно были [Иванов, 1980 и др.].

Выдвинутая А.Х. Пшеничнюком гипотеза о существовании на поздних этапах развития кара-абызской культуры (III в. до н.э. – III в. н.э.), объединения (союза) 4 племен находит определенное подтверждение в нашем исследовании. Так если исходить из данного тезиса, а именно, то, что могильники оставлены родовыми группами, то на основании проведенного анализа погребального обряда можно говорить о дифференциации кара-абызского общества в двух аспектах. Первое, что необходимо отметить – четко зафиксировано имущественная дифференциация внутри родов, на что указывает анализ каждого из могильников. Второй аспект социальной стратификации представляют собой особенности самих могильников, выявленные на уровне сравнительного анализа, которые ярко отражают разницу в социально-экономическом состоянии отдельных родовых групп

внутри кара-абызской культуры (Шипово – Биктимирово – Охлебинино). Таким образом, отличия между могильниками можно рассматривать как отражение межродовой (межплеменной) иерархии, игравшие важную роль в процессе разложения первобытнообщинных отношений.

Реконструкция характера семьи у кара-абызского населения на данный момент не возможна, в связи с тем, что для решения этой проблемы должны быть использованы материалы планиграфии поселений и площади жилищ, масштабы проведенных раскопок на городищах (Охлебининское, Биктимировское, Уфимское (Чертово), Кара-Абызское) не дают представления ни о планиграфии ни о вероятных типах и размерах жилищ. Таким образом, для рассуждений о кара-абызских семьях эмпирических данных просто нет. Рекогносцировочные исследования и раскопки, как одного из реперных городищ [Проценко, 2016в; 2017в; Проценко, Курманов, 2019], так и одного из селищ [Проценко, 2016] также не позволили внести ясность в данную проблему, что актуализирует исследование поселенческих памятников кара-абызской культуры и оперативный ввод их в научный оборот.

Планиграфический анализ выделенных групп погребений затрудняется методикой археологических раскопок могильников кара-абызской культуры. Сплошным раскопом на настоящий момент исследован только Шиповский курганно-грунтовой могильник, как нами уже было отмечено. Охлебининский и Биктимировские могильники полностью не исследованы в связи с разными обстоятельствами (антропогенный фактор или выбор методики исследования), что также затрудняет делать какие-либо выводы, поэтому мы лишь может отметить некоторые незначительные моменты. Охлебининский могильник, погребения которого превалируют над всеми другими некрополями, исследовался в основном рекогносцировочными траншеями, поэтому планиграфический анализ актуально будет провести после всестороннего анализа археологического материала и его публикации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Архивные материалы

Научные отчеты:

Дремов И.И. Документация содержащая результаты археологических исследований (раскопок) на территории объекта культурного наследия (памятника археологии) «Новые Турбаслы-7, селище» в зоне объекта АО «Транснефть – Урал» «Замена участка МН НКК Бердяуш-Нурлино, Ду 1200, 1745.4-1754.1 км, ЛПДС "Черкассы", Черкасское НУ. Реконструкция. Выполнение охранно-спасательных археологических работ» в Благовещенском районе Республики Башкортостан в 2019 г. Т. 1. // Архив ГБУ НПЦ.

Каюмов И.Х. Научный отчет о результатах инвентаризации памятников археологии в Иглинском районе Республики Башкортостан в 2011 г. // Архив ГБУ НПЦ.

Каюмов И.Х. Научный отчет о результатах инвентаризации памятников археологии в Бирском районе Республики Башкортостан в 2011 г. // Архив ГБУ НПЦ.

Каюмов И.Х. Научный отчет о результатах разведочных работ на территории Иглинского района Республики Башкортостан в 2012 г. // Архив ГБУ НПЦ.

Пшеничнюк А.Х. Научный отчет об археологических исследованиях в центральных районах Башкирской АССР за 1963 г. // Научный архив УФИЦ РАН. Ф. 3. Оп. 2. Д. 585. 23 л.

Пшеничнюк А.Х. Научный отчет о результатах археологической экспедиции за 1964 год // Научный архив УФИЦ РАН. Ф. 3. Оп. 2. Д. 639. 46 л.

Пшеничнюк А.Х. Научный отчет об археологической экспедиции за 1965 г. // Научный архив УФИЦ РАН. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 640.

Пшеничнюк А.Х. Научный отчет о раскопках Охлебининского могильника (Иглинский район Башкирской АССР) в 1980 г. // Научный архив УФИЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Ед. хр. 94.

Пшеничнюк А.Х. Научный отчет о раскопках Охлебининского могильника (Иглинский район Башкирской АССР) в 1981 г. // Научный архив УФИЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Ед. хр. 104.

Проценко А.С. Научный отчет об итогах археологических раскопок на «селище Зинино-1» в Уфимском районе Республики Башкортостан в 2016 году // Архив Лаборатории археологического источниковедения и историографии БГПУ им. М. Акмуллы.

Сальников К.В. Научный отчет о результатах археологической экспедиции за 1962 год по теме №41 «Эпоха бронзы и железа в Башкирии», раздел «Эпоха бронзы Южного Урала» // Научный архив УФИЦ РАН. Ф. 3. Оп. 2. Д. 562. 50 л.

Отчеты, планы и протоколы Научного архива Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук (НА УФИЦ РАН)

Отчёт о научно-исследовательской работе сектора истории, археологии и этнографии института за 1955 год // Научный архив УФИЦ РАН. Ф. 3. Оп. 1. № 133.

Перспективный план научно-исследовательских работ ИИЯЛ БФ АН СССР на 1959-1965 гг. // Научный архив УФИЦ РАН. Ф. 3. Оп. 1. № 183.

План научно-исследовательских работ ИИЯЛ БФ АН СССР на 1962 год // Научный архив УФИЦ РАН. Ф. 3. Оп. 1. № 214.

План научно-исследовательских работ Института на 1966-1970 гг. // Научный архив УФИЦ РАН. Ф. 3. Оп. 1. № 269.

Отчет Уфимского ИИЯЛ БФ АН СССР о научной и научно-организационной деятельности в 1965 году // Научный архив УФИЦ РАН. Ф. 3. Оп. 1. № 256.

Перспективный план научно-исследовательских работ ИИЯЛ БФ АН СССР на 1971-1975 гг. // Научный архив УФИЦ РАН. Ф.3. Оп. 1. № 329.

Предварительный отчет по археологической экспедиции 1972 г. (отряд А.Х. Пшеничнюка) // Научный архив УФИЦ РАН. Ф. 3. Оп. 1. № 352. Л. 29-30.

Основные направления археологических исследований на Южном Урале в ближайшие 10 лет (принято на заседании сектора археологии и этнографии ИИЯЛ БФ АН СССР. Протокол № 5 от 18 февраля 1972 г.) // Научный архив УФИЦ РАН. Ф. 3. Оп. 1. № 349. Л. 61-63.

План научно-исследовательских работ Института на 1976-1980 гг. // Научный архив УФИЦ РАН. Ф.3. Оп. 1. № 388.

План научно-исследовательских работ института на 1976 г. // Научный архив УФИЦ РАН. Ф. 3. Оп. 1. № 387.

Отчет института о научной и научно-организационной деятельности в 1976 г. // Научный архив УФИЦ РАН. Ф. 3. Оп. 1. № 389. Л.22.

План научно-исследовательских работ Института на 1977 г. // Научный архив УФИЦ РАН. Ф. 3. Оп. 1. № 401. Л. 17.

Протокол №17 заседания сектора археологии, этнографии и народного искусства ИИЯЛ БФ АН СССР 15 ноября 1977 г. // Научный архив УФИЦ РАН. Ф. 3. Оп. 1. № 407. Л. 223-233.

Протокол №1 заседания сектора археологии, этнографии и народного искусства 23 января 1978 г. // Научный архив УФИЦ РАН. Ф. 3. Оп. 1. № 423. Л. 1-20.

Протокол №10 заседания сектора археологии от 17 сентября 1980 г. // Научный архив УФИЦ РАН. Ф. 3. Оп. 1. № 441. Л. 42-49.

План научно-исследовательских работ ИИЯЛ БФ АН СССР на 1981 г. // Научный архив УФИЦ РАН. Ф.3. Оп. 1. № 448.

Протокол №12 заседания сектора археологии от 26 октября 1982 г. // Научный архив УФИЦ РАН. Ф. 3. Оп. 1. № 461. Л.90-94.

Отчет отдела археологии о научно-организованной деятельности в 1989 г. // Научный архив УФИЦ РАН. Ф. 3. Оп. 1. № 521.

Отчет отдела археологии о научно-организованной деятельности в 1990 г. // Научный архив УФИЦ РАН. Ф. 3. Оп. 1. Ед.хр. 527.

Отчет отдела археологии о научно-организованной деятельности в 1991 г. // Научный архив УФИЦ РАН. Ф. 3. Оп. 1. Ед.хр. 533.

Отчеты о научной и научно-организационной работе отделов Института за 1994 г. // Научный архив УФИЦ РАН. Ф. 3. Оп. 1. Ед.хр. 551.

Отчеты о научной и научно-организационной работе отделов Института за 1995 г. // Научный архив УФИЦ РАН. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 557.

Отчеты о научной и научно-организационной работе отделов Института за 1996 г. // Научный архив УФИЦ РАН. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 564.

Отчеты о научной и научно-организационной работе отделов Института за 1997 г. // Научный архив УФИЦ РАН. Ф. 3. Оп. 1. Ед.хр. 568.

Отчеты о научной и научно-организационной работе отделов Института за 1999 г. // Научный архив УФИЦ РАН. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 577.

Отчеты о научной и научно-организационной работе отделов Института за 2005 г. // Научный архив УФИЦ РАН. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 608.

Протоколы заседаний РНД отдела Археологических исследований за 2006 г. // Научный архив УФИЦ РАН. Ф.3. Оп. 1. Ед.хр. 612.

Протоколы заседаний РНД отдела Археологических исследований за 2007 г. // Научный архив УФИЦ РАН. Ф.3. Оп. 1. Ед.хр. 633.

Протоколы заседаний РНД отдела Археологических исследований за 2008 г. // Научный архив УФИЦ РАН. Ф.3. Оп. 1. Ед.хр. 643.

Диссертации, авторефераты, рукописи:

Берсенева Н.А. Возрастная и гендерная дифференциация в обществах Южного Урала II тыс. до н.э. (по материалам погребальных памятников): дисс... докт. ист. наук. – Екатеринбург, 2019. – 838 с.

Воробьева С.Л. Типология элементов убранства костюма кара-абызской культуры эпохи раннего железа (IV в. до н.э. – IV в. н.э.): автореф. дис. канд. ист. наук. – Ижевск, 2012. – 22 с.

Журавлева Г.Н. Народонаселение Среднего Прикамья в пьяноборскую эпоху (опыт палеодемографических реконструкций): автореф. дис. канд. ист. наук. – Ижевск, 1995. – 22 с.

Иванов В.А. Население нижней и средней Белой в ананьинскую эпоху: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1978а. – 20 с.

Лагадоская Е.Ф. Археологические памятники Башкирии от древнейших времен до начала нашей эры. [Рукопись] // Научный архив УФИЦ РАН. Ф. 34. Оп. 1. Д. 1.

Обыденнова Г.Т. История развития археологических исследований в Урало-Поволжье: XVIII – конец XX вв.: дисс... докт. ист. наук. – Уфа, 2002. – 334 с.

Пшеничнюк А.Х. Население центральной Башкирии на рубеже нашей эры (кара-абызская культура): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1968а. – 19 с.

Стаматина О.Р. Погребальный обряд пьяноборской культуры в свете статистического анализа: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Ижевск, 2004. – 25 с.

Шмуратко Д.В. Курганные могильники харинского типа в Верхнем Прикамье в контексте культурно-исторических процессов эпохи Великого Переселения народов: дис. ... канд. истор. наук. Казань, 2012. 232 с.

Литература:

1. Агеев Б.Б. Пьяноборская культура. – Уфа: БНЦ УрО РАН, 1992. – 140 с.
2. Агеев Б.Б., Овсянников В.В. Камышинское II городище // УАВ. – Вып. 2. – 2000. – С. 155-164.
3. Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. Краниометрия. Методика антропологических исследований. – М.: Наука, 1964. – 128 с.
4. Алёкшин В.А. К вопросу о методике реконструкции социальной структуры по данным погребального обряда (на материалах древнеземледельческих культур) // Предмет и объект археологии и вопросы методики археологических исследований. – Л.: Наука, 1975. – С. 49-53.
5. Алёкшин В.А. Погребальный обряд как археологический источник // КСИА. – Вып. 167. – 1981. – С. 3-9.
6. Алёкшин В.А. Происхождение и развитие погребального обряда в традиционных обществах (по данным археологии) // Археология древних обществ Евразии: хронология, культурогенез, религиозные воззрения. – СПб.: ИИМК РАН (Труды ИИМК РАН: XLII), 2014. – С. 9-46.
7. Алёкшин В.А. Информативные возможности археологических погребальных памятников // Археологические вести: ИИМК РАН, 2016. – Вып. 22. – С. 174–186.
8. Акимова М.С. Антропология древнего населения Приуралья. – М.: Наука, 1968. – 119 с.
9. Археологическая карта Башкирии / Отв. ред. О.Н. Бадер. – М.: Наука, 1976. – 262 с.
10. Археологические памятники Башкортостана. – Уфа: Гилем, 1996. – 280 с.
11. Ахмеров Р.Б. Некоторые вопросы этногенеза башкир по археологическим данным // СЭ. – 1952. – №36. – С. 36-49.
12. Ахмеров Р.Б. Новый Уфимский могильник ананьинско-пьяноборского времени (по данным исследований 1952-1956 годы) // СА. – 1959. – № 1. – С. 156-167.

13. Балабанова М.А. Методика палеоантропологических исследований: Учебно-методическое пособие. – Волгоград: Издательство Волгоградского государственного университета, 1998. – 84 с.
14. Балабанова М.А., Клепиков В.М., Коробкова Е.А., Кривошеев М.В., Перерва Е.В., Скрипкин А.С. Половозрастная структура сарматского населения Нижнего Поволжья: погребальная обрядность и антропология. – Волгоград: Изд-во Волгоградского филиала ФГБОУ ВО РАНХиГС, 2015. – 272 с.
15. Балабанова М.А. Морфология детских захоронений ранних кочевников Нижнего Поволжья (по материалам могильников раннесарматского времени) // Нижневолжский археологический вестник. – 2017. – Т. 16. – №1. – С. 62-82.
16. Белавин А.М., Иванов В.А., Крыласова Н.Б. Угры Предуралья в древности и средние века. – Уфа: БГПУ, 2009. – 285 с.
17. Бахшиев И.И., Савельев Н.С. К изучению некоторых вопросов этнокультурной динамики и хозяйства населения лесостепи Южного Приуралья эпохи раннего железа (по материалам селища Зинино-1) // УАВ. – Вып. 13. – 2013. – С. 104-115.
18. Бахшиев И.И. Новые находки из Ново-Уфимского могильника // Этносы и культуры Урало-Поволжья: история и современность: материалы XIII Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых / отв. ред. Э.В. Камалеев. – Уфа: ИЭИ УФИЦ РАН, 2019. – С. 8-10.
19. Берсенева Н.А. Социальная археология: возраст, гендер и статус в погребениях саргатской культуры. – Екатеринбург: УрО РАН, 2011. – 204 с.
20. Берсенева Н.А., Гильмитдинова А.Х. Детские погребения ранних кочевников Южного Урала (IV–II вв. до н. э.) // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. – 2013. – № 2 (21). – С. 36-44.
21. Берсенева Н.А. Погребения людей старшей возрастной группы (саргатская культура) // РА. – 2013. – №1. – С. 22-29.

22. Беркутов Л.А. Городища. Курганы. Места древних селений в Сарапульском и Бирском уездах. Раскопки. Кладоискатели // Известия Сарапульского музея. – Вып. IV. М., 1914.
23. Бунятян Е.П. Методика социальных реконструкций в археологии (на материалах скифских могильников IV-III вв. до н.э.). – Киев: Наук. думка, 1985. – 227 с.
24. Васютин С.А., Дашковский П.К. Социально-политическая организация кочевников Центральной Азии поздней древности и раннего Средневековья (отечественная историография и современные исследования). – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009. – 400 с.
25. Васильев В.Н. К вопросу об археологическом содержании понятия «восточный импульс» в материальной культуре кара-абыза // УАВ. – Вып. 14. – 2014. – С. 40-47.
26. Викторова В.Д. Вещь и знак в археологии. – Екатеринбург: КВАДРАТ, 2017. – 272 с.
27. Воробьева С.Л. Типология поясных накладок с изображением грифона эпохи раннего железа // Этносы и культуры Урало-Поволжья: история и современность: материалы III Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых. – Уфа, 2009. – С. 84-90
28. Воробьева С.Л. Использование статистических методов для разработки типологии предметов (на примере изучения поясных дисковидных блях костюма кара-абызской культуры эпохи раннего железа // XVIII Уральское археологическое совещание: культурные области, археологические культуры, археологические культуры, хронология: материалы XVIII Уральского археологического совещания. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2010а. – С. 194-198.
29. Воробьева С.Л. К вопросу об особенностях восьмеркообразных височных подвесок кара-абызского населения Южного Приуралья эпохи раннего железа // Этносы и культуры Урало-Поволжья: история и современность: материалы IV Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых. – Уфа, 2010б. – С. 48-51.

30. Воробьева С.Л. Поясные накладки с изображением грифона: к вопросу о происхождении и времени появления в лесостепи Приуралья // УАВ. – Вып. 10. – 2010в. – С. 56-63.
31. Воробьева С.Л. Гривны кара-абызского населения эпохи раннего железа (к вопросу о типологии и происхождении) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2011. – № 2 (15). – С. 108-115.
32. Воробьева С.Л. Височные подвески кара-абызской культуры эпохи раннего железа (к вопросу о типологии и происхождении) // УАВ. – Вып. 13. – 2013. – С. 91-103.
33. Воробьева С.Л. Взаимоотношения населения кара-абызской культуры с кочевниками Южного Урала в IV-III вв. до н.э. // УАВ. – Вып. 14. – 2014. – С. 54-65.
34. Воробьева С.Л. К вопросу о хронологии кара-абызской культуры (по материалам Охлебининского грунтового могильника) // Этнические взаимодействия на Южном Урале: материалы VI Всероссийской научной конференции / отв. ред. А.Д. Таиров. – Челябинск: Челябинский гос. краеведческий музей, 2015. – С. 208-221
35. Воробьева С.Л. Типы костюмных комплексов носителей кара-абызской эпохи раннего железа // Археология евразийских степей. – 2019а. – №1. – С. 50-69.
36. Воробьева С.Л. Лесостепная часть Южного Приуралья в эпоху раннего железа: история изучения вопроса и перспективы исследований // Археология евразийских степей. – 2019б. – №2– С. 268-291.
37. Гарустович Г.Н., Минеева И.М. Из истории археологических исследований в Башкортостане: Вера Владимировна Гольмстен // УАВ. – Вып. 4. – 2003. – С. 6-15.
38. Генинг В.Ф. Мазунинская культура в Среднем Прикамье // Памятники мазунинской археологической культуры. ВАУ. Вып. 7. – Свердловск-Ижевск, 1967. – С. 7-84.

39. Генинг В.Ф. История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху. Ч. I. Чегадинская культура (III в. до н. э. – II в. н. э.) // ВАУ. – Вып. 10. – Свердловск, 1970. – 224 с.
40. Генинг В.Ф., Борзунов В.А. Методика статистической обработки, характеристики и сравнительного анализа погребального обряда // ВАУ. – Свердловск: Изд-во Ур. гос. ун-та, 1975 – Вып. 13. – С. 42-72.
41. Генинг В. Ф. Этническая история Западного Приуралья на рубеже нашей эры (пьяноборская эпоха III в. до н. э. – II в. н. э.). – М.: Наука, 1988. – 240 с.
42. Генинг В.Ф. Структура археологического познания (проблема социально-исторического исследования). – Киев: Наук. думка, 1989. – 194 с.
43. Генинг В.Ф., Бунятян Е.П., Пустовалов С.Ж., Рычков Н.А. Формализовано-статистические методы в археологии (анализ погребальных памятников) / отв. ред. С.П. Пачкова. – Киев.: Наук. думка, 1990. – 304 с.
44. Голдина Р.Д. Ломоватовская культура в верхнем Прикамье. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1985. – 279 с.
45. Голдина Р.Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа. – Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2004. – 422 с.
46. Голдина Р.Д., Мельникова О.М., Черных Е.М., Останина Т.И., Иванов А.Г., Иванова М.Г. История Удмуртии. С древнейших времен до XV века. – Ижевск: Удмуртский ин-т истории, яз. и лит. УрО РАН, 2007. – 300 с.
47. Голдина Р.Д. Об общественном устройстве населения неволинской культуры // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – Т. 14. – №3. – 2012. – С. 235-242.
48. Голдина Р.Д., Сабиров Т.Р., Сабирова Т.М. Погребальный обряд Тарасовского могильника I-V вв. на Средней Каме. Т. III. – Казань, Ижевск, 2015. – 297 с.
49. Гольмстен В.В. Могильник близ г. Уфы. – Уфа, 1913. – 30 с.
50. Гуляев В.И. Погребальная обрядность: структура, семантика и социальная интерпретация // РА. – 1995. №1. – С. 84-85.

51. Гуляев В.И., Ольховский В.С. Погребальные памятники и погребальная обрядность: проблемы анализа и интерпретации // Погребальный обряд: реконструкция и интерпретация древних идеологических представлений. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1999. – С. 10-18.
52. Гуляев В.И. Введение // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 224 / Ин-т археологии РАН; Гл. ред. Н.А. Макаров. – М.: Языки славянской культуры, 2010. – С. 3-4.
53. Гуляева Н.П. Социальные реконструкции в археологии: проблема глазами социолога // Теория и практика археологических исследований. – 2006. – №2. – С. 193-215.
54. Ефимова С.Г. К краниологии раннего железного века Волго-Камья // Вопросы антропологии. – Вып. 67. – 1981. – С. 64-73.
55. Ефимова С.Г. Палеоантропология Поволжья и Приуралья. – М.: МГУ, 1991. – 95 с.
56. Журавлева Г.Н., Байкова А.К. Вопросы социальной структуры древнего населения в работах археологов Прикамья // Археологическое наследие Урала: от первых открытий к фундаментальному научному знанию(XX Уральское археологическое совещание). – Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2016. – С. 18–20.
57. Збруева А.В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху // МИА. – 1952. – № 30. – 326 с.
58. Зубов С.Э. Военная структура кара-абызского общества (по материалам Охлебининского могильника) // XVIII Уральское археологическое совещание: культурные области, археологические культуры, хронология. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2010. – С. 208-213.
59. Зубов С.Э. О военной структуре среднебельских племен раннего железного века (по материалам Охлебининского могильника) // УАВ. – Вып. 12. – 2012. – С. 108-123.
60. Иванов В.А. Исследования памятников на правобережье р. Белой // Археологические открытия 1977 года. – М.: «Наука», 1978б. – С. 174-175.

61. Иванов В.А. Культурные связи оседлых племен Приуралья с кочевниками великого пояса степей в эпоху раннего железа (к постановке проблемы) // Скифо-сибирское культурно-историческое единство. Материалы Всесоюзной археологической конференции. – Кемерово: КемГУ, 1980. – С. 74-84.
62. Иванов В.А. Вооружение и военное дело финно-угров Приуралья в эпоху раннего железа (I тыс. до н.э. – первая половина I тыс. н.э.). – М.: Наука, 1984. – 88 с.
63. Иванов В.А. Древние угро-мадьяры в Восточной Европе. – Уфа: Гилем, 1999. – 123 с.
64. Иванов В.А. Очерк истории изучения памятников ананьинской эпохи в бассейне реки Белой // УАВ. – Вып. 10. – 2010. – С. 12-21.
65. Иванова Е.В. Первые научно-исследовательские археологические темы ИИЯЛ БФ АН СССР и результаты их выполнения (1950-е гг.) // УАВ. – Вып. 6-7. – 2007. – С. 191-194.
66. Иванов В.А., Проценко А.С. Социальные реконструкции в археологии Урало-Поволжья эпохи средневековья (к постановке проблемы) // Казанская наука. – 2013. – № 10. – С. 46-48.
67. Иванов В.А., Проценко А.С. Погребальный обряд как индикатор генетической преемственности культур эпохи раннего железного века Прикамья и Предуралья // VII Халиковские чтения: Средневековые археологические памятники Поволжья и Урала: проблемы исследований, сохранения и музеефикации. Археология евразийских степей. № 1 2017. – Казань: Издательский дом «Казанская недвижимость». Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, 2017. – С. 117-129.
68. Иванов В.А. Археология сарматского влияния на культуру лесных племен Южного Урала: источники и их интерпретация // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Сарматы и их окружение / отв. ред. А.Д. Таиров. – Челябинск: ОГБУК «Государственный исторический музей Южного Урала», 2017. – С. 50-55.

69. Иванов В.А., Заикина Н.А., Проценко А.С. Таш-Елгинский могильник // АрхЛаб. Археология Урала: время, памятники, люди. Сборник научных статей. Вып. 3 / отв. ред. Р.Р. Русланова. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2018. – С. 58-69.
70. История башкирского народа: в 7 т./ гл. ред. М.М. Кульшарипов; Ин-т истории, языка и литературы УНЦ РАН. Т. I. – М.: Наука, 2009. – 400 с.
71. Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие / САИ. – Вып. ЕИ-36. – Л., 1971. – 92 с.
72. Корякова Л.Н. Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири. – Свердловск: Урал. ун-т, 1988. – 240 с.
73. Ковтун С.П. Реконструкция социальной структуры населения Верхнего Прикамья второй половины I тыс. н.э. (по материалам могильников) – Ижевск: ИжГТУ, 2006. – 432 с.
74. Котов В.Г. Семантика пряслиц кара-абызской культуры раннего железного века Приуралья // УАВ. – Вып. 10. – 2010. – С. 36-55.
75. Клейн Л.С. Археологические источники. Учебное пособие. – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1978. – 119 с.
76. Клейн Л.С. Историзм в археологии // Археологические вести. – №2. – 1993. – С. 135-144.
77. Клейн Л.С. Этногенез и археология. Том 2: Арии и varia. – Спб.: ЕВРАЗИЯ, 2013. – 527 с.
78. Красноперов А.А. О функциональном назначении «портупей» из кара-абызских погребений // Урал-Алтай: через века в будущее. Материалы IV Всероссийской научной конференции, посвященной III Всемирному курултаю башкир (25–27 марта 2010 г.). Т. II. История. – Уфа: Институт истории, языка и литературы УНЦ РАН, 2010. – С. 127-130.
79. Курманов Р.Г., Овсянников В.В., Савельев Н.С., Галеев Р.И. Реконструкция растительности и климата Южного Предуралья в суббореале и субатлантике (по материалам памятников кара-абызской культуры) // Геологический вестник. – 2019. – №1. – С. 35–44.

80. Куфтерин В.В., Воробьева С.Л. К палеодемографии пьяноборской культуры // Поволжская Археология. – № 1 (27). – 2019. – С. 164-179.
81. Кызласов И.Л. Погребальный обряд и уровень развития общества. От отдельного к общему // РА. – 1995. – №1. – С. 99-104.
82. Лепехин А.Н. Костища гляденовской культуры в Среднем и Верхнем Прикамье. Серия: Древняя культура финно-угорских народов пермского Прикамья. ООО «Издательский дом «Типография купца Тарасова», 2007. – 224 с.
83. Лещинская Н.А. «Жертвенные комплексы» пьяноборских могильников бассейна р. Вятки // Поволжская археология. – № 1(7). – 2014а. – С. 92-113.
84. Лещинская Н.А. Вятский край в пьяноборскую эпоху (по материалам погребальных памятников I–V вв. н.э.). Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т.27. Ижевск, 2014б. – 472 с.
85. Мажитов Н. А. Бахмутинская культура. – М.: Наука, 1968. – 162 с.
86. Мажитов Н.А. К вопросу о характере общественных отношений у средневекового населения Южного Урала (постановка вопроса) // Материалы по хозяйству и общественному строю племен Южного Урала / отв. ред. Н.А. Мажитов. – Уфа: БФАН СССР, 1981. – С. 110-132.
87. Мажитов Н.А., Султанова А.Н. История Башкортостана. Древность. Средневековье. – Уфа: Китап, 2010. – 496 с.
88. Марков В.Н. Нижнее Прикамье в ананьинскую эпоху (об этнокультурных компонентах ананьинской общности). – Казань: Институт истории АН РТ, 2007. – 136 с.
89. Матвеева Н.П. Саргатская культура на среднем Тоболе. – Новосибирск: ВО «Наука». Сибирская издательская фирма, 1993. – 175 с.
90. Матвеева Н.П. Реконструкция социальной структуры древних обществ по археологическим данным: Учебное пособие. – Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2007. – 206 с.
91. Мельник В.И. Погребальный обычай и погребальный памятник // РА. – 1993. – №1. – С. 94-97.

92. Морозов Ю.А. Исследования Уфимского городища // УАВ. – Вып. 2. – 2000. – С. 145-154.
93. Мышкин В.Н. Некоторые характеристики связей погребальной обрядности и социальной структуры кочевников Самаро-Уральского региона в скифское время // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – Т. 15. – №5. – 2013. – С. 269-277.
94. Нечвалода А.И. Новые краниологические материалы кара-абызской культуры из могильника Кара-Абыз II // Этнос. Общество. Цивилизация: Третьи Кузеевские чтения. – Уфа: ГУП РБ Уфимский полиграфкомбинат, 2012. – С. 249-251.
95. Нечвалода А.И. Палеоантропология кара-абызской культуры южного Приуралья // Тезисы XVII Международной Западносибирской археолого-этнографической конференции «Восток и Запад: проблемы синхронизации этнокультурных взаимодействий». 20–22 апреля 2016 г. Томск, Россия. URL: http://zsaek.tsu.ru/sites/default/files/webform/%D0%A2%D0%B5%D0%B7%D0%B8%D1%81%D1%8B_%D0%A2%D0%BE%D0%BC%D1%81%D0%BA_%D0%90_%D0%9D%D0%B5%D1%87%D0%B2%D0%B0%D0%BB%D0%BE%D0%B4%D0%B0.pdf. pdf. Дата обращения 26.01.2019.
96. Нечвалода А.И., Воробьева С.Л. Мужские и женские погребения носителей кара-абызской культуры по материалам Охлебининского могильника: Антропологические данные и погребальный костюм // Мужской и женский мир в отражении археологии: Материалы Всероссийской с международным участием научной конференции, г. Уфа, 19-22 ноября 2018 г. – Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2018. – С. 152-170.
97. Обыденнов М.Ф., Овсянников В.В., Минеева И.М. Охлебининский историко-культурный (археологический) заповедник. Материалы к организации заповедника. Препринт. – Уфа: Юрика, 2003. – 34 с.

98. Овсянников В.В. Нагаевские курганы // Наследие веков. Охрана и изучение памятников археологии в Башкортостане. – Вып. 1. – Сб. ст. Уфа, 1995. – С. 85-94.
99. Овсянников В.В., Яминов А.Ф. Исследование могильника у Чертова городища в Уфе (1911–1912 годы) // УАВ. – Вып. 4. – 2003. – С. 16-57.
100. Овсянников В. В. Зооморфная металлопластика кара-абызской культуры // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время: Сб. ст. к 70-летию А.Х. Пшеничного / Отв. ред. Г.Т. Обыденнова, Н.С. Савельев. – Уфа: Гилем, 2006а. – С. 171-179.
101. Овсянников В. В. Этнокультурная ситуация в Среднем Прибелье в гунно-сарматский период (по материалам Шиповского могильника) // Взаимодействие народов Евразии в эпоху Великого переселения народов. – Ижевск: Удмуртский гос. ун-т, 2006б. – С. 81-93.
102. Овсянников В.В. Характер взаимодействия носителей кара-абызской культуры с соседним населением во II-IV вв. н. э. // Взаимодействие народов Евразии в эпоху великого переселения народов. – Ижевск: Удмуртский гос. ун-т, 2006в. – С. 88-93.
103. Овсянников В.В., Савельев Н.С., Акбулатов И.М., Васильев В.Н. Шиповский могильник в лесостепном Приуралье. – Уфа: Гилем, 2007. – 166 с.
104. Овсянников В.В. Кара-абызская культура (V в. до н. э. – IV в. н. э.) // История башкирского народа: в 7 т. / гл. ред. М. М. Кульшарипов. Т. I. – М.: Наука, 2009а. – С. 223-245.
105. Овсянников В.В. Опыт выделения зон активного взаимодействия оседлого и кочевого населения Предуралья в савромато-сарматскую эпоху // УАВ. – Вып. 9. – 2009б. – С. 144-156.
106. Овсянников В.В. Структура курганных насыпей Шиповского могильника // XVIII Уральское археологическое совещание: культурные области, археологические культуры, хронология. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2010. – С. 229-230.

107. Овсянников В.В. Культурно-исторические процессы в лесостепном Предуралье в середине I тыс. до н. э.— середине I тыс. н. э. // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. 2. – Казань: Отечество, 2014а. – С. 375–377.
108. Овсянников В.В. Общие элементы в погребальном обряде и инвентаре населения кара-абызской культуры и сармат лесостепи Южного Предуралья (по материалам Шиповских, Старо-Киишкинских и Бишунгаровских курганов) // УАВ. – Вып. 14 – 2014б. – С. 168-177.
109. Овсянников В.В. Новые материалы Шиповского курганно-грунтового могильника в лесостепном Предуралье // УАВ. – Вып. 18. –2018. – С. 43-62.
110. Останина Т.И. Население Среднего Прикамья в III-V вв.— Ижевск: УИИЯЛ, 1997. – 326 с.
111. Олдендерфер М.С., Блэшфилд Р.К. Кластерный анализ / Факторный дискриминантный и кластерный анализ / пер. с англ. А.М. Хотинского, С.Б. Королева; под ред. И.С. Енюкова. – М.: Финансы и статистика, 1989. – 215 с.
112. Ольховский В.С. Погребальная обрядность (содержание и структура) // РА. – 1993. – №1. – С. 78-93.
113. Ольховский В.С. Погребальная обрядность и социологические реконструкции // РА. – 1995. – №1. – С. 85-99.
114. Ольховский В.С. Обычай и обряд как формы традиций // РА. – 1997. – №2. – С. 159-168.
115. Поляков А.А., Цветков В.Я. Прикладная информатика: Учебно-методическое пособие: В 2-х частях: Часть.1 / под общ. ред. А.Н. Тихонова. – М.: МАКС Пресс. 2008. – 788 с.
116. Петренко А.Г. Следы ритуальных животных в могильниках древнего и средневекового населения Среднего Поволжья и Предуралья. – Казань: Школа, 2000. – 156 с.
117. Пшеничнюк А.Х. Биктимировский могильник // АЭБ. – Т. II. – Уфа, 1964а. – С. 215-231.

118. Пшеничнюк, А.Х. К вопросу о керамике кара-абызских поселений // АЭБ. Т. II. Уфа, 1964б. – С. 93-100.
119. Пшеничнюк А.Х. Формирование кара-абызской культуры // V УАС (тез. докладов). – Сыктывкар, 1967. – С. 50-53.
120. Пшеничнюк А.Х. Охлебининский могильник // АЭБ. – Т. III. – Уфа, 1968б. – С. 59-104.
121. Пшеничнюк А.Х. Кара-абызская культура (население центральной Башкирии на рубеже нашей эры) // АЭБ. – Т. V. / Н.В. Бикбулатов, Р.Г. Кузеев, Н.А. Мажитов (ред.). – Уфа, 1973. – С. 162-243.
122. Пшеничнюк А.Х. Шиповский комплекс памятников // Древности Южного Урала. – Уфа, 1976а. – С. 35-149.
123. Пшеничнюк А.Х. Направление и характер связей племен кара-абызской культуры // Этнокультурные связи населения Урала и Поволжья с Сибирью, Средней Азией и Казахстаном в эпоху железа. – Уфа, 1976б. – С. 13-14.
124. Пшеничнюк А.Х. Некоторые вопросы общественного развития племен кара-абызской культуры // Материала по хозяйству и общественному строю племен Южного Урала / Отв. ред. Н.А. Мажитов. – Уфа: БФАН СССР, 1981. – С. 91-100.
125. Пшеничнюк А.Х. Старший Шиповский могильник ананьинской культуры в Центральной Башкирии // Приуралье в эпоху бронзы и раннего железа / Под ред. А.Х Пшеничнюка и В.А. Иванова – Уфа: БФАН СССР, 1982. – С. 94-105.
126. Пшеничнюк А.Х. Новые материалы с поселений Гафурийского района // Поселения и жилища древних племен Южного Урала / Под ред. А.Х Пшеничнюка и В.А. Иванова.– Уфа: БФАН СССР, 1983. – С 77-103.
127. Пшеничнюк А.Х. Исследования по раннему железному веку // Вопросы древней и средневековой истории Южного Урала / Под ред. А.Х Пшеничнюка и В.А. Иванова. – Уфа: БФАН СССР, 1987. – С. 67-76.

128. Пшеничнюк А.Х. Хронология и периодизация погребальных комплексов Охлебнинского могильника // Хронология памятников Южного Урала / Отв. ред. Б.Б. Агеев. – Уфа: УНЦ РАН, 1993. – С. 32-61.
129. Пшеничнюк А.Х. Глиняная посуда Охлебнинского могильника кара-абызской культуры // УАВ. – Вып. 5. – 2004. – С. 189-191.
130. Пшеничнюк А.Х., Овсянников В.В. Археологическая карта Иглинского района Республики Башкортостан. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2007. – 62 с.
131. Проценко А.С. Вопросы социальной реконструкции древних обществ в археологии Прикамья и Приуралья в раннем железном веке. Историографический аспект // Труды КАЭЭ. Вып.8. – Пермь, 2012а. – С. 177-181.
132. Проценко А.С. Концепция этносоциальной истории Прикамья в трудах В.Ф. Генинга // Урал и Сибирь в контексте развития российской государственности. Материалы всероссийской научной конференции «VI Емельяновские чтения» (Курган, 26-28 апреля 2012 г.) / Отв. ред. Д.Н. Маслюженко. – Курган: Изд-во курганского гос. ун-та, 2012б. – С. 65-67.
133. Проценко А.С., Бабин И.М. Вопросы социальной реконструкции древних обществ в археологии Прикамья и Приуралья в раннем железном веке // XLV Урало-Поволжская археологическая конференция студентов и молодых ученых (Ижевск, 1-3 февраля 2013 г.): тез. докл. – Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2013. – С. 102-104.
134. Проценко А.С. История изучения кара-абызских древностей в XX веке (начальный этап изучения археологической культуры) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – Т. 17. – № 3(2). – 2015а. – С. 559-566.
135. Проценко А.С. Культуры эпохи раннего железа на Южном Урале в этногенетической концепции происхождения башкир // Этнос. Общество. Цивилизация: Четвертые Кузеевские чтения. Материалы Международной

- научно-практической конференции. – Уфа: Полиграфсервис, 2015б. – С. 38-39.
136. Проценко А.С., Сатаев Р.М. К вопросу об основах жизнеобеспечения носителей кара-абызской культуры // Вестник Томского государственного университета. История. – №6 (44). – 2016. – С. 125-133.
137. Проценко А.С. Социальная организация населения башкирского Предуралья в раннем железном веке (историографический очерк) // Этносы и культуры Урало-Поволжья: история и современность: материалы Юбилейной X Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых. – Уфа: ИЭИ УНЦ РАН, 2016а. – С. 155-158.
138. Проценко А.С. Погребальные комплексы кара-абызской культуры (очерк истории накопления источниковой базы) // КЛИО. – 2016б. – № 9 (117). – С. 43–47.
139. Проценко А.С. Стратиграфия керамики кара-абызской культуры (по материалам городища Кара-Абыз) // Археологическое наследие Урала: от первых открытий к фундаментальному научному знанию. XX Уральское археологическое совещание: Материалы Всероссийской (с международным участием) научной конференции / отв. ред. Е.М. Черных. – Ижевск: Удмуртский гос. ун-т, 2016в. – С. 178-181.
140. Проценко А.С., Мухаметдинов В.И., Атнабаев Н.Н. Техно-технологический анализ керамики из городища Кара-Абыз (предварительные результаты) // КЛИО. – №11 (131). – 2017. – С. 143-146.
141. Проценко А.С. Суммарная характеристика погребального обряда кара-абызской культуры // V (XXI) Всероссийский археологический съезд [Электронный ресурс]: сборник научных трудов / отв. ред. А.П. Деревянко, А.А. Тишкин. – Электрон. текст. дан. (36,739 Мб). – Барнаул: ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет», 2017а. – С. 854-855.
142. Проценко А.С. Погребальный обряд детских погребений кара-абызской культуры (по материалам грунтовых могильников) // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Сарматы и их окружение / отв. ред. А.Д.

- Таиров. – Челябинск: ОГБУК «Государственный исторический музей Южного Урала», 2017б. – С. 123-125.
143. Проценко А.С. Некоторые итоги изучения Кара-Абызского городища (по материалам рекогносцировочных работ 2015 г.) // Археология Евразийских степей. – 2017в. – № 4. – С. 127-134.
144. Проценко А.С., Заикина Н.А. Погребальный обряд детских погребений Шиповского могильника // Мужской и женский мир в отражении археологии: Материалы Всероссийской с международным участием научной конференции, г. Уфа, 19-22 ноября 2018 г. – Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2018. – С. 171-176.
145. Проценко А.С. К вопросу о социальной структуре населения Биктимировского могильника // Oriental Studies. – 2019. – Т. 12. – № 5(45). – С. 845-844.
146. Проценко А.С., Курманов Р.Г. Археолого-палинологические исследования культурного слоя городища Кара-Абыз // Вестник Академии наук Республики Башкортостан. – 2019. – Т. 33. – №4 (96). – С. 62-71.
147. Проценко А.С., Заикина Н.А. Экстраординарные труположения погребённых в могильниках кара-абызской культуры: возможности интерпретации // Новик. Вып. 21 (специальный): материалы Третьей Международной научной конференции «Археология в исследованиях молодых», посвящённой 120-летию С.Н. Замятина и М.Е. Фосс – выдающихся археологов из первого поколения студентов ВГУ/ [под ред. Ю.В. Селезнёва, Е.Ю. Захаровой]; Воронежский государственный университет. – Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2020. – С. 82-84.
148. Сальников К.В. К вопросу о происхождении ананьинской культуры // СЭ. – 1954. – №4. – С. 11-24.
149. Савельев Н.С. «Трансуральский путь» и формирование этнокультурной карты лесостепи Южного Урала в эпоху раннего железа // XV УАС. – Оренбург: Оренбург. губерния, 2001. – С. 140-141.

150. Савельев Н. С. Месягутовская лесостепь в эпоху раннего железа. – Уфа: Гилем, 2007. – 260 с.
151. Савельев Н.С. Кара-абызский олень: истоки образа и его трансформация // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. III / А. П. Деревянко, Н. А. Макаров. – М.: ИА РАН, 2008а. – С. 69-72.
152. Савельев Н.С. Происхождение гафурийского комплекса лесостепи Южного Приуралья середины – второй половины I тысячелетия до н.э. // Ранние кочевники Волго-Уральского региона: материалы международной научной конференции «Ранние кочевники Южного Приуралья в свете новейших археологических открытий» / Отв. ред. Л. Т. Яблонский – Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2008б. – С. 116-135.
153. Савельев Н.С. Гафурийский керамический комплекс Биктимировского городища в лесостепи Южного Приуралья // РА. – № 2. – 2011. – С. 56-66.
154. Савельев Н.С. Сарматизация лесостепи Южного Приуралья: предпосылки, основные этапы, характеристики, следствия // УАВ. – Вып. 14. – 2014. – С. 191-206.
155. Савельев Н.С., Яблонский Л.Т. Степь и лесостепь на начальном этапе раннесарматской культуры Южного Урала // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы. Вып. 20. – Казань: Отечество, 2014. – С. 478-504.
156. Савельев Н.С. О происхождении убаларского культурного типа в лесостепи Южного Приуралья // УАВ. – Вып. 17. – 2017. – С. 18-38.
157. Савельев Н.С., Овсянников В.В., Курманов Р.Г. Природные и этнокультурные трансформации на рубеже эр в лесостепи Южного Приуралья (по данным городища Акбердино II) // V (XXI) Всероссийский археологический съезд. Сборник научных трудов. – Барнаул: АлтГУ, 2017. – С. 900-901.
158. Савельев Н.С. Курманов Р.Г., Сулейманов Р.Р. Первые результаты комплексных исследований Шиповского городища в лесостепи Южного Приуралья // XXI Уральское археологическое совещание, посвященное 85-

- летию со дня рождения Г.И. Матвеевой и 70-летию со дня рождения И.Б. Васильева. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. – Самара: Изд-во СГСПУ, 2018. – С. 242–244.
159. Сотникова С.В. Детские погребения с наборами альчи́ков и роль игры в обществах степного населения эпохи бронзы // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2014. – № 2 (25). – С. 26-34.
160. Социальная структура ранних кочевников Евразии: монография / под ред. Н.Н. Крадина, А.А. Тишкина, А.В. Харинского. – Иркутск: Изд-во Иркутского государственного технического университета, 2005. – 230 с.
161. Смирнов А.П. Прикамье в I тысячелетии нашей эры // Сборник статей по археологии СССР. Труды Государственного исторического музея; Вып. VIII. – М.: Гос. ист. музей, 1939. – 192 с.
162. Смирнов А.П. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья // МИА. – № 28. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1952. – С. 5-113.
163. Смирнов А.П. Железный век Башкирии // МИА. – № 58. – М., 1957. – С. 5-113.
164. Смирнов К.Ф. Сарматы-огнепоклонники // Археология северной и центральной Азии. – Новосибирск: Наука, 1975. – С. 155-159.
165. Сунгатов Ф.А., Гарустович Г.Н., Юсупов Р.М. Приуралье в эпоху великого переселения народов (Старо-Муштинский курганно-грунтовый могильник). – Уфа: ГУП «Уфимский полиграф-комбинат», 2004. – 172 с.
166. Таганов Д.Н. SPSS: статистический анализ в маркетинговых исследованиях. – СПб: Питер, 2005. – 192 с.
167. Троицкая Т.Н. Раскопки Михайловского городища в Башкирии // Башкирский археологический сборник. – Уфа, 1959. – С. 88-96.
168. Тишкин А.А., Дашковский П.К. Социальная структура и система мировоззрений населения Алтая скифской эпохи. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. – 430 с.

169. Федоров-Давыдов Г.А. Статистические методы в археологии. – М.: Высшая школа, 1987. – 215 с.
170. Халиков А.Х. Стелы с изображением оружия раннего железного века // СА. – 1963. – №3. – С. 180-190.
171. Халиков А.Х. Волго-Камье в начале эпохи раннего железа (VII-VI вв. до н. э.). – М.: Наука, 1977. – 262 с.
172. Хисамитдинова Ф.Г. Академические гуманитарные исследования в Башкортостане: история, состояние, перспективы // Урал – Алтай: через века в будущее. – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2012. – С. 4-9.
173. Чижевский А.А. Погребальные памятники населения Волго-Камья в финале бронзового – раннем железном веках (предананьинская и ананьинская культурно-исторические области). – Казань: РИЦ «Школа», 2008. – 172 с.
174. Чижевский А.А. Начальный период изучения археологии эпохи бронзы и раннего железного века в Волго-Камье. Полевые исследования // Поволжская археология. – 2013. – № 2(4). – С. 40-63.
175. Шагапова Г.Р. Альчики: археологические и этнографические материалы Южного Урала // Древние и средневековые общества Евразии: перекресток культур. Международный научный симпозиум, посвященный памяти видного ученого археолога, профессора, академика Академии наук Республики Башкортостан, доктора исторических наук Н.А. Мажитова. Сборник материалов/ под общ. ред. А.И. Уразовой. – Уфа: Мир печати, 2018. – С. 190-193.
176. Шмидт А.В. Археологические изыскания Башкирской экспедиции Академии Наук. (Предварительный отчёт о работах 1928г.) / Хозяйство Башкирии, № 8-9. – Уфа, 1929. – С. 1-28.
177. Шмидт А.В. Развитие взглядов Маркса на первобытное общество // Известия ГАИМК, Т. XI, Вып. 5–6. – 1931. – С. 3-32.
178. Шмидт А.В. Жертвенные места Камско–Уральского края // Известия ГАИМК, Т. XIII. Вып. 1–2. – 1932. – С. 25-33.

179. Шмидт А.В. Очерки по истории северо-востока Европы в эпоху родового общества // Из истории родового общества на территории СССР. – Л.: Изд. ГАИМК, 1935. – С. 13-96.
180. Шмуратко Д.В. Статистические методы в археологических исследованиях: история развития (конец XIX - 60-е гг. XX в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2013а. – № 5-1 (31). – С. 195-200.
181. Шмуратко Д.В. Статистические методы в археологических исследованиях: история развития (70-е гг. XX в. – начало XXI в.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2013б. – № 5-2 (31). – С. 211-215.
182. Щербаков Н.Б., Овсянников В.В., Шутелева И.А. Ярусные захоронения Ново-Уфимского могильника кара-абызской культуры: феномен или ранее не выявленная особенность // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре. В 3-х т. / Отв. ред. А.П. Деревянко, Н.А. Макаров, О.Д. Мочалов. – Самара: СГСПУ, 2020. – Т. II. – С. 136-137.
183. Юсупов Г.В. Древнейшие поселения Гафурийского района БАССР. – Башкирский археологический сборник. – Уфа, 1959. – С. 58-87.
184. Exponential Laws of Computing Growth // Peter J. Denning, Ted G. Lewis. Communications of the ACM, January 2017, Vol. 60 No. 1. – P.54-65.
185. Jain A., Murty M., Flynn P. Data clustering: A review // ACM Computing Surveys. 1999. Vol. 31, no. 3. – Pp. 264-323.

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

АЭБ – Археология и этнография Башкирии

БАССР – Башкирская Автономная Советская Социалистическая Республика

БГУ – Башкирский государственный университет

БГПИ – Башкирский государственный педагогический институт

БГПУ им. М. Акмуллы – Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы

ВАУ – Вопросы археологии Урала

ВООПИК – Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры

ГБУ НПЦ – государственное бюджетное учреждение Научно-производственный центр по охране и использованию недвижимых объектов культурного наследия Республики Башкортостан

ИБН – История башкирского народа

ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук

ИИЯЛ БФАН – Институт истории языка и литературы Башкирский филиал академии наук

ИИЯЛ УНЦ РАН – Институт истории языка и литературы Уфимского научного центра Российской академии наук

ИИЯЛ УФИЦ РАН – Ордена Знак Почета Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук

ИЭИ УФИЦ РАН – Институт этнологических исследований Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР

НА – научный архив

НИЦ «Наследие» – научно-исследовательский центр «Наследие»

РА – Российская археология

РБ – Республика Башкортостан

РЖВ – ранний железный век

СА – Советская археология

СЭ – Советская этнография

УАВ – Уфимский археологический вестник

УАС – Уральское археологическое совещание

ФГБОУ ВО – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования

ПРИЛОЖЕНИЯ

1. ТАБЛИЦЫ

Таблица 1.

Суммарная характеристика погребального обряда кара-абызской культуры (в %)

№	признак	Частота встречаемости
Тип, объем и топография могильников		
1	бескурганный	100
2	поселение до 1км	100
3	от 10 до 50 погр.	6,5
4	более 50 погр.	9,6
5	более 200 погр.	86,2
6	расположение могил: рядами	4
7	гнездами	4,1
8	смешанное	13,2
9	бессистемное	78,7
Тип и глубина могильной ямы		
10	простая	100
11	стенка (и) обложены камнем	11,5
12	до 0,5 м	28,5
13	до 1 м	49,1
14	1-1,5 м	21,3
15	более 1,5 м	1,1
Тип захоронения, количество погребенных в могиле, их пол и поза		
16	ингумация	97,5
17	костей нет	1,4
18	один	97
19	два	1,1
20	мужской	15,5
21	женский	16,3
22	ребенок	18,3
23	не установлен	49,9
24	вытянуто на спине	75,1
25	руки вытянуты	2,6
26	одна на тазе	1,6
27	ноги вытянуты	1,7
28	одна нога согнута в колене	1,6
29	ноги согнуты и лежат на боку	3,6
30	поза не установлена	19,7
Ориентировка погребенных: по азимуту и относительно реки		
31	север	7,7

32	юг	3,6
33	восток	1,1
34	запад	14,6
35	северо-восток	6,4
36	северо-запад	34,8
37	юго-восток	7,3
38	юго-запад	16
39	не установлена	8,5
40	головой к реке	3,4
41	ногами к реке	10,7
42	вдоль по течению реки	15,5
Детали ритуала		
43	дощатый настил	8,2
44	кости животных в изголовье	28,8
45	кости животных у ног	3,6
46	местонахождение костей неизвестно	1,8
47	глиняный сосуд в заполнении могилы	3,1
48	глиняный сосуд в изголовье	7,8
49	глиняный сосуд на уровне пояса	2,3
50	глиняный сосуд у ног	16,8
51	жертвенный комплекс у ног	3,9
52	угли в могиле	1,8
53	астрагалы	4,7
Ассортимент погребального инвентаря		
54	удила	12,2
55	псалии	3,4
56	стрелы жел.	16,3
57	стрелы бронзовые	7,7
58	стрелы кост.	7,9
59	колчаный крючок	3,4
60	кинжал/меч	4,7
61	боевой нож	1,6
62	копье	17
63	накладки ремня зооморфные	6,7
64	поясные накладки	18,3
65	наконечник	10

	пояса	
66	поясная пряжка	19,2
67	пряжка кольцевая литая	6,4
68	пряжки других форм	15,5
69	пряжка железная	6,3
70	пояс целый	1,8
71	портупея	2,6
72	обоймы	28,1
73	большая круглая бляха / дисковидная	17,4
74	мелкие круглые бляшки	23,3
75	бляха с умбоном	2,7
76	детали обуви	1,8
77	подвески трапецевидные	13,2
78	витая височная подвеска	2
79	серьга-кольцо	2,4
80	перстень	9,8
81	браслет	2,4
82	гривна	3,7
83	1-5 бусин	16,5
84	ожерелье из бус	16,2
85	пронизки спиральные	2,7
Бытовые вещи		
86	нож	43,3
87	пряслице	1,7
88	костяная лопаточка	3,3
89	другие	2,6
90	без вещей	13
Всего погребений / комплексов:		700

Погребения с глубиной захоронения более 1,5 м.

№ п/п	Могильник, № погребения	Описание	Источник
1	Охлебининский, №362	Было обнаружено при прокопке и тщательной зачистке на глубине 120 см. Размеры могилы 230х90 см, глубина 170(50) см, ориентирована по линии СВ-ЮЗ. В СВ части у дна завалена несколькими большими камнями. Сильно раздавленный камнями и плохо сохранившийся костяк, по-видимому, женщины был ориентирован головой на СВ. Инвентарь. Плохо сохранившийся железный нож – за черепом; стеклянные темно-синие и гешировые бусы – на шее; одна поясная накладка, одна бронзовая бляшка с отверстием в центре и 5 бляшек с ушком на обороте – на поясе. В западном углу могила, в ногах костяка, на 20 см выше дна стояла глиняная неорнаментированная чаша с уплощенным дном, примесью песка в тесте	Отчет Пшеничникова А.Х. за 1981 г.
2	I Биктимировский могильник, №25	Могильная яма имела вытянутую по линии В-З форму, размеры 2,40х1 м, глубина 1,75 м. Погребение разграблено, северная стенка нарушена грабительским ходом. Сверху могильная яма была заполнена черноземом, внизу – черноземом, перемешанным с глиной. В засыпке могилы ближе ко дну встречены кости взрослого субъекта: бедренные и тазовые кости в середине могилы, череп в перевернутом положении у западной стенки. В засыпке же найдено – 4 черепка – 3 с растительной примесью и один с раковиной и обломок бронзовой бляшки.	Отчет Пшеничникова А.Х. за 1963 г.
3	I Биктимировский могильник, №29	Очертания могильной ямы прослеживались очень плохо. Могила была вытянута с востока на запад, приблизительные размеры 1,60 х 0,60 м, глубина 1,70 м. Костяк подростка плохой сохранности лежал на спине, вытянуто, головой на запад. Из вещей найдено: на шее 3 бусины – одна из синей пасты с глазками	Отчет Пшеничникова А.Х. за 1963 г.

		в белой окантовке и две из золоченого стекла округлой формы, железный нож слева на поясе, 5 бронзовых трехперых наконечников стрел, лежавших остриями вниз снаружи левой берцовой кости. На фаланге правой руки сохранились следы окиси меди – возможно был перстень	
4	I Биктимировский могильник, № 34	Обнаружено на глубине 1,75 м. Могила имела, видимо, вытянутую по линии В-З форму, сохранились лишь западная её часть длиной 1,30 м. На дне могилы хорошо сохранились остатки дерева волокнами вдоль, видимо, от деревянной подстилки – досок. От костяка сохранились лишь труха, положение его определить не удалось. Инвентарь отсутствует	Отчет Пшеничникова А.Х. за 1963 г.
5	I Биктимировский могильник, № 36	Обнаружено на глубине 1,30 м. Сохранился лишь восточный край могилы длиной 0,6 м, ориентированной, видимо, с востока на запад. Погребение по всей поверхности разграблено – кости ног взрослого человека лежали колодцем. Среди костей найдена одна бусина с полосатым разноцветным орнаментом	Отчет Пшеничникова А.Х. за 1963 г.
6	I Биктимировский могильник, № 38	Могилая яма вытянута по линии В-З. Северная стенка сильно нарушена грабительским ходом. Размеры 2,70 x 1,80 м, глубина 1,60 м. Погребение разграблено. Кости взрослого человека начали встречаться с глубины 1,30-1,40 м, в восточной половине найдены длинные кости ног в беспорядке, в середине – остатки черепа. Инвентарь. Железное копье было воткнуто острием вниз в юго-западном углу могилы на глубине 0,75 м. Возле остатков черепов найдена золотая височная подвеска в виде спирали. Здесь же один бронзовый трехперый наконечник стрелы. Еще 9 подобных наконечников обнаружено в различных частях могилы преимущественно в восточной половине, здесь же – две бронзовые бляшки с ушками на обороте. На дне могилы хорошо прослеживались остатки дерева волокнами вдоль. Дерево встречалось и в засыпке.	Отчет Пшеничникова А.Х. за 1963 г.
7	I Биктимировский могильник, № 39	На уровне материка (0,5 м) очертания могильной ямы обозначались очень четко. Могила имела вытянутую по	Отчет Пшеничникова А.Х. за 1963 г.

		линии ССВ-ЮЮЗ – подчетыреугольную форму с закругленными углами. Размеры на уровне материка 3,00 х 1,25 м. Стенки ямы слегка наклонные, так что размеры могилы у дна оставляли 2,70 х 1,00 м, глубина 1,90 м. Засыпка могилы сверху состояла из жирного чернозема, глубоко – из чернозема, перемешанного с глиной и песком. На дне могилы лежал костяк взрослого человека очень плохой сохранности. У ССВ стенки лежал полусгнивший череп лицом вверх. Из остальных костей сохранились лишь лучевые кости и бедра, расположенные в середине могилы. Судя по расположению сохранившихся частей скелета, первоначальное положение захороненного нам представляется как на спине, вытянуто, головой на ССВ. Костяк сопровождался богатейшим набором украшений, в том числе серебряных. Справа и слева у черепа находились височные кольца, состоящее из проволочной спирали в 1,5 оборота, покрытые золотой фольгой, и привески в виде кольца из широкой гофрированной золотой пластинки, на шее – очень богатый набор бус различной формы и материала, преимущественно рубленых гешировых и округлых из позолоченного стекла; на руках, ниже локтей – по одному спиральному браслету, на фалангах рук – по 3 перстня (всего 6) – 4 спиральные и 2 с широкими щитками. Между бедренными костями вдоль шли параллельно друг другу два широких ремня, украшенных гофрированными обоймами по 12 экземпляров на каждой стороне, чередующиеся тремя круглыми бляшками с двумя ушками на обороте. Оканчивались ремни массивными прорезными бляхами с изображением оленей. По обе стороны этих ремней шли по 4 узких ремешка, покрытых удлиненными гофрированными обоймами. Сверху ремешки были прикреплены к квадратным бляхам, внизу оканчивались трапецевидными подвесками по одной на каждом ремешке. Между этими украшениями	
--	--	---	--

		находилось большое количество бус, собранных нами в одну низку: рубленые гешировые, стеклянные позолоченные, голубые пастовые, синие и голубые с глазками и др. Севернее широких ремней находились подвески – лунницы 6 экземпляров. Справа и слева от них – трапециевидные подвески на ремешках, продетые сквозь спирали, около 10 экземпляров с каждой стороны, расположенные веером, в центре мелкие гофрированные обоймочки. Выше браслетов на лучевых костях лежали мелкие гладкие обоймочки и полушорные бляшки. С правой стороны костяка, параллельно описанным выше ремням лежал поясной ремень, украшенный 21 накладкой с изображением голов лошадей. Пояс оканчивался сверху двумя, снизу одной дисковидными бляхами с тонкими валиками и двумя отверстиями по краям. Южнее основного состава украшений, ниже бедренных костей спускались на ремешках, покрытых мелкими гофрированными обоймочками, две пары подвесок-колокольчиков, внутри трех колокольчиков находились бронзовые трехлопастные наконечники стрел, прикрепленные к ремешкам, а в одном – медное проволочное колечко. Между колокольчиками обнаружено две петлевидные подвески, несколько севернее найден железный нож плохой сохранности. Ближе к ЮЮЗ стенке, поперек могилы, шел ряд, в виде восьмерки, бронзовых гладких обойм в количестве 35 экземпляров и 3 бляшек с ушком и подобный ряд мелких обоймочек, в количестве около 75 экземпляров, расположенных парами. Среди этих обойм хорошо сохранились остатки кожаной (или меховой) одежды. Под костяком очень хорошо прослеживались остатки древесной коры	
8	I Биктимировский могильник, № 44	Разграблено. Могильная яма вытянута по линии В-3, северная стенка нарушена грабительским ходом. Размеры на уровне материка 2,60 x 1,30 м, на дне – 2,25 x 0,8 м, глубина 1,80 м. На дне могилы потревоженными лежали части скелета	Отчет Пшеничнюка А.Х. за 1963 г.

		взрослого человека: в западной половине лежал раздавленный череп лицом вверх, часть грудной клетки, правая рука, в восточной половине – берцовые кости правой ноги и обе ступни. Судя по расположению сохранившихся костей, первоначальное положение умершего представляется нам как на спине, вытянуто, головой на запад. Инвентарь. У правой ступни лежал железный наконечник копья острием вниз, у левой ступни, в кучке остриями вниз – 20 бронзовых трехлопастных наконечников стрел	
--	--	---	--

Парные погребения

№ п/п	Могильник, № погребения	Описание	Источник
1	Охлебининский, №41	В черноземе на глубине 70 см. Костяк подростка лежал на спине, вытянуто, головой на ЮЮЗ, у ступни правой ноги обнаружены остатки черепа ребенка плохой сохранности. Ниже ступней ног костяка 1 (подросток) стояла глиняная чаша, справа на уровне таза – 2 астрагала.	Отчет Пшеничнюка А.Х. за 1965 г.
2	Охлебининский, №43	Размеры 220х90х100 см. На дне могильной ямы лежало два костяка на спине, вытянуто, головой на СЗЗ. <u>Инвентарь костяка 1.</u> Стекланные бусы – на шее, глиняное пряслице, очень плохо сохранившееся – справа у черепа; дисковидная бляха – на поясе; по обе стороны бляхи – 5 поясных накладок; 49 бронзовых обоймочек – ниже ступней ног. <u>Инвентарь костяка 2.</u> Каменное пряслице – за черепом; бусы из стекла, кости и сердолика – на шее; 2 дисковидные бляхи, железный крючок и 9 поясных накладок лицевой стороной вниз – на поясе. Много бронзовых украшений находилось на голених: 2 трапециевидные подвески, 4 больших и 15 мелких круглых бляшек с ушком на обороте, 97 мелких обоймочек. У восточной стенки на 20 см выше дна могильной ямы стоял глиняной горшок. Возле горшка на дне могилы найден бронзовый спиральный перстень, у западной стенки за головами костяков – тазовая кость животного и 2 железных ножа. На бронзовых украшениях обоих костяков сохранилась древесная кора.	Отчет Пшеничнюка А.Х. за 1965 г.
3	Охлебининский, №50	Прорезало погр. 51. Размеры 175х70х100 см. На дне могилы лежало два скелета (ребенка и подростка), на спинах, вытянуто, головами на СЗ. Кости сохранились плохо. <u>Инвентарь костяка 1 (ребенка):</u> кость животного и железный нож – за черепом; бусы – на шее; 2 бронзовые пряжки, железные удила с костяными псалиями,	Отчет Пшеничнюка А.Х. за 1965 г.

		бусы, аналогичные тем, что на шее, и 3 маленьких бронзовых обоймочки – ниже ступней ног. <u>Инвентарь костяка 2</u> (подростка): бронзовая пряжка, подвеска и железный нож – на поясе; железный наконечник копья – у левого колена; 11 железных наконечников стрел – в восточном углу могилы; круглая бляшка – у правой ступни.	
4	Охлебининский, №78	Размеры 230х120х120 см. Стенки могилы у дна обложены большими камнями. Костяк лежал на спине, вытянуто, головой на ССЗ, на уровне таза слева лежал очень плохо сохранившийся костяк ребенка, также, вероятно, на спине, вытянуто, головой на ССЗ. <u>Инвентарь костяка 1</u> : серебряная височная подвеска – слева у черепа; золотая височная подвеска – под черепом; гешировые бусы – на шее; кости животного – у восточной стенки на уровне груди; бронзовые накладки ремня – под тазовыми костями; дисковидная бляха – ниже таза на правом бедре; в два ряда 133 бронзовых узких обоймочек, 4 бронзовых бляшки с ушком на обороте, каменное пряслице – ниже ступней ног, у южной стенки. В ЮВ углу найдена раздавленная глиняная чаша. В области шеи <u>костяка 2</u> (ребенок) найдено 3 стеклянных бусины. На бронзовых украшениях и под ними сохранилась древесная кора.	Отчет Пшеничникова А.Х. за 1965 г.
5	Охлебининский, №91	Размеры 230х145х130 см. На дне лежало два костяка взрослых людей, на спинах, вытянуто, головами на ЮЗ. Кости имели плохую сохранность. <u>Инвентарь костяка 1</u> (ЮВ стенки): кость животного и железный нож – у левого плеча; железная пряжка – слева на поясе; костяная лопаточка, костяная пряжка, железные удила, полностью разрушенные – ниже ступней ног. <u>Инвентарь костяка 2</u> (у СЗ стенки): бронзовая пряжка, железный наконечник копья – на поясе; 15 наконечников стрел – между бедренными костями, у колен; железные удила, очень плохо сохранившиеся, 2 железные пряжки, полностью разрушенные – ниже правой ступни.	Отчет Пшеничникова А.Х. за 1965 г.

		Между костяками на уровне черепа костяка 1 и ступней ног прослеживались неглубокие ямки диаметром 15 см.	
6	Охлебининский, №99	Размеры 215х160х110 см. На дне могилы лежало два костяка, на спинах, вытянуто, головами на ССЗ. У костяка 2 (у восточной стенки) правая нога сильно согнута в колене и лежит на левом бедре. <u>Инвентарь костяка 1</u>: железный нож, каменное пряслице – справа у черепа; височные колечки – по одному справа и слева у черепа; бусы – на шее; кости животного – у правого локтя; дисковидная бляха – на правой тазовой кости, отверстия в бляхе были закрыты маленькими круглыми бляшками с ушком на обороте; 4 накладки пояса – возле дисковидной бляхи, на поясе, лицевой стороной вниз; 22 бронзовые удлиненные накладки с двумя перехватами – у правой и левой голеней, две бронзовые, круглые бляшки – на левой ступне. <u>Инвентарь костяка 2</u>: железный нож и кость животного – выше черепа; височная подвеска – под черепом; бусы и 10 маленьких бронзовых бляшек с ушком на обороте – на шее; дисковидная бляха – на поясе, отверстие в бляхе закрыто маленькой бляшкой с ушком на обороте; 7 бронзовых накладок – рядом с бляхой на поясе, лицевой стороной вниз; глиняное пряслице, очень плохой сохранившееся - у левого локтя; две трапециевидные подвески, круглая плоская бляшка с отверстием в центре, 13 маленьких круглых бляшек с ушком на обороте, 10 удлиненных обоймочек – ниже ступней ног. На бронзовых украшениях сохранилась древесная кора.	Отчет Пшеничнюка А.Х. за 1965 г.
7	Охлебининский, №77	Захоронено над погребением 80. Размеры могильной ямы 240х145 см, глубина 80 см, в материк могила была углублена на 10 см, но большая часть ее приходилась на могилу более раннего погребения 80 и осела на 20 см. Параллельно друг другу лежали костяки взрослых мужчины и женщины, на спине, вытянуто, головами на ЮВВ. Костяк мужчины полностью лежал над	Отчет Пшеничнюка А.Х. за 1980 г.

		погребением 80, кости его находились в анатомическом порядке. Костяк женщины оказался уложенным на стенку ранней могилы, поэтому правая часть его лежит на материковом дне, как бы на ступеньке, а левая спустилась в засыпку погребения 80 на 20 см, до уровня мужского скелета. <u>Инвентарь костяка I (женщины).</u> Кость животного и железный нож – слева у черепа; поясная бляха с 2-мя отверстиями по краям и 6 накладок с изображением голов лошадей – на поясе. У западной стенки могилы, на уровне материка найдены фрагменты раздавленного глиняного сосуда чашевидной формы, без орнамента, с примесью песка в тесте, высотой 12 см. <u>Инвентарь костяка II (мужчины).</u> Поясная бронзовая пластинчатая пряжка с неподвижным крючком – на поясе; 33 накладки из зубов медведя – на поясе в 2 ряда (снизу и сверху костяка); железный наконечник копья – левого предплечья острием к черепу; железный нож, оселок, бронзовая бляшка – ниже крестца; 10 железных трехлопастных черешковых и 6 костяных втульчатых наконечников стрел – между ступнями ног, остриями вниз; бронзовая кольцевая пряжка с обоймой – под левой ступней.	
8	Охлебининский, №210	Размеры могилы 230х120 см, глубина 60(35) см. Два мужских костяка лежали рядом друг с другом головами на ССЗ. <u>Инвентарь костяка I (западного).</u> Светло-голубая глазчатая бусина – на шее; бронзовая круглая пластинчатая пряжка с неподвижным крючком и накладки из зубов медведя – на поясе; конусовидная костяная подвеска – на поясе; бронзовая бляшка с ушком на обороте и железный нож – ниже крестца; железный меч с бронзовым наконечником ножен – вдоль правого бедра; бронзовая ажурная пряжка с неподвижным крючком – возле рукояти меча; железный наконечник копья – у правой ступни, острием к черепу; костяная кольцевидная пряжка с неподвижным крючком – на правой ступне; 2 обувные бронзовые пряжки с неподвижными крючками – между	Отчет Пшеничнюка А.Х. за 1981 г.

		ступнями ног. <u>Инвентарь костяка II</u> (восточного). Кость животного – за черепом; железная пряжка с подвижным язычком и песчаниковый оселок – на поясе; железный однолезвийный меч длиной 80 см – вдоль левой руки; железные удила с кольчатыми псалиями – ниже левой кисти; обломок бронзовой ажурной пряжки – возле конца клинка меча; костяная трубочка – у левой ступни.	
--	--	--	--

Погребения, содержащие три и более костяка

<i>№ п/п</i>	<i>Могильник, № погребения</i>	<i>Описание</i>	<i>Источник</i>
1	Охлебининский, №9	Выявлено в слое чернозема на глубине 50 см. Костяк взрослого человека лежал на спине, вытянуто, головой на ССЗ. Возле черепа слева находился костяк ребенка 6-7 лет (костяк 2), также головой на ССЗ. Костяк 3, также ребенка (4-5 лет) лежал ниже ступней ног взрослого скелета, перпендикулярно ему, головой на запад. <u>Инвентарь</u> костяка I, взрослого. Фрагменты большого глиняного сосуда без орнамента с примесью песка в тесте – у черепа справа; железный нож – рядом с обломками сосуда; височная подвеска трапециевидной формы – справа у черепа; бронзовое височное колечко – слева у черепа; стеклянные бусы с внутренней позолотой, округлой формы, сердечком 2-4 членные – на шее; 3 поясные накладки с изображением голов лошадей, 2 маленьких бронзовых бляшки с ушком на обороте, остатки железного крючка – на поясе; песчаниковое плоское пряслице и астрогол – у правого тазобедренного сустава. Возле костяка 2, слева лежала кость мелкого животного. В ногах костяка 3 – глиняный сосуд чашевидной формы, с уплощенным дном, в тесте примесь песка, по плечикам орнаментирован одним рядом насечек, высота 10,5 см.	Отчет Пшеничнюка А.Х. за 1980 г.

2	Охлебнинский, №74	Обнаружен в черноземе, на глубине 50 см, где лежали 3 костяка: взрослая женщина, на спине, вытянуто, головой на ЮВ и слева от нее – 2 детских костяка плохой сохранности в том же положении и с той же ориентировкой. <u>Инвентарь костяка I (женщины).</u> Височная подвеска в виде знака вопроса, очень плохо сохранившаяся – у левого виска; 2 маленьких бронзовых обоймочки и круглая бляшка – у правого плеча – у правого плеча; ожерелье из бус (58 шт.): 5 бус из голубоватой египетской пасты (3 аморфные подвески, одна округлая ребристая и одна в виде скарабея), остальные стеклянные (2 мозаичных, 3 темно-синих с белыми глазками, темно-синий, желтый, голубой бисер и др.) – на шее; ожерелье из 6 бронзовых ажурных пронизок – на груди в один ряд; поясная бляха с двумя отверстиями по краям и 8 накладок с изображением голов лошадей – на поясе; под бляхой лежал железный крючок; 2 бронзовые пронизки и ремешки украшенные мелкими обоймочками (30 шт.) – ниже пояса; в области тазовых костей: 2 трапециевидные подвески вырезанные из поясных блях, подвешивавшихся на узких ремешках, украшенных круглыми бляшками (4 шт.) и обоймочками (28 шт.) – ниже левой ступни. На шее <u>костяка II</u> найдено 10 бусинок: одна округлая ребристая из светло-зелёной египетской пасты и 9 стеклянных мелких желтого, зеленого, синего цветов, одна из них двучленная. 5 аналогичных маленьких бусинок встречено в области шеи <u>костяка III</u>. Слева у черепа этого костяка лежало 6 астрагалов с боковыми отверстиями, 2 таких же астрагала находились в области грудной клетки.	Отчет Пшеничнюка А.Х. за 1980 г.
3	Охлебнинский, №356	Размеры могилы 200x100 см, глубина 85 (25) см. В могиле было <u>4 костяка</u>, ориентированных головами на север. Костяк I (западный) лежал на спине с подогнутыми в правую сторону ногами; Костяк II (восточный) имел обычное положение; Костяк III (ребенок) находился в	Отчет Пшеничнюка А.Х. за 1981 г.

		промежутке между костяками I и II, рядом с ним плохо сохранившиеся кости грудного ребенка, лежавшего параллельно ему, также головой на север. Черепная коробка костяка II отсутствовала, на месте была лишь нижняя челюсть, а кости черепной коробки в раздавленном виде лежали в ногах у восточной стенки. <u>Инвентарь костяка I.</u> Глиняный неорнаментированный сосуд с примесью песка в тесте, полностью раздавлен, реконструкции не поддается – на грудной клетке, справа; костяная пластинчатая пряжка прямоугольной формы – на поясе; 7 астрагалов с боковыми сверлинами – у левого локтя. <u>Инвентарь костяка II.</u> 4 астрагала – у левого плеча; костяная пластинчатая пряжка круглой формы – на поясе; железная кольцевая пряжка – на крестце. Возле <u>костяка III</u> вещей не было, а у черепа <u>костяка IV</u> найдено 9 астрагалов со сверлинами сбоку.	
4	III Биктимировский №13	Могильная яма вытянута по линии В – З. Размеры 180х140 см, глубина 80 см. На дне могилы лежало три костяка взрослых людей, на спинах, вытянуто, головами на восток. Кисти рук костяка I (у северной стенки) покоились на бедрах, у остальных – вытянуты. <u>Инвентарь</u> представлен в основном бронзовыми наконечниками стрел. При <u>костяке I</u> найдено 7 наконечников: 5 между коленными суставами и один слева у черепа; при <u>костяке II</u> два наконечника: один слева у черепа, другой – между коленными суставами; при костяке III – два наконечника: один на груди, справа и один снаружи левого бедра. Возле <u>костяка III</u> у левой кисти найдены медная бляшка и обломок кости животного.	Отчет Пшеничнюка А.Х. за 1964 г.

**Сравнительная характеристика по ассортименту инвентаря грунтовых
могильников V-II вв. до н.э.²⁴**

<i>признак</i>	<i>Зуевский</i>		<i>Уяндык I</i>		<i>Уфимский</i>		<i>Биктимирово</i>	
Топор	47	20%*	0	0	0	0	0	0
Нак. стр.	38	17%	15	25%	9	32%	14	29%
Копье	25	11%	2	3%	3	10%	4	0,8%
Оселок	7	3%	0	0	0	0	0	0
Кинжал	5	2%	3	5%	0	0	3	6%
Удила	2	0,9%	2	3%	0	0	1	2%
Нож	35	16%	9	15%	8	28%	+	+
Пряслице	4	2%	0	0	0	0	0	0
Гривна	8	3%	0	0	5	17%	0	0
Зеркало	5	2%	0	0	0	0	+	+
Бусы	14	6%	13	22%	1	3%	15	32%
Серьги	13	6%	14	24%	7	25%	15	32%
Обоймы	10	5%	8	13%	5	8%	+	+
Перстень	3	1%	3	5%	3	10%	10	21%
Бляшки	10	5%	9	15%	1	3%	?	?
Пряжи	1	0,4%	17	29%	6	21%	+	+
П. наклад.	+	+	6	10%	0	0	+	+
Браслет	1	0,4%	0	0	2	7%	2	4%

* процент вычисляется от общего числа погребенных на могильнике

²⁴ Таблица из статьи Овсянникова В.В., Яминова А.Ф. Исследования могильника у Чертова городища в Уфе (1911-1912 гг.) // Уфимский археологический вестник. Вып. 4. 2003. С. 28.

Суммарная характеристика половозрастных групп, в том числе погребений где пол и возраст не определен (в %%)²⁵

№ признака		Частота встречаемости			
		Мужские	Женские	Детские	Пол и возраст не определен
Тип, объем и топография могильников					
1	бескурганный	100	100	100	100
2	поселение до 1км	100	100	100	100
3	от 10 до 50 погр.	1	-	3,1	11,7
4	более 50 погр.	1	-	7	16,5
5	более 200 погр.	98	100	90,7	71,8
6	расположение могил: гнездами	1	-	2,3	7,1
7	смешанное	11	5,2	21	13,4
8	бессистемное	88	94,8	76,7	79,5
Тип и глубина могильной ямы					
9	простая	100	100	100	100
10	стенка (и) обložены камнем	16,2	14	5,4	11,4
11	до 0,5 м	19	23,5	49,6	25
12	до 1 м	60,4	59,1	42,6	44,7
13	1-1,5 м	20,7	16,5	7,7	27,9
14	более 1,5 м	-	0,8	-	2
Тип захоронения, количество погребенных в могиле, их пол и поза					
15	ингумация	99	100	100	95,4
16	костей нет	-	-	-	2,8
17	один	95,5	97,4	96,1	96
18	два	1,8	0,8	2,3	1,1
19	мужской	100	-	-	-
20	женский	-	100	-	-
21	ребенок	-	-	100	-
22	не установлен	-	-	-	100
23	вытянуто на спине	92	89,5	53,4	73,2

²⁵ Ассортимент и содержание признаков погребального обряда, в том числе половозрастные характеристики, определяются исключительно теми сведениями, которые приводят исследователи памятников в своих научных отчетах или публикациях.

24	руки вытянуты	2,7	2,6	1,5	2,8
25	одна на тазе	1,8	2,6	0,7	1,4
26	ноги вытянуты	3,6	1,7	1,5	1,1
27	одна нога согнута в колене	3,6	0,8	-	1,7
28	ноги согнуты и лежат на боку	-	10,4	-	3,4
29	поза не установлена	7,2	6	42,6	23,6
Ориентировка погребенных: по азимуту и относительно реки					
30	север	9	9,6	7,7	7,1
31	юг	2,7	2,6	5,4	3,4
32	восток	1,8	0,8	1,5	0,8
33	запад	14,4	8,7	17,8	15,4
34	северо-восток	7,2	7,8	4,6	6,3
35	северо-запад	41,4	39,1	27,1	33
36	юго-восток	8,1	13,1	9,3	5,1
37	юго-запад	16,2	18,3	15,5	15
38	не установлена	-	-	7	14,2
39	головой к реке	1,8	0,8	6,2	4
40	ногами к реке	-	-	13,2	16,5
41	вдоль по течению реки	9,9	4,4	21,7	17,9
Детали ритуала					
42	дощатый настил	1,8	10,4	0,7	12,5
43	кости животных в изголовье	48,6	47,8	13,9	21,4
44	кости животных у ног	1,8	6,9	1,5	3,7
45	местонахождение костей неизвестно	6,3	1,7	1,5	0,8
46	глиняный сосуд в заполнении могилы	5,4	6	1,5	1,7
47	глиняный сосуд в изголовье	10	8,7	9,3	6,3
48	глиняный сосуд на уровне пояса	2,7	1,8	3,9	2,3
49	глиняный сосуд у ног	28,8	27,8	10,8	12
50	жертвенный комплекс у ног	-	19,1	-	1,4
51	угли в могиле	0,9	-	0,7	3,1
52	астргалы				
Ассортимент погребального инвентаря					
53	удила	44,1	-	0,7	10
54	псалии	13,5	-	0,7	2
55	стрелы жел.	56,7	0,8	0,7	14,2

56	стрелы бронзовые	9	-	-	12,5
57	стрелы кост.	3	0,8	1,5	6
58	колчанный крючок	15,3	-	-	2
59	кинжал/меч	12,6	-	-	5,1
60	боевой нож	5,4	-	-	1,4
61	копье	61,3	0,8	1,5	14
62	накладки ремня зооморфные	1,8	7,8	2,3	9,7
63	поясные накладки	15,3	67	6,2	8,5
64	наконечник пояса	7,2	23,5	2,3	9,7
65	поясная пряжка	8,1	65,2	6,2	13,1
66	пряжка кольцевая литая	27	-	0,7	3,7
67	пряжки других форм	52,5	1,7	4,6	12,5
68	пряжка железная	19	0,8	2,3	6
69	пояс целый	0,9	3,4	-	2,3
70	португепя	-	5,2	-	3,4
71	обоймы	17,1	53	27,1	24,5
72	большая круглая бляха / дисконидная			3,7	20,7
73	мелкие круглые бляшки	20,7	36,8	17,8	21,4
74	бляха с умбоном	1,8	7	2,3	1,7
75	детали обуви	1,8	2,6	2,3	1,4
76	подвески трапецевидные	3,6	38,3	9,3	10
77	витая височная подвеска	1,8	3,5	1,6	2,7
78	серьга-кольцо	-	1,7	2,3	3,1
79	перстень	1,8	20,8	1,5	11,7
80	браслет	0,9	-	3,8	3,1
81	гивна	0,9	6,9	0,7	4,3
82	1-5 бусин	14,4	17,4	20,1	15,4
83	ожерелье из бус	0,9	55	7	11,7
84	пронизки спиральные	-	-	1,5	4,8
Бытовые вещи					
85	нож	74	6	10	40
86	пряслице	-	4,3	-	2
87	костяная лопаточка	7,2	-	2,3	3,4
88	другие	1,8	-	2,3	3,4
89	без вещей	0,9	-	34,9	13,1
Всего погребений / комплексов:		109	115	129	347

Сравнительный анализ погребального обряда половозрастных групп

№	признак	Норма распределения	Тенденция признака		
			Мужские	Женские	Детские
Тип, объем и топография могильников					
1	бескурганный	100	1 ²⁶	1	1
2	поселение до 1 км	100	1	1	1
3	от 10 до 50 погр.	1,4	0,7	-	2,2 ²⁷
4	более 50 погр.	2,7	0,4	-	2,6
5	более 200 погр.	96,2	1,02	1,04	0,9
6	расположение могил: гнездами	1,1	0,9	-	2,09
7	смешанное	12,4	0,9 ²⁸	0,4	1,7
8	бессистемное	86,5	1,02	1,09	0,9
Тип и глубина могильной ямы					
9	простая	100	1	1	1
10	стенки обложены камнем	11,9	1,4	1,2	0,5-
11	до 0,5 м	30,7	0,6	0,8	1,6
12	до 1 м	54	1,1	1,09	0,8
13	1-1,5 м	15	1,38	1,1	0,5
14	более 1,5 м	0,3	-	2,7	-
Тип захоронения, количество погребенных в могиле, их пол и поза					
15	ингумация	99,7	1	1,03	1,03
16	костей нет	-	-	-	-
17	один	96,3	1	1,01	1
18	два	1,6	1,1	0,5	1,4
19	мужской	33,3	3	-	-
20	женский	33,3	-	3	-
21	ребенок	33,3	-	-	3
22	не установлен	-	-	-	-
23	вытянуто на спине	78,3	1,2	1,1	0,7
24	руки вытянуты	2,3	1,2	1,1	0,6
25	одна на тазе	1,7	1,06	1,5	0,4
26	ноги вытянуты	2,3	1,6	0,7	0,6
27	одна нога согнута в колене	1,5	2,4	0,5	-
28	ноги согнуты и лежат на боку	3,5	-	2,9	-
29	поза не установлена	18,6	0,4	0,3	2,3

²⁶ Всеобщие признаки выделены полужирным шрифтом.

²⁷ Частные признаки, каждой из половозрастных групп выделены полужирным курсивом.

²⁸ Локальные признаки выделены курсивом.

Ориентировка погребенных: по азимуту и относительно реки					
30	север	8,8	1,02	1,09	0,87
31	юг	3,6	0,75	0,7	1,5
32	восток	1,4	1,3	0,6	1,07
33	запад	13,6	1,06	0,6	1,3
34	северо-восток	6,5	1,1	1,2	0,7
35	северо-запад	35,9	1,2	1,08	0,7
36	юго-восток	10,2	0,8	1,3	0,9
37	юго-запад	16,7	0,9	1,09	0,9
38	не установлена	2,3	-	-	3,04
39	головой к реке	2,9	0,6	0,3	2,1
40	ногами к реке	4,4	-	-	3
41	вдоль по течению реки	12	0,8	0,4	1,8
Детали ритуала					
42	дощатый настил	4,3	0,4	2,4	0,2
43	кости животных в изголовье	36,8	1,3	1,3	0,4
44	кости животных у ног	3,4	0,5	2,03	0,4
45	местонахождение костей неизвестно	3,2	1,9	0,5	0,5
46	глиняный сосуд в заполнении могилы	4,3	1,3	1,4	0,3
47	глиняный сосуд в изголовье	9,3	1,07	0,9	1
48	глиняный сосуд на уровне пояса	2,8	0,9	0,6	1,4
49	глиняный сосуд у ног	22,5	1,28	1,2	0,48
50	жертвенный комплекс у ног	6,4	-	2,98	-
51	угли в могиле	0,5	1,8	-	1,4
52	астрагалы				
Ассортимент погребального инвентаря					
53	удила	14,9	2,9	-	0,05
54	псалии	4,7	2,9	-	0,1
55	стрелы жел.	19,4	2,9	0,04	0,04
56	стрелы бронзовые	3	3	-	-
57	стрелы кост.	1,8	1,7	0,4	0,8
58	колчаный крючок	5,1	3	-	-
59	кинжал/меч	4,2	3	-	-
60	боевой нож	1,8	3	-	-
61	копье	21,2	2,9	0,04	0,07
62	накладки ремня зооморфные	4	0,45	1,95	0,6
63	поясные	29,5	0,5	2,3	0,2

	накладки				
64	наконечник пояса	11	0,6	2,1	0,2
65	поясная пряжка	26,5	0,3	2,5	0,2
66	пряжка кольцевая литая	9,2	2,9	-	0,08
67	пряжки других форм	19,6	2,7	0,09	0,2
68	пряжка железная	7,4	2,6	0,1	0,3
69	пояс целый	1,4	0,6	2,4	-
70	португез	1,7	-	3,06	-
71	обоймы	32,4	0,5	1,6	0,8
72	большая круглая бляха / дисковидная	1,2	-	-	3,08
73	мелкие круглые бляшки	25,1	0,8	1,5	0,7
74	бляха с умбоном	3,7	0,5	1,9	0,6
75	детали обуви	2,2	0,8	1,2	1,04
76	подвески трапецевидные	17	0,2	2,3	0,5
77	витая височная подвеска	2,3	0,8	1,5	0,7
78	серьга-кольцо	1,3	-	1,3	1,8
79	перстень	8	0,2	2,6	0,2
80	браслет	1,6	0,6	-	2,4
81	гривна	2,8	0,3	2,5	0,25
82	1-5 бусин	17,3	0,8	1	1,2
83	ожерелье из бус	21	0,04	2,6	0,3
84	пронизки спиральные	0,5	-	-	3
Бытовые вещи					
85	нож	30	2,5	0,2	0,3
86	пряслице	1,4	-	3	-
87	костяная лопаточка	3,2	2,25	-	0,7
88	другие	1,4	1,3	-	1,6
89	без вещей	11,9	0,07	-	2,9
Всего погребений:			109	115	129

Сравнительный анализ погребального обряда половозрастных групп, после корректировки по полу и возрасту

№	признак	Норма распределения	Тенденция признака		
			Мужские	Женские	Детские
Тип, объем и топография могильников					
1	бескуртанный	100	1²⁹	1	1
2	поселение до 1 км	100	1	1	1
3	от 10 до 50 погр.	2,5	0,24	1,6	1,16
4	более 50 погр.	8,3	1,07	1,04	0,9
5	более 200 погр.	87,6	0,9	0,9	1,03
6	расположение могил: гнездами	3,2	1,3 ³⁰	1	0,7
7	смешанное	14,2	0,9	0,7	1,4³¹
8	бессистемное	82,6	1	1	0,9
Тип и глубина могильной ямы					
9	простая	100	1	1	1
10	стенки обложены камнем	12,2	1,6	1	0,4
11	до 0,5 м	29,6	0,5	0,75	1,7
12	до 1 м	49,5	1	1	0,8
13	1-1,5 м	19,9	1,5	1,1	0,4
14	более 1,5 м	0,9	2,1	1	-
Тип захоронения, количество погребенных в могиле, их пол и поза					
15	ингумация	99,2	1	1	1
16	костей нет	0,9	2	1	-
17	один	96,8	1	1	0,9
18	два	1,5	0,6	0,9	1,5
19	мужской	33,3	3	-	-
20	женский	33,3	-	3	-
21	ребенок	33,3	-	-	3
22	не установлен	-	-	-	-
23	вытянуто на спине	75,7	1,1	1,1	0,7
24	руки вытянуты	2,9	1,1	1,4	0,5
25	одна на тазе	1,5	1,3	1,2	0,5
26	ноги вытянуты	1,9	1,5	0,7	0,8
27	одна нога согнута в колене	1,5	1,9	1,2	-
28	ноги согнуты и лежат на баку	3,5	0,8	2,2	-
29	поза не установлена	21,3	0,5	0,5	1,9

²⁹ Всеобщие признаки выделены полужирным шрифтом.

³⁰ Локальные признаки выделены курсивом.

³¹ Частные признаки, каждой из половозрастных групп выделены полужирным курсивом.

Ориентировка погребенных: по азимуту и относительно реки					
30	север	8,1	0,9	1,2	0,9
31	юг	3,7	1	0,6	1,4
32	восток	1,2	0,75	0,3	1,8
33	запад	16,3	1	0,8	1,1
34	северо-восток	5,9	1,3	1	0,7
35	северо-запад	34,6	1,1	1,1	0,8
36	юго-восток	7,7	0,6	1,2	1,1
37	юго-запад	16,4	1	1	0,9
38	не установлена	5,8	1,4	0,5	1,1
39	головой к реке	8,2	0,6	1,6	0,7
40	ногами к реке	11,9	1,2	0,6	1,2
41	вдоль по течению реки	14,3	0,9	0,6	1,5
Детали ритуала					
42	дощатый настил	8,3	0,9	2	0,08
43	кости животных в изголовье	29,8	1,3	1,3	0,4
44	кости животных у ног	3,5	0,8	1,5	0,6
45	местонахождение костей неизвестно	2,1	1,3	0,6	1
46	глиняный сосуд в заполнении могилы	3,1	1,3	1,2	0,5
47	глиняный сосуд в изголовье	8,1	0,8	1	1
48	глиняный сосуд на уровне пояса	2,1	0,7	0,6	1,8
49	глиняный сосуд у ног	17,4	1,2	1,2	0,6
50	жертвенный комплекс у ног	4	-	3,05	-
51	угли в могиле	1,5	1,9	0,6	0,5
52	астрагалы				
Ассортимент погребального инвентаря					
53	удила	13,3	2,9	0,07	0,05
54	псалии	3,7	2,8	-	0,2
55	стрелы жел.	17,7	2,9	-	0,04
56	стрелы бронзовые	6,6	2,6	0,4	-
57	стрелы кост.	8,5	2,8	0,04	0,2
58	колчаный крючок	3,8	3	-	-
59	кинжал/меч	5	3	-	-
60	боевой нож	2,1	2,5	0,6	-
61	копье	18,7	2,9	-	0,08
62	накладки ремня зооморфные	7,4	0,07	2,6	0,3
63	поясные	19,8	0,5	2,2	0,3

	накладки				
64	наконечник пояса	11	1	1,8	0,2
65	поясная пряжка	21	0,6	2	0,3
66	пряжка кольцевая литая	6,9	2,6	0,3	0,1
67	пряжки других форм	16,3	2,3	0,4	0,3
68	пряжка железная	6,5	2,5	0,1	0,3
69	пояс целый	2	0,45	2,5	-
70	португез	2,7	-	1,1	-
71	обоймы	31,4	0,5	1,7	0,8
72	большая круглая бляха / дисковидная	8,1	-	2,3	0,7
73	мелкие круглые бляшки	25,6	0,6	1,7	0,7
74	бляха с умбоном	3,2	0,4	1,8	0,7
75	детали обуви	2,3	1,2	0,8	0,9
76	подвески трапецевидные	14,7	0,09	2,3	0,6
77	витая височная подвеска	2,3	-	2,3	0,6
78	серьга-кольцо	1,5	-	1,5	1,5
79	перстень	10,4	0,5	2,3	0,1
80	браслет	2,9	0,5	1,2	1,3
81	гривна	3,7	0,1	2,7	0,2
82	1-5 бусин	17,7	0,6	1,3	1
83	ожерелье из бус	18,2	0,05	2,5	0,4
84	пронизки спиральные	3,6	-	2,6	0,4
Бытовые вещи					
85	нож	44	1,6	1,2	0,2
86	пряслице	1,8	-	3	-
87	костяная лопаточка	3,4	2,3	-	0,6
88	другие	1,9	1,2	0,7	1,1
89	без вещей	11,3	0,08	-	2,9
Всего погребений:			212	222	136

Шкала Чеддока (корреляция и сила связи)

Величина коэффициента корреляции	0.1 – 0.3	0.3 – 0.5	0.5 – 0.7	0.7 – 0.9	0.9 – 1.0
Характеристика силы связи	слабая	умеренная	заметная	высокая	весьма высокая

средняя

сильная

2. ИЛЛЮСТРАЦИИ

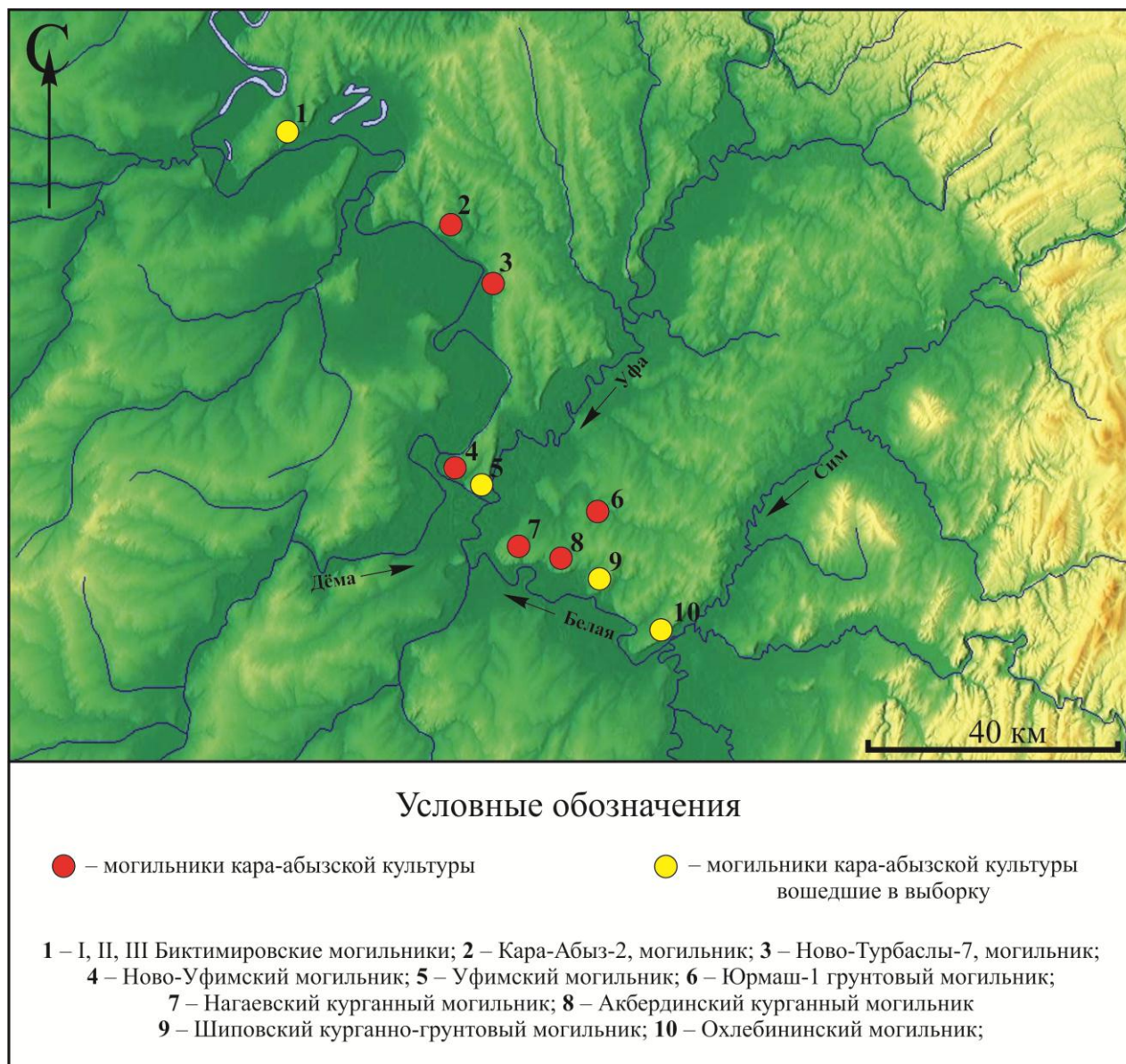

Рис. 1. Карта погребальных памятников кара-абызской археологической культуры.

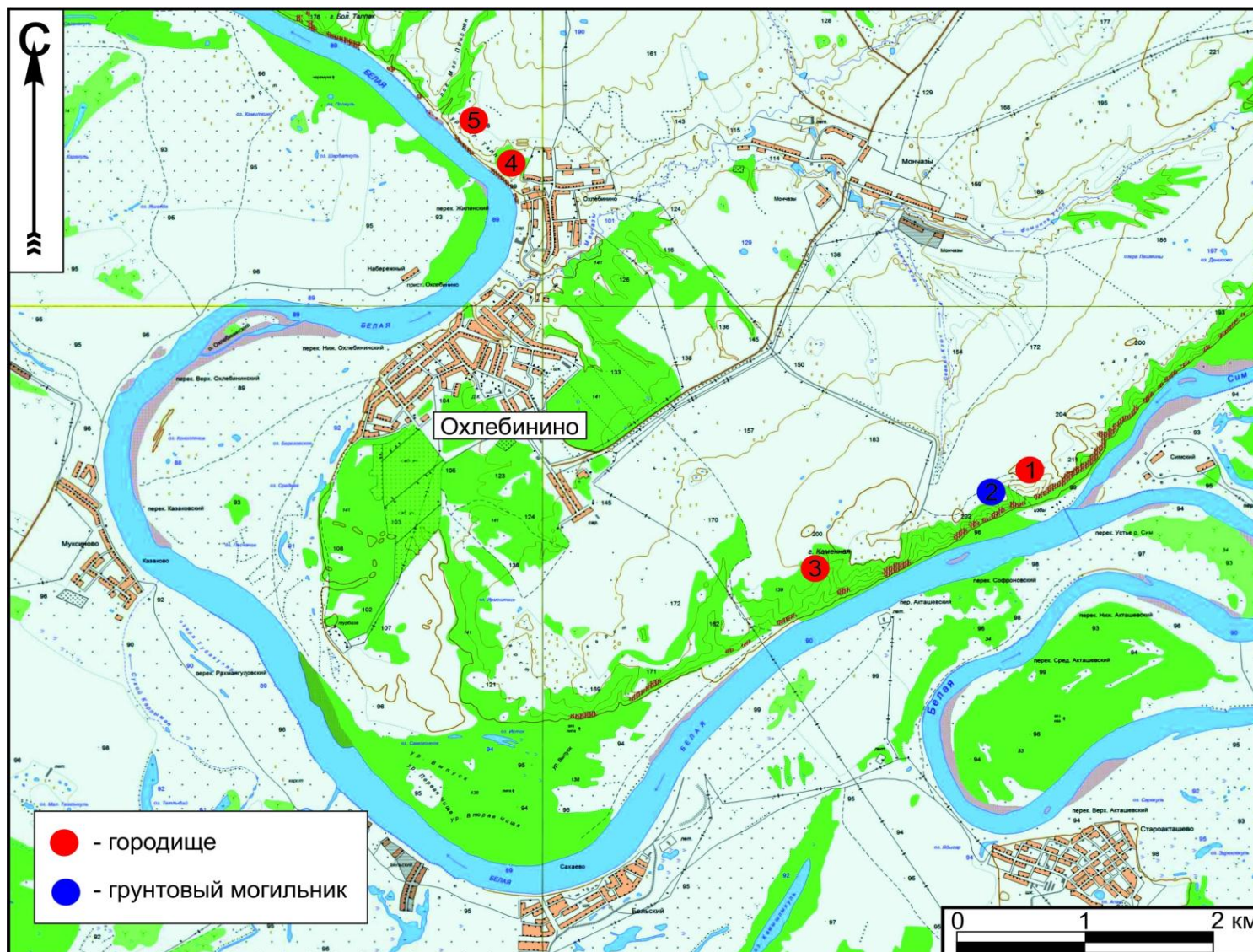

Рис. 2. Иглинский район РБ. Ситуационная карта Охлебининского комплекса памятников: 1-Охлебининское городище (Охлебино-II городище); 2-Охлебининский могильник; 3-Охлебининское III городище; 4-Городище (Охлебининское I городище); 5-Малый Колпак городище.

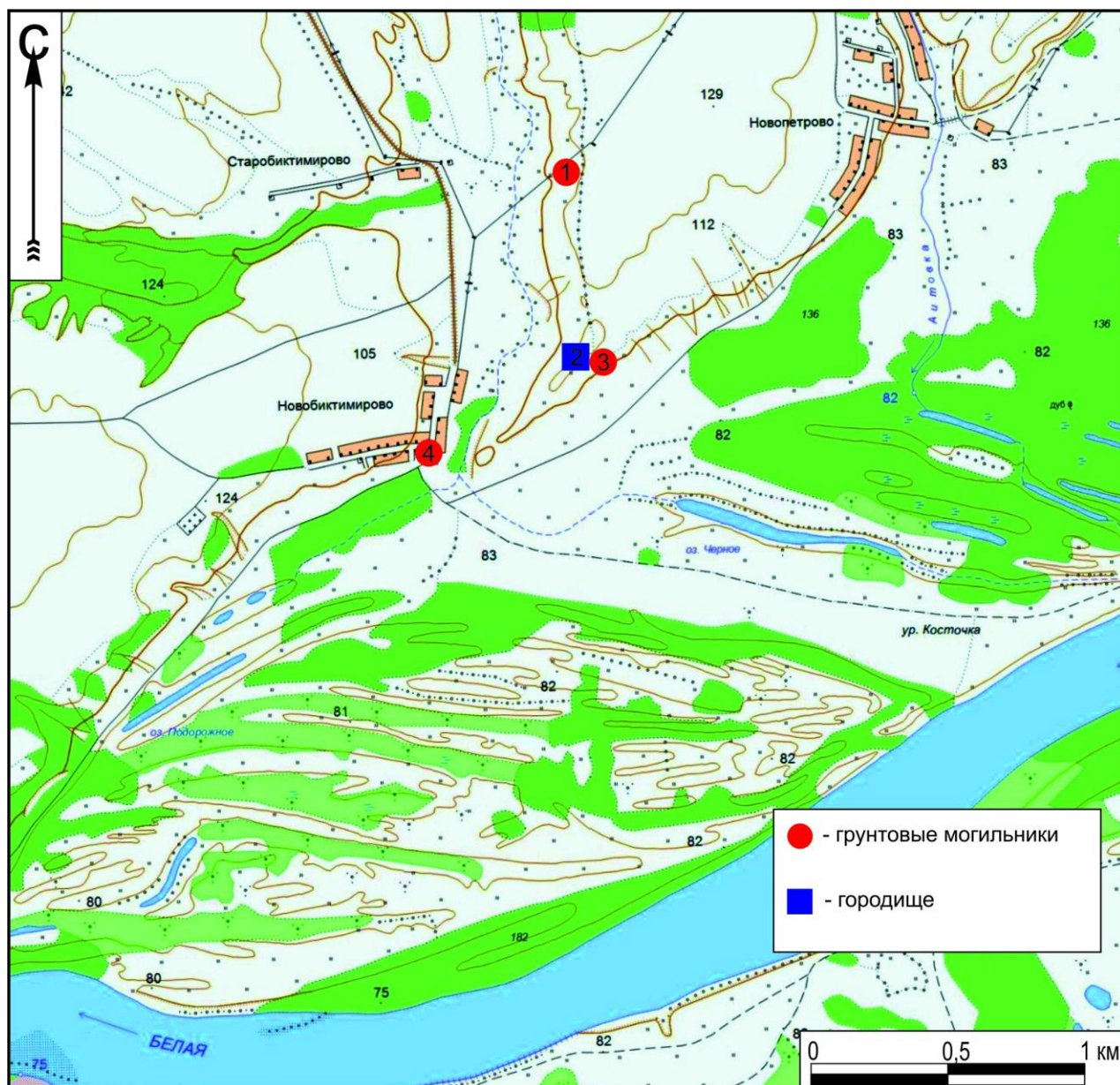

Рис. 3. Бирский район РБ. Ситуационная карта Биктимировского комплекса памятников: 1 – Биктимировский I могильник; 2 – Биктимировское городище; 3 – Биктимировский II могильник; 4 – Биктимировский III могильник.

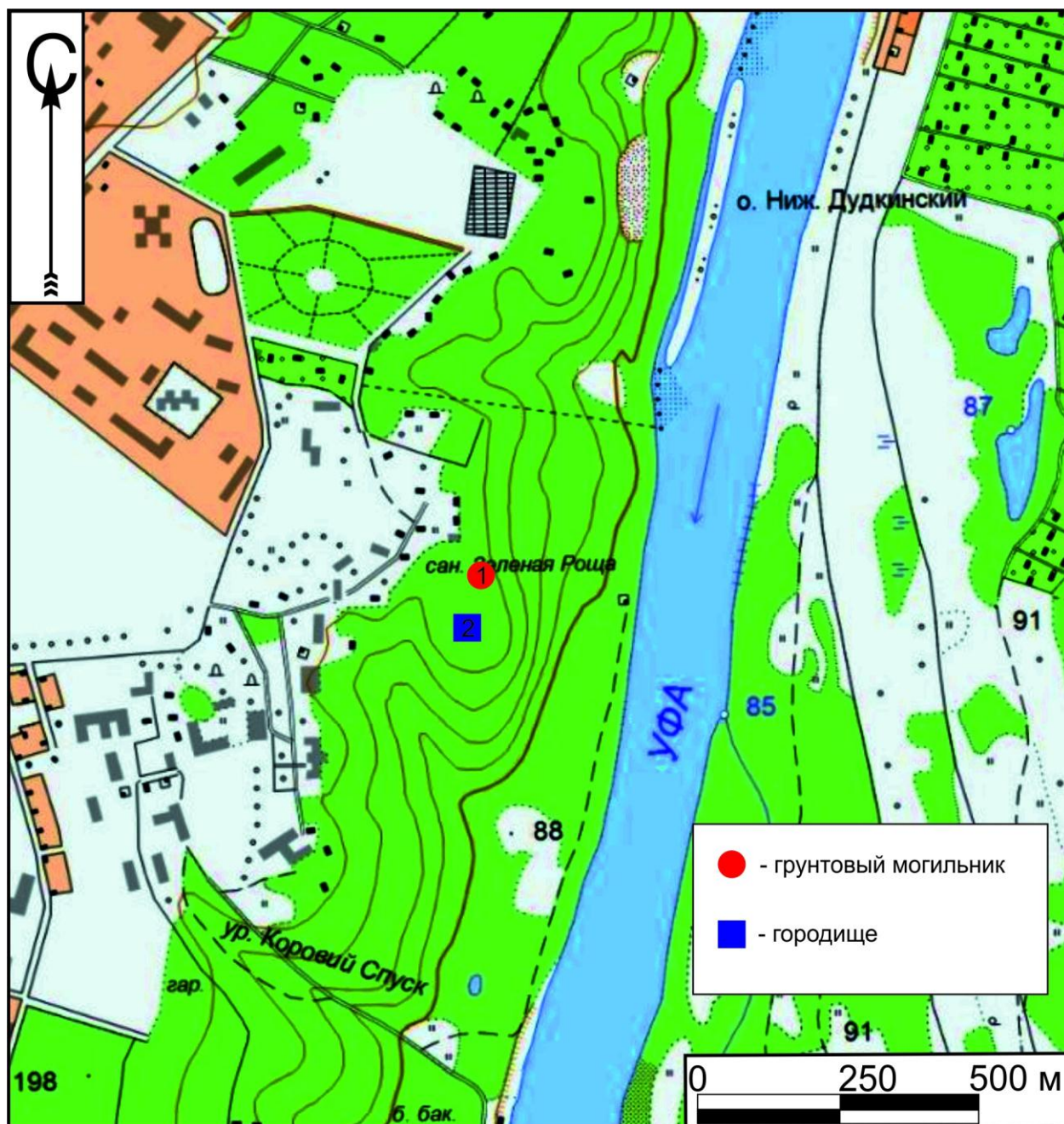

Рис. 4. ГО г. Уфа РБ. Ситуационная карта: 1 – Уфимский могильник; 2 – Уфимское (Чертово) городище.

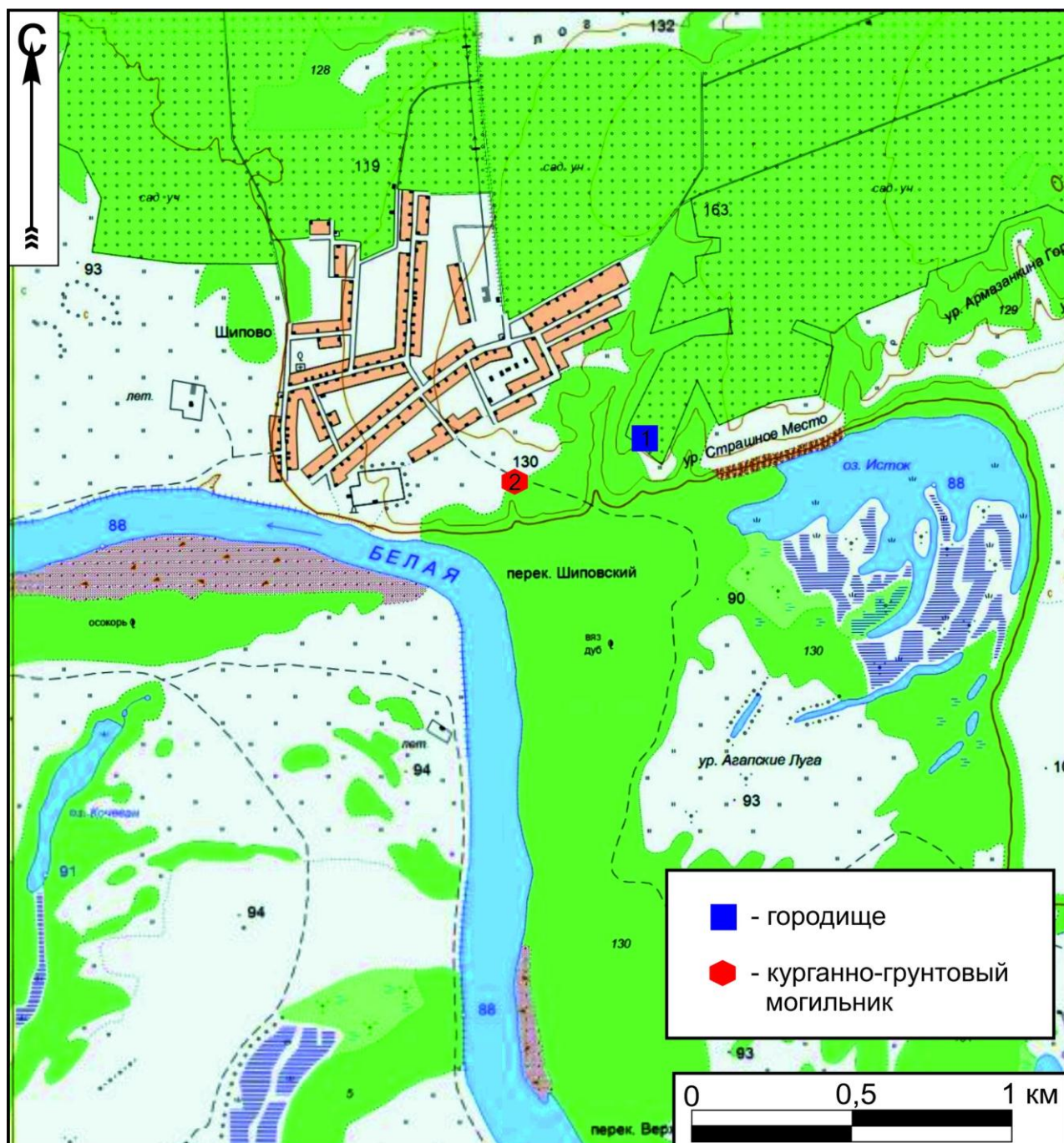

Рис. 5. Иглинский район РБ. Шиповский комплекс памятников. Ситуационная карта: 1 – Шиповское городище; 2 – Шиповский могильник.

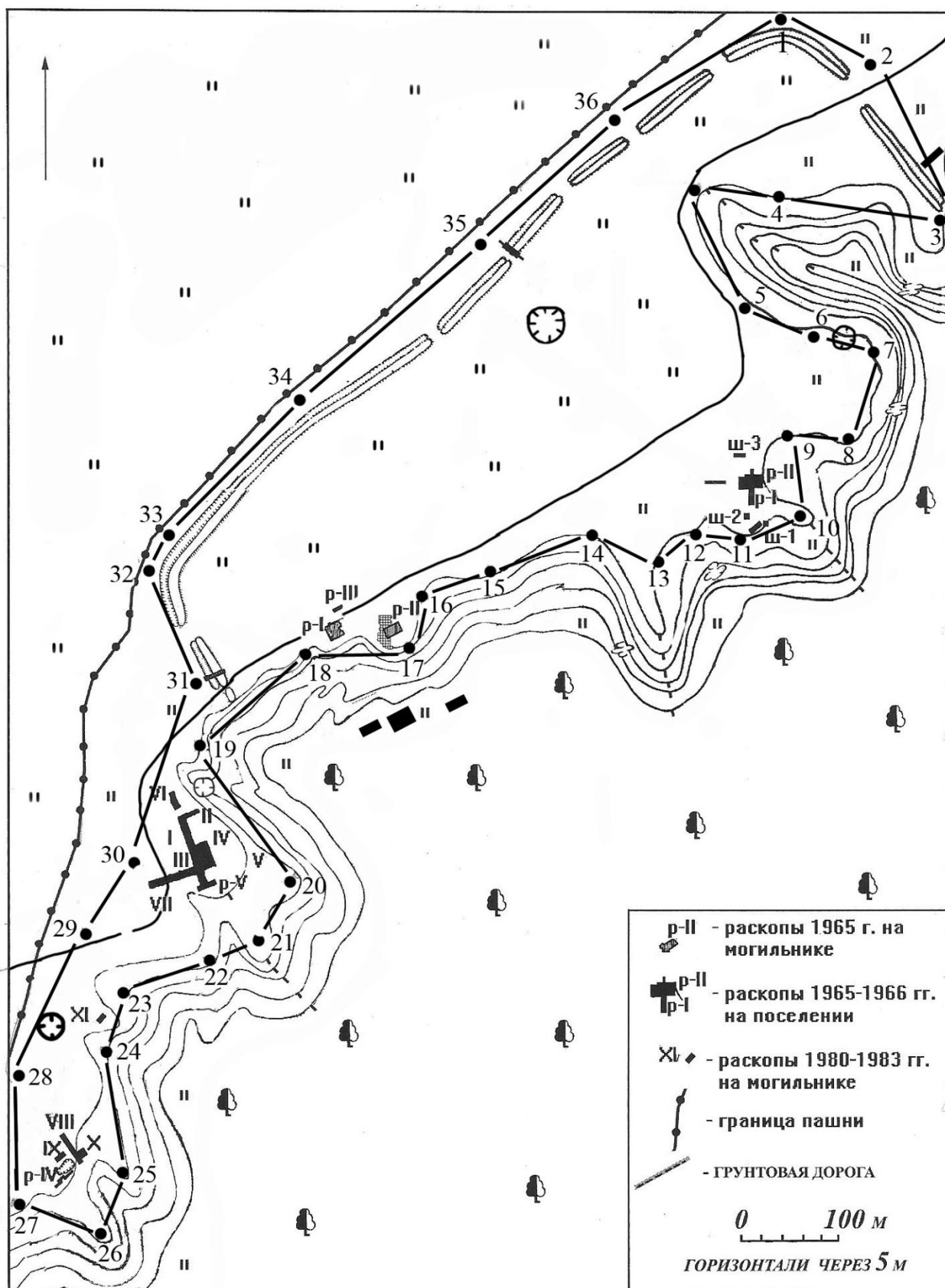

Рис. 6. Охлебино-II городище, Охлебино-I грунтовый могильник. Топографический план В.В. Овсянникова (2008 г.), дополненный И.Х. Каюмовым [по: И.Х. Каюмов, 2011].

Рис. 7. Охлебининский могильник. Планиграфия Раскопа I (1965 г.) [по А.Х. Пшеничнюку].

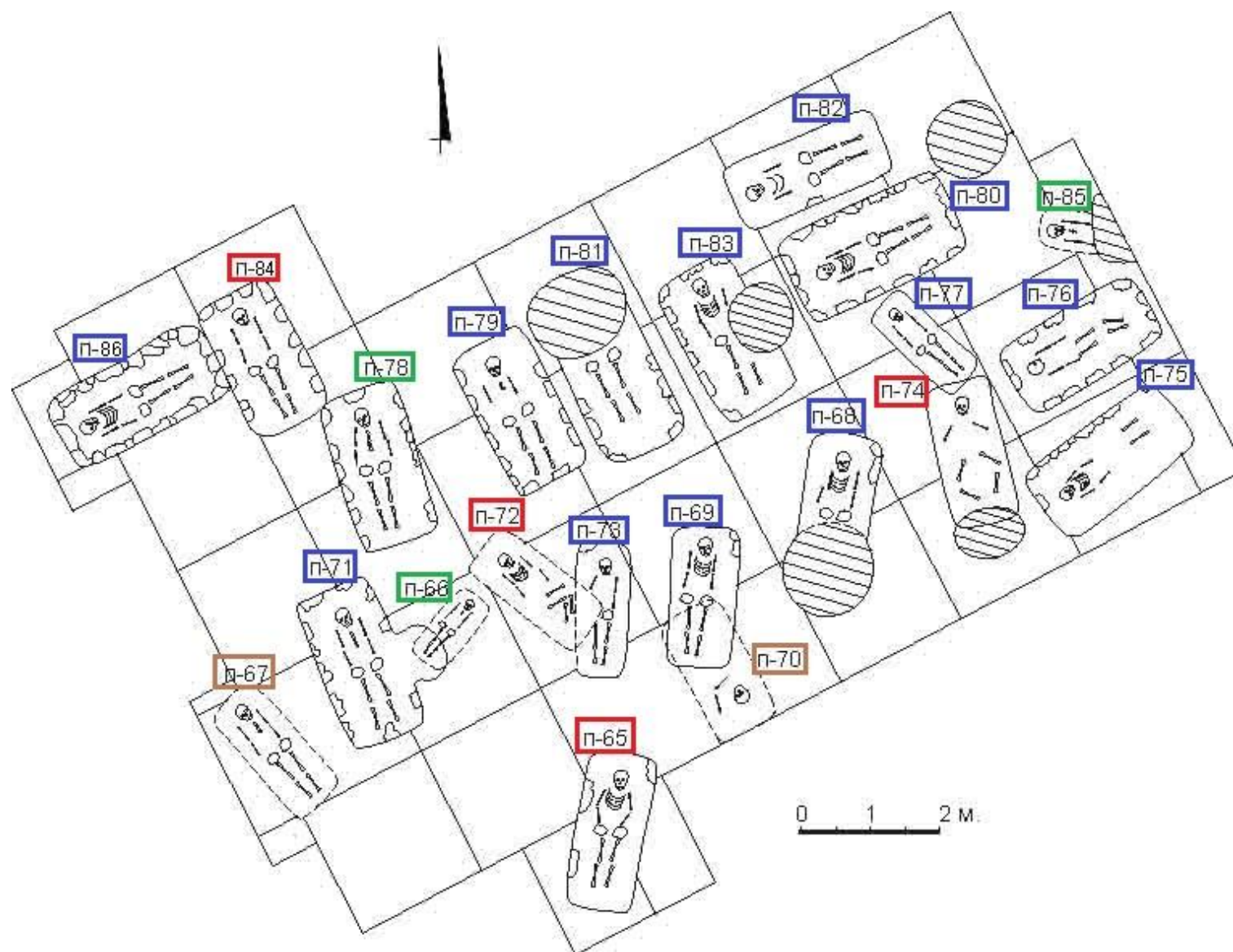

Рис. 8. Охлебининский могильник. Планиграфия Раскопа II (1965 г.) [по А.Х. Пшеничнюку].

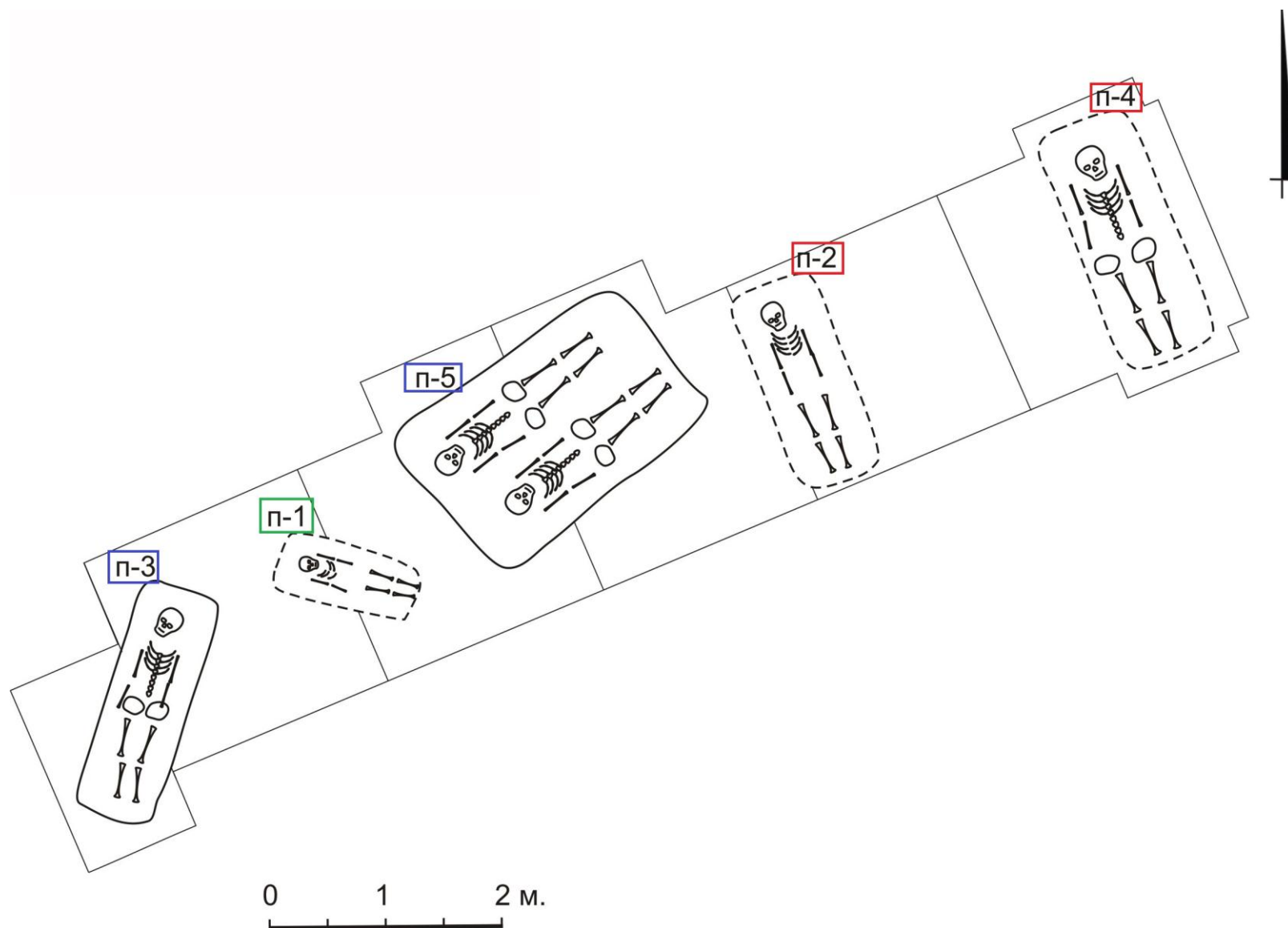

Рис. 9. Охлебининский могильник. Планиграфия Раскопа III (1965 г.) [по А.Х. Пшеничнюку].

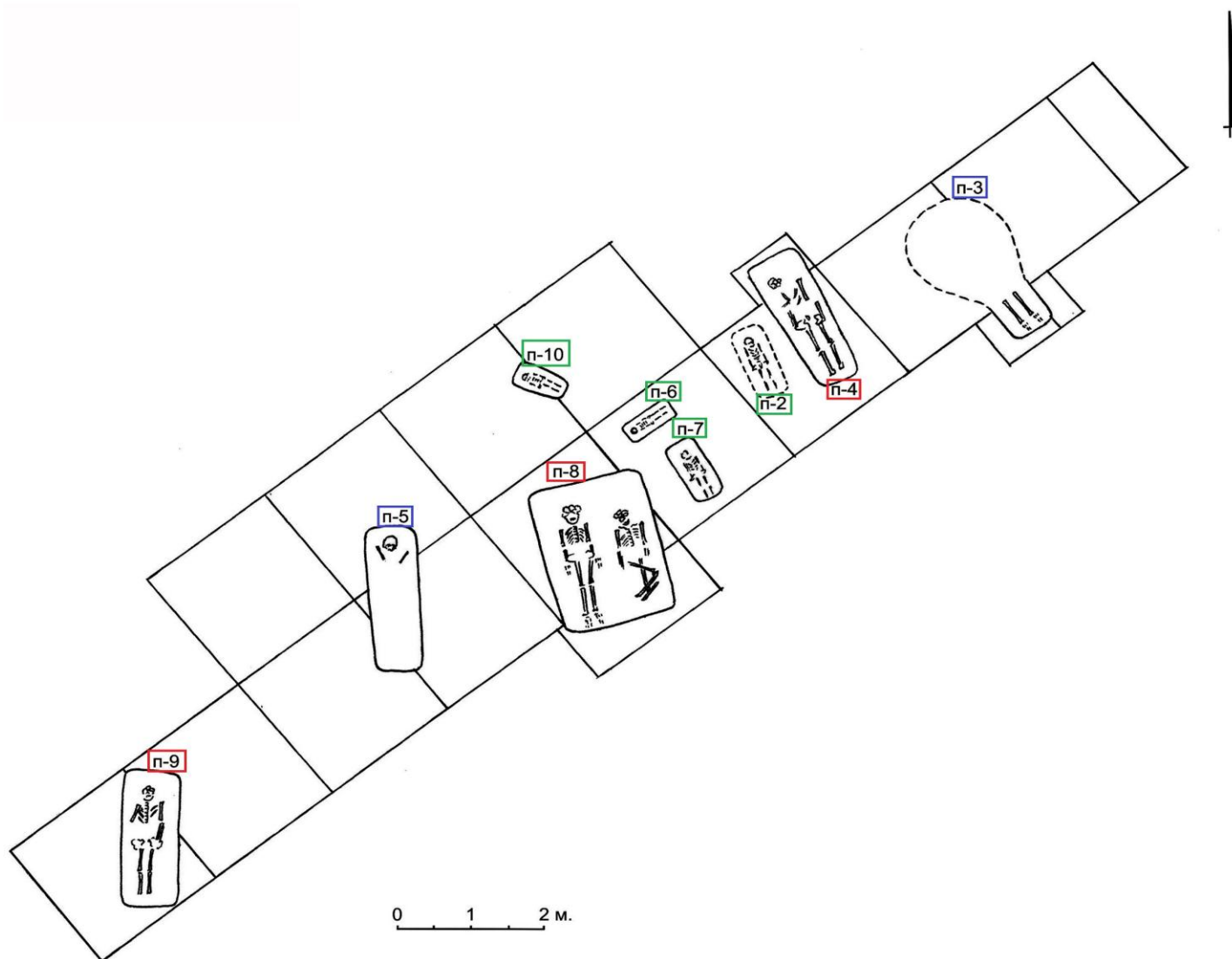

Рис. 10. Охлебининский могильник. Планиграфия Раскопа IV (1965 г.) [по А.Х. Пшеничному].

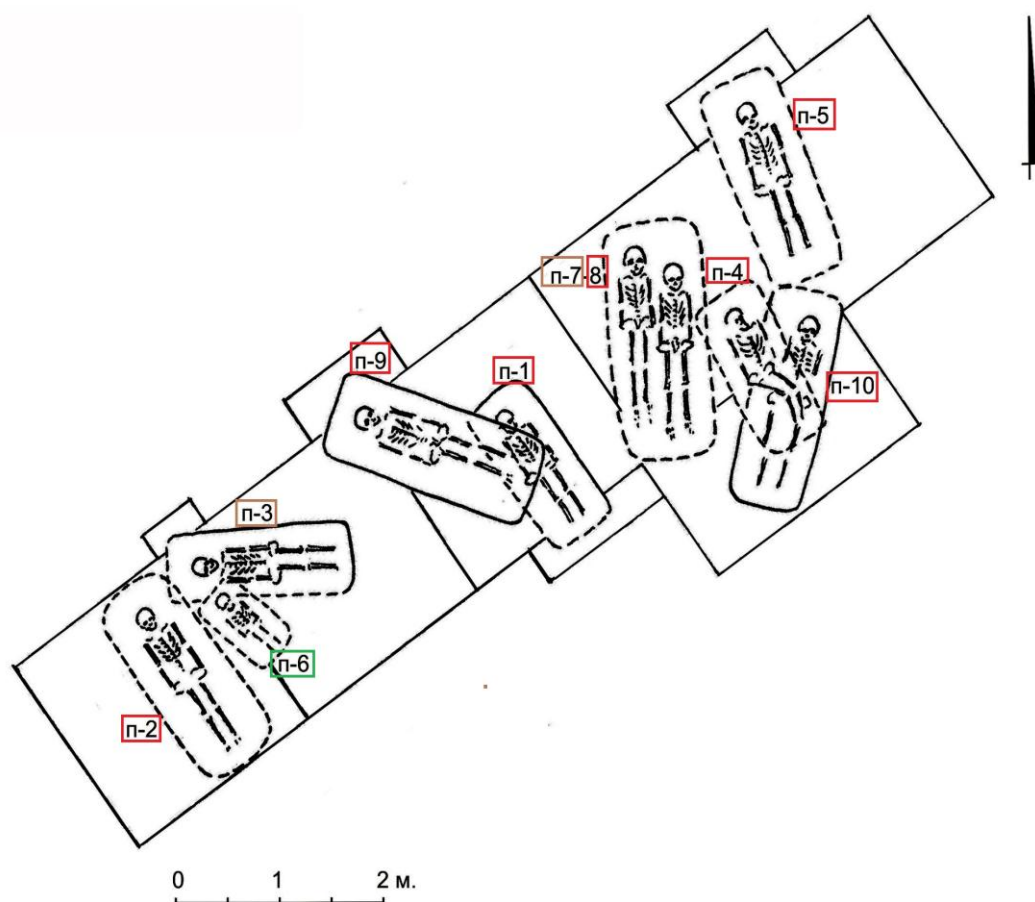

Рис. 11. Охлебининский могильник. Планиграфия Раскопа V (1965 г.) [по А.Х. Пшеничнюку].

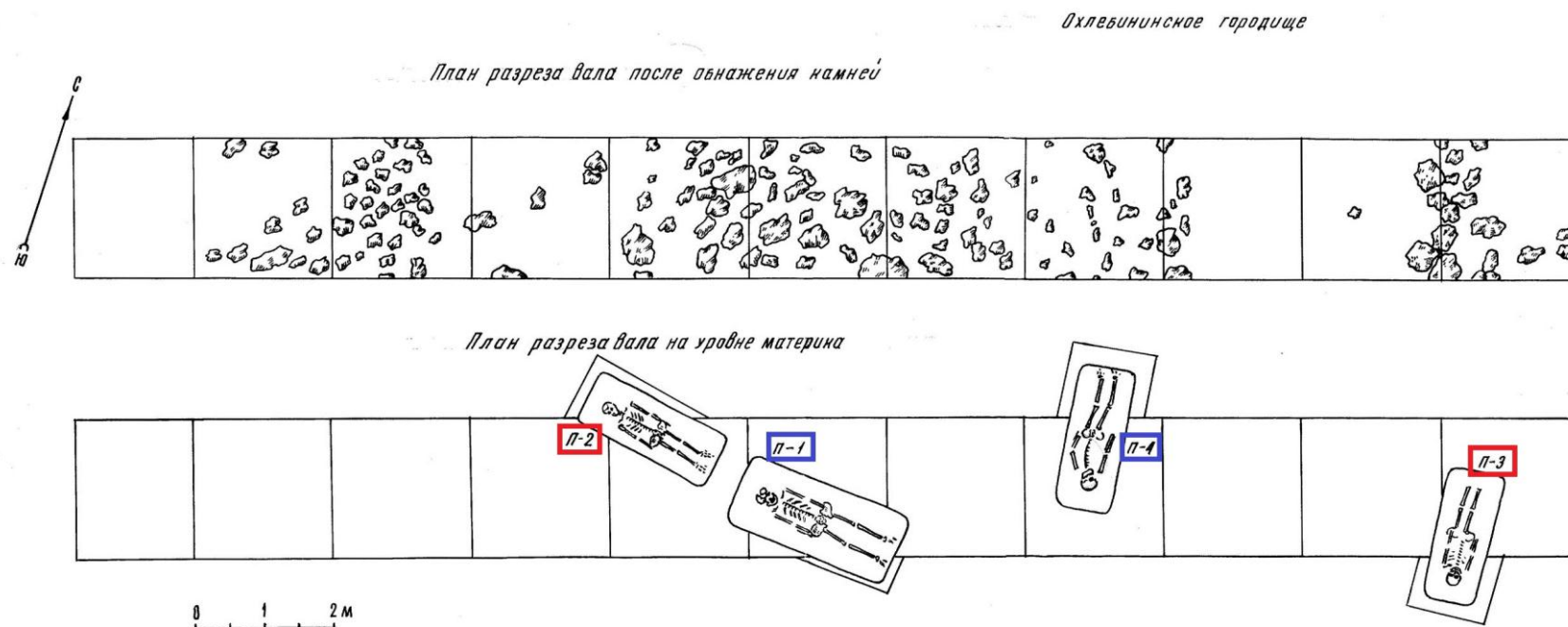

Рис. 12. Охлебининский могильник. Планиграфия Раскопа VI (1965 г.) [по А.Х. Пшеничному].

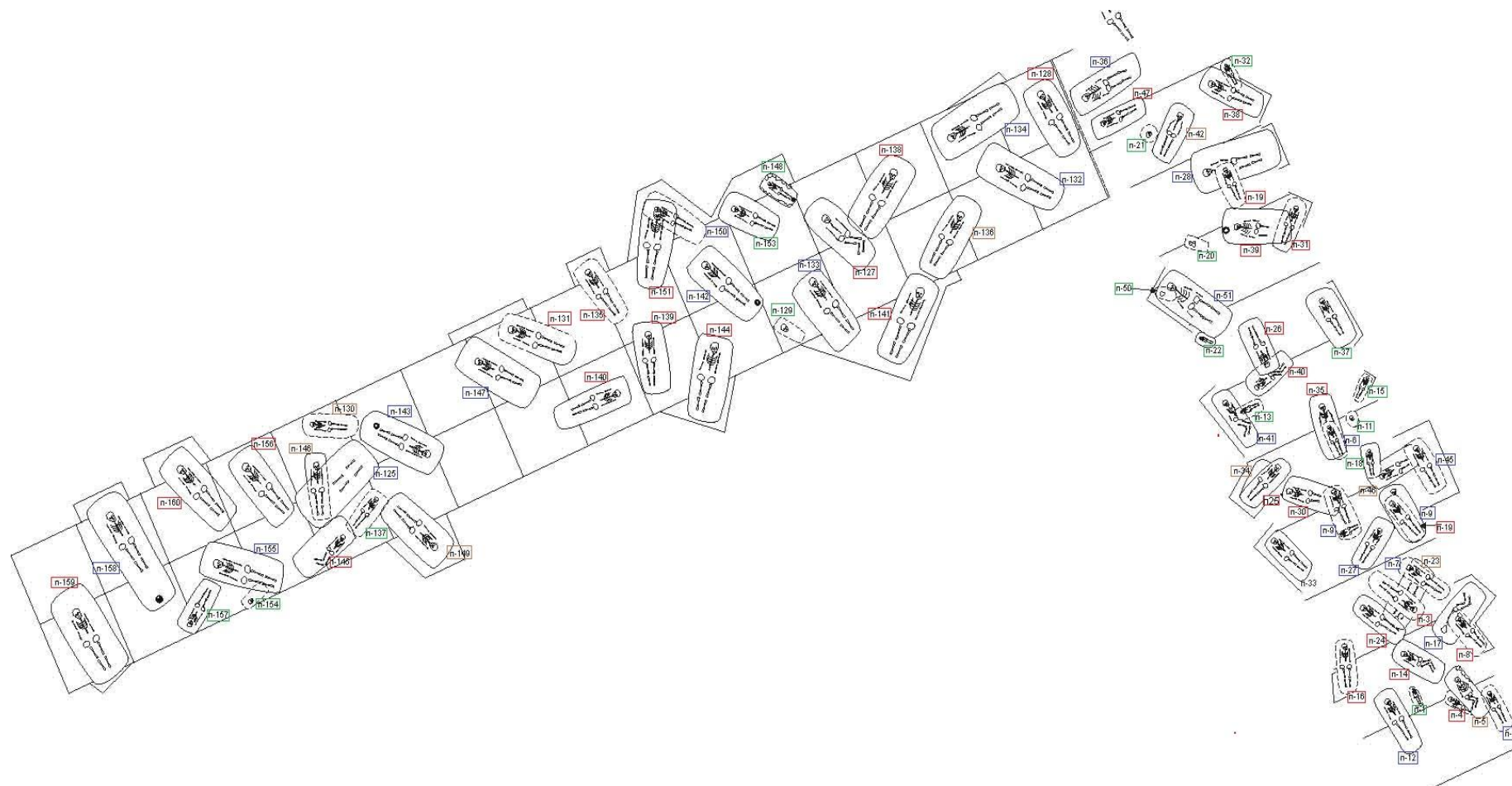

Рис. 13. Охлебининский могильник. Планиграфия Раскопа I (юго-восточная часть) и раскоп II (1980 г.) [по А.Х. Пшеничнюку].

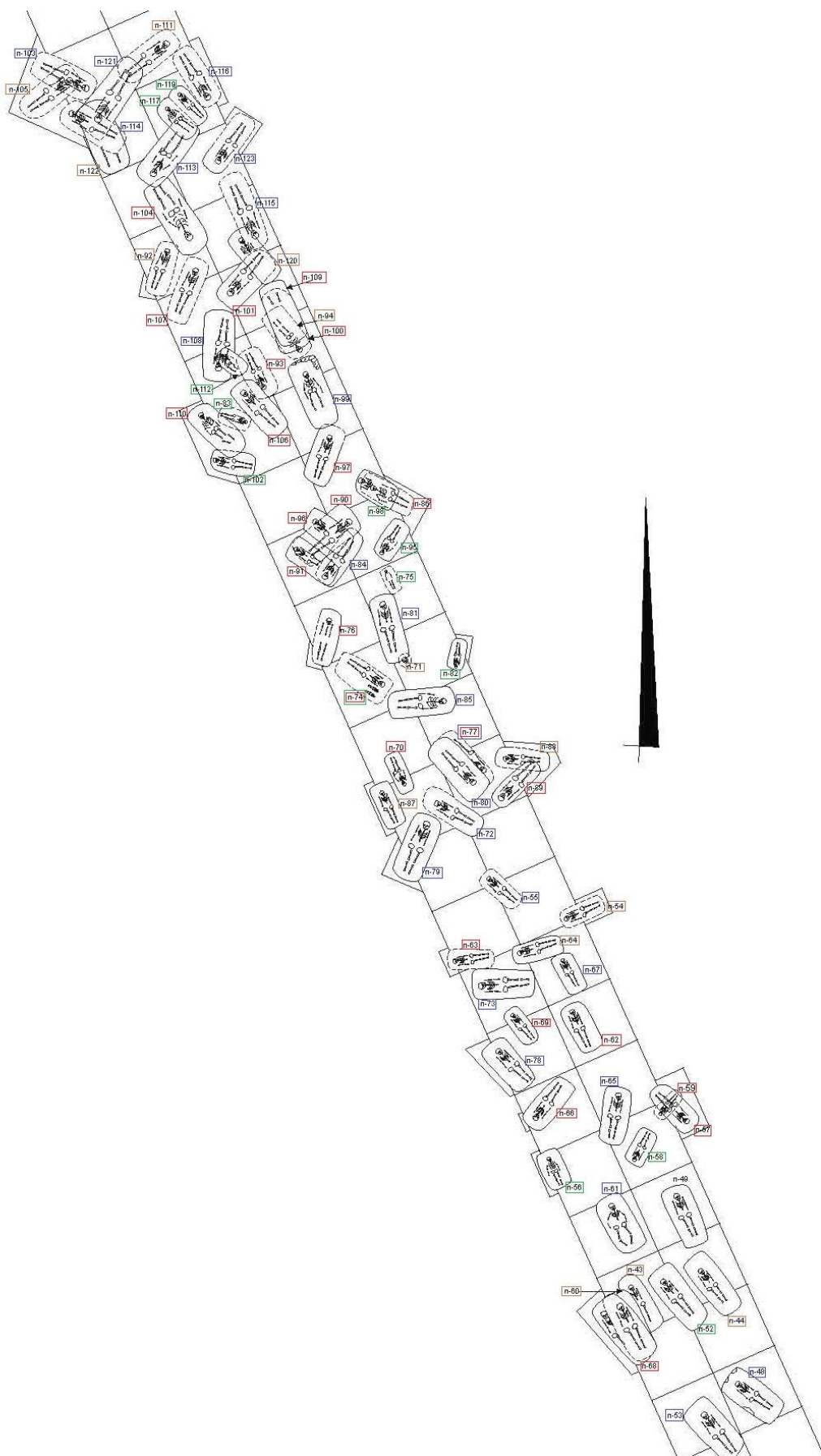

Рис. 14. Охлебининский могильник. Планиграфия Раскопа I (центральная часть траншеи) (1980 г.) [по А.Х. Пшеничному].

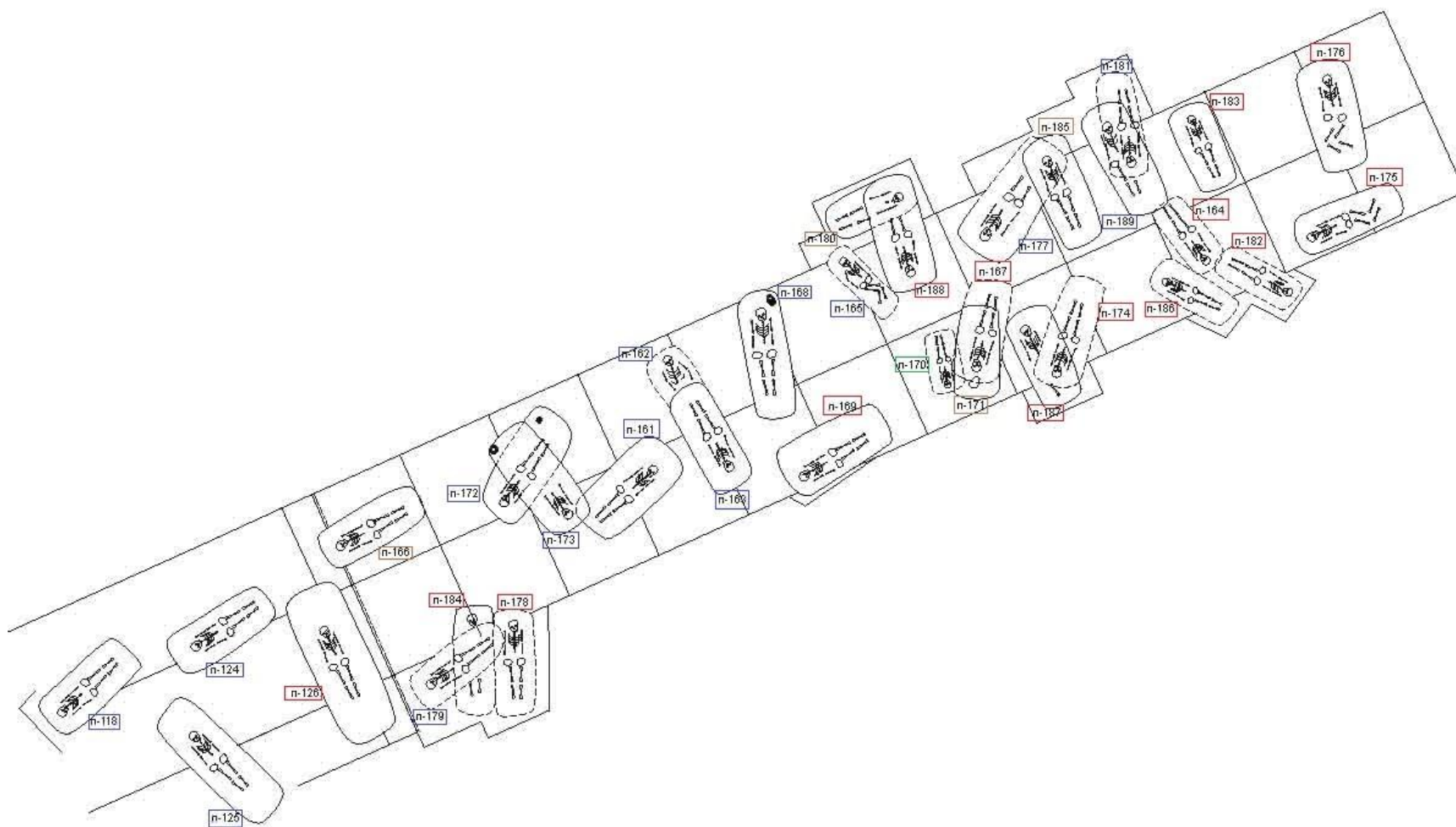

Рис. 15. Охлебининский могильник. Планиграфия Раскопа I (северо-западная часть траншеи) и раскоп III (1980 г.) [по А.Х. Пшеничнюку].

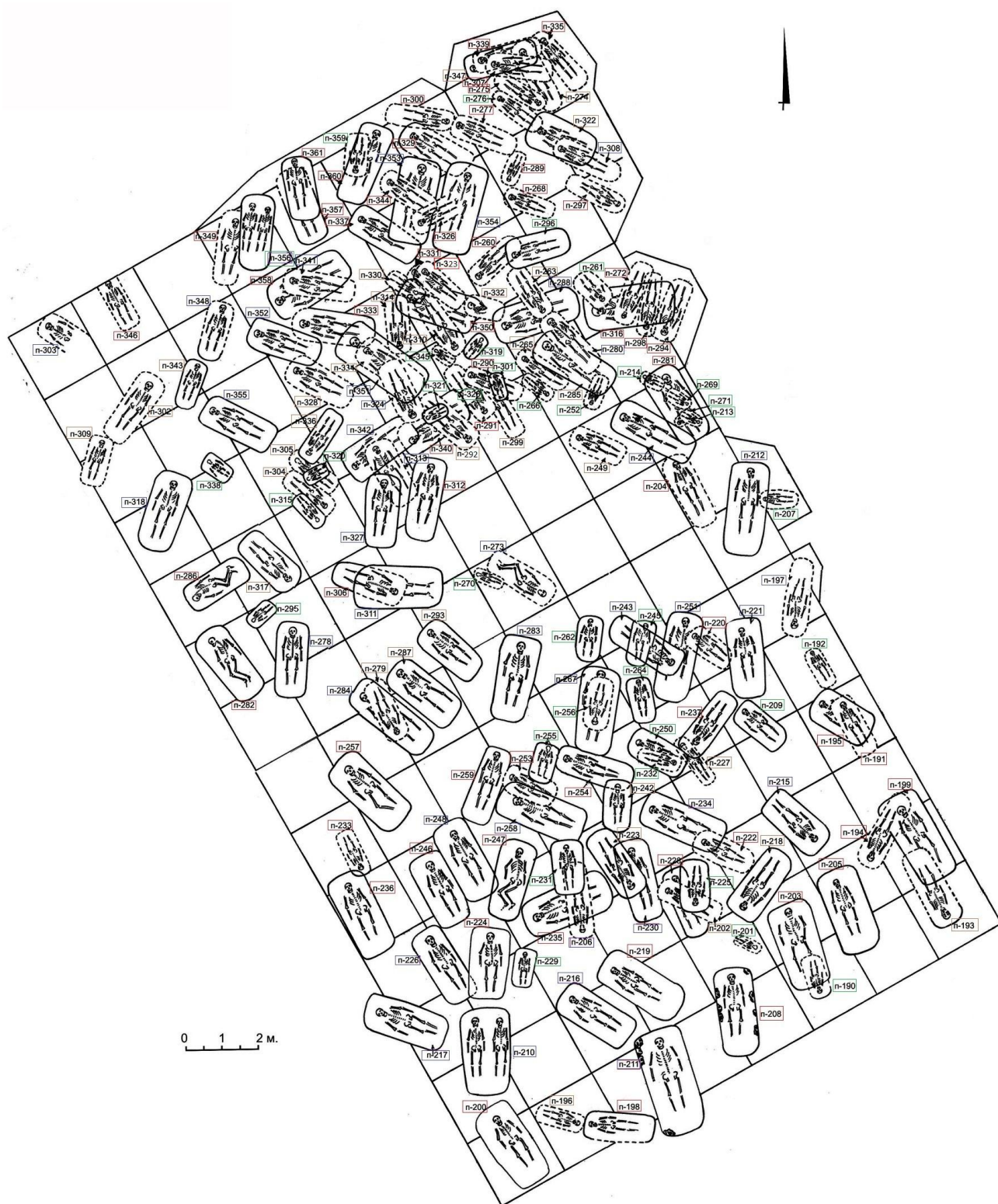

Рис. 16. Охлебининский могильник. Планиграфия Раскопа IV (1981 г.) [по А.Х. Пшеничнюку].

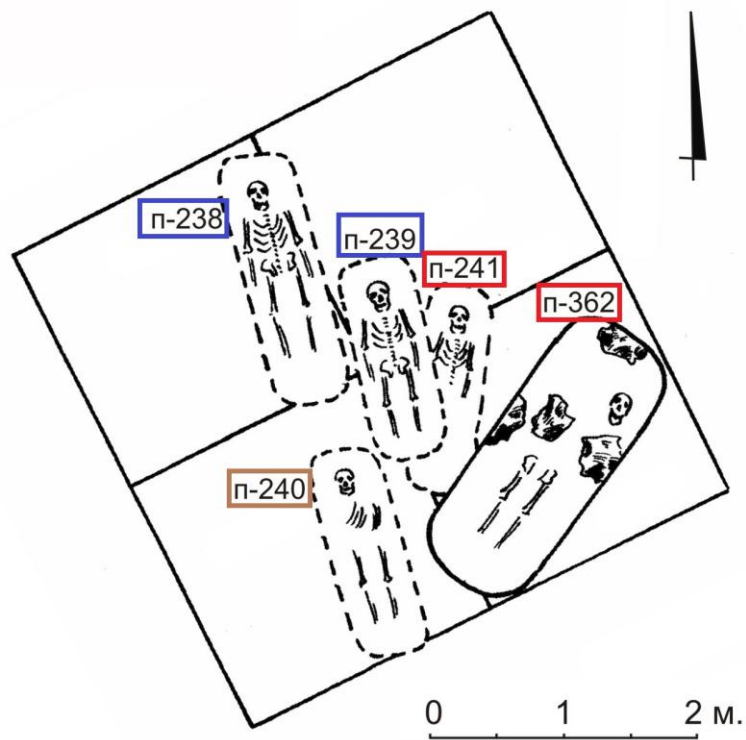

Рис. 17. Охлебининский могильник. Планиграфия Раскопа V (1981 г.) [по А.Х. Пшеничнюку].

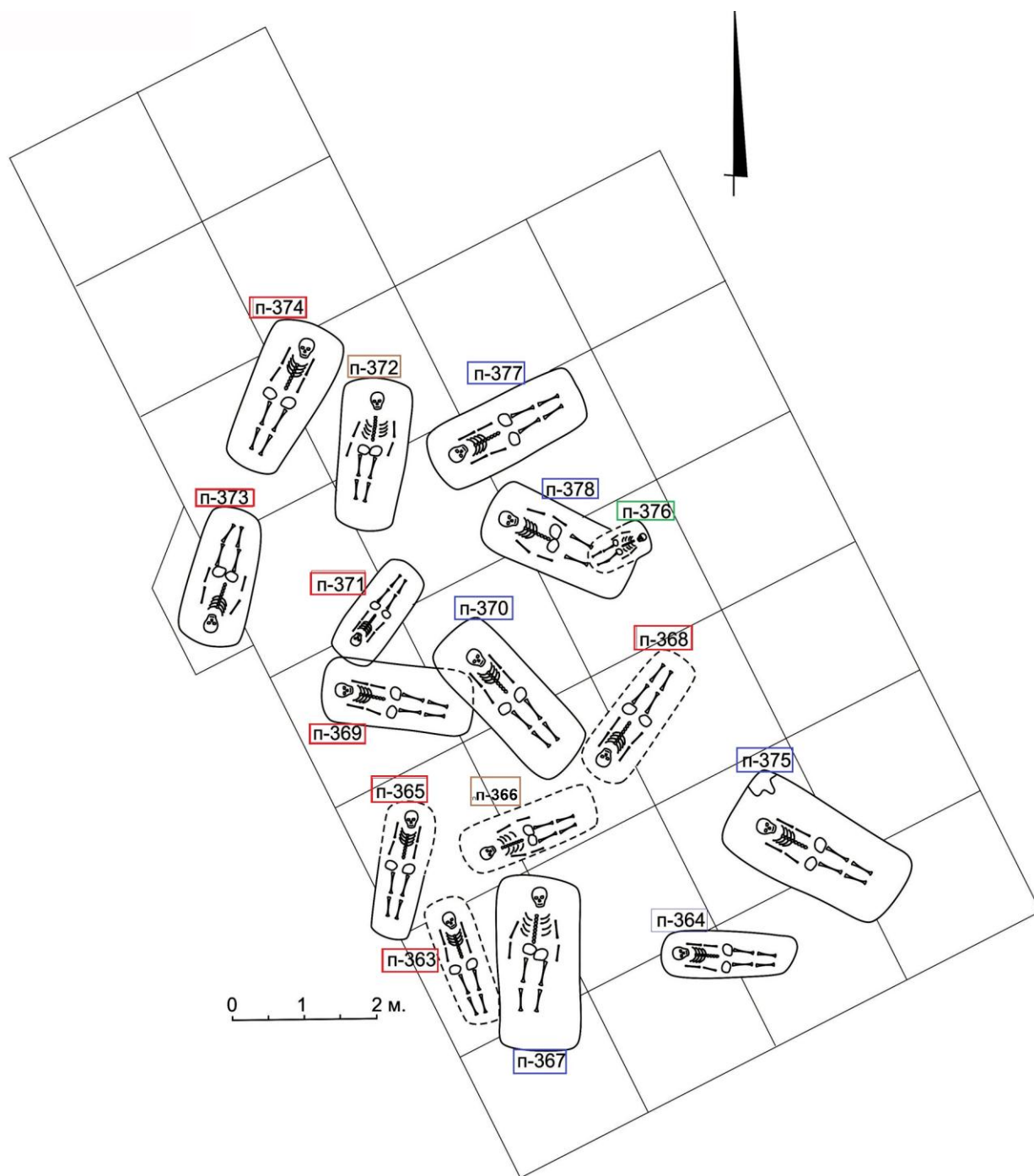

Рис. 18. Охлебининский могильник. Планиграфия Раскопа VI (1981 г.) [по А.Х. Пшеничнюку].

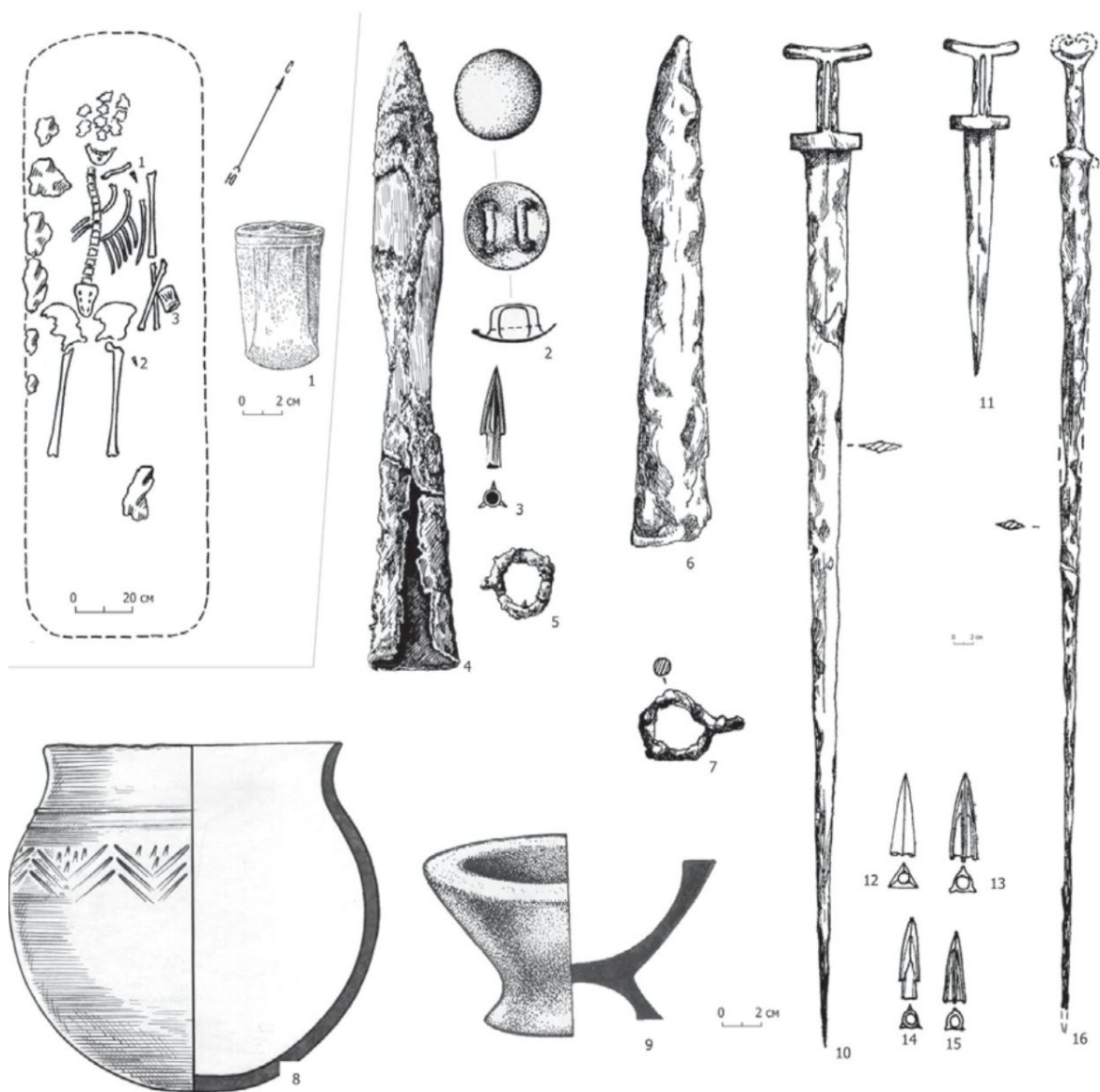

Рис. 19. Охлебининский могильник: 1— погребение (4/I-65) группы I (V–IV вв. до н.э.); 2–16 — погребения группы II (III–II вв. до н.э.); 2–5, 8 — погребение 168/III-80-82; 6–7, 12–16 — погребение 125/I-80-82; 9 — погребение 92/I-80-82; 10–11 — погребение 441/IX-80-82; 1–3, 12–15 — бронза; 8–9 — керамика; остальное — железо [по С.Л. Воробьевой, 2015].

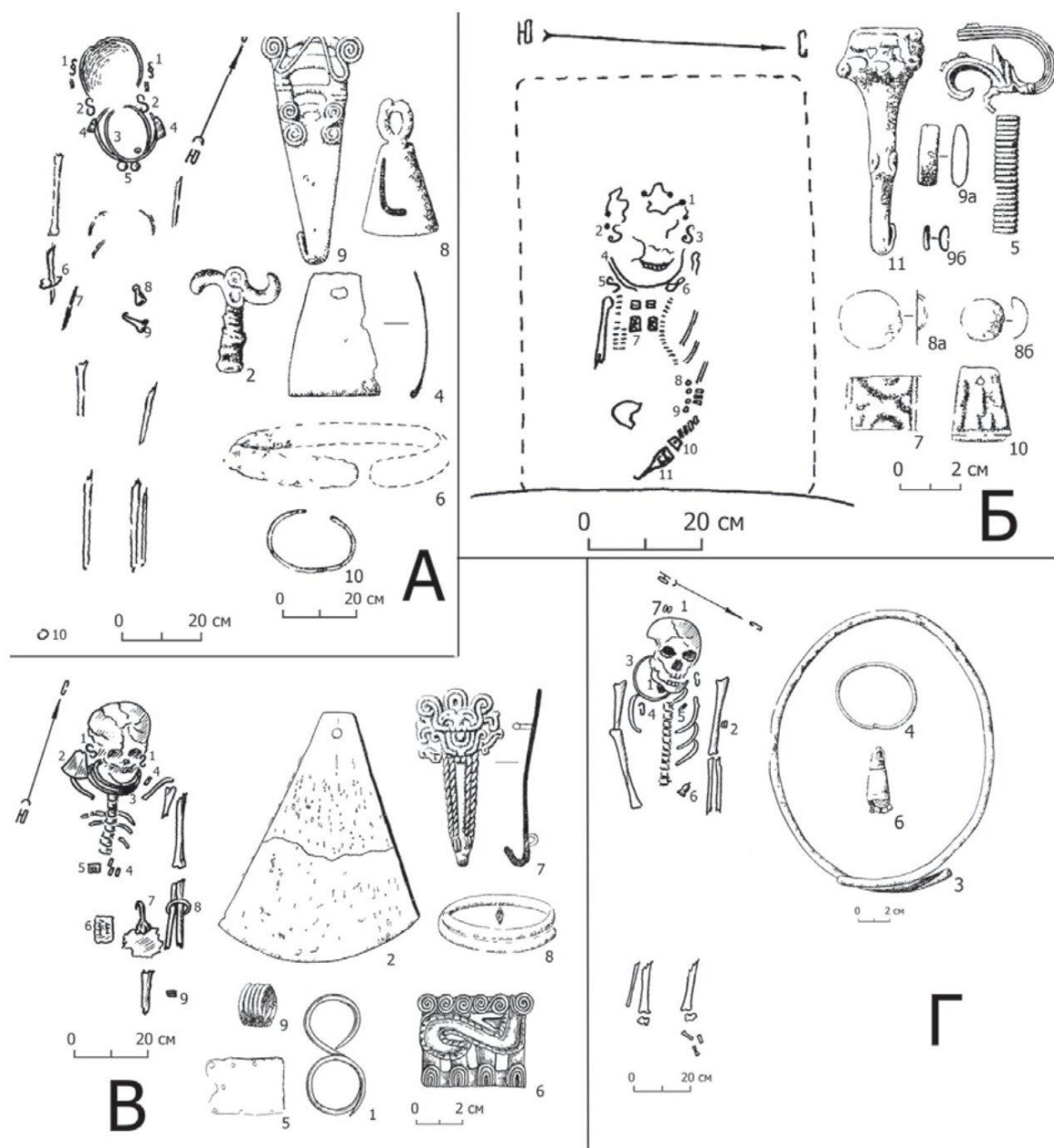

Рис. 20. Охлебининский могильник: погребения группы III (IV–III вв. до н.э.): А – 88(2)/III-65; Б – 85(21)/II-65; В – 34/I-65; Г – 18/I-65; А6, В7 – железо; остальное – бронза [по С.Л. Воробьевой, 2015].

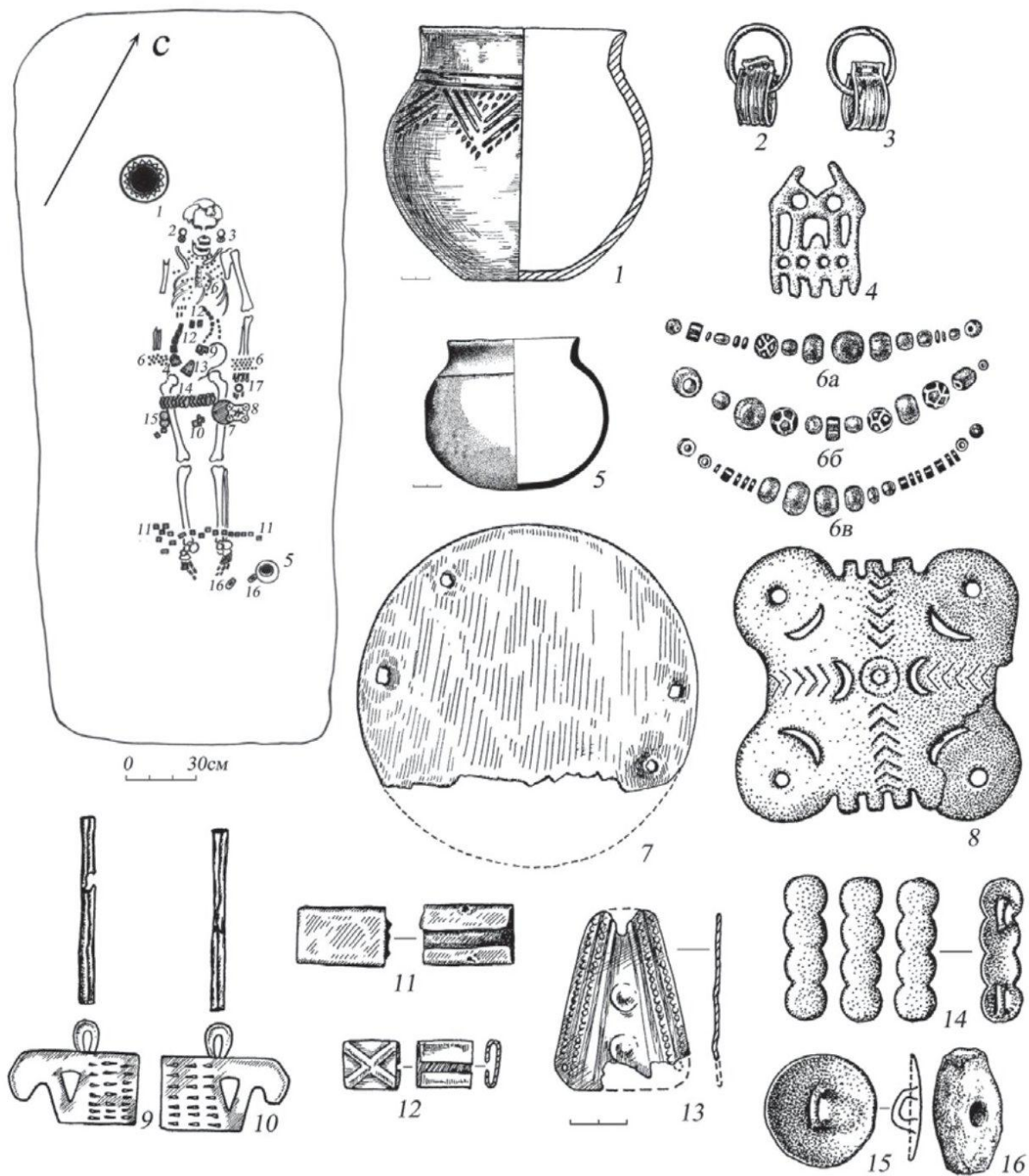

Рис. 21. Охлебининский могильник: погребение группы IV (III–II вв. до н. э.) 346/IV-80-82: 1, 5 – керамика; 16 – камень; 2, 3 – бронза, золото; 6 – стекло, камень; остальное – бронза [по С.Л. Воробьевой, 2015].

Рис. 22. Охлебининский могильник (1965 г.), планы погребений: 1 – погр. 8; 2 – погр. 21; 3 – погр. 77; 4 – погр. 27 [по А.Х. Пшеничнюку, 19686].

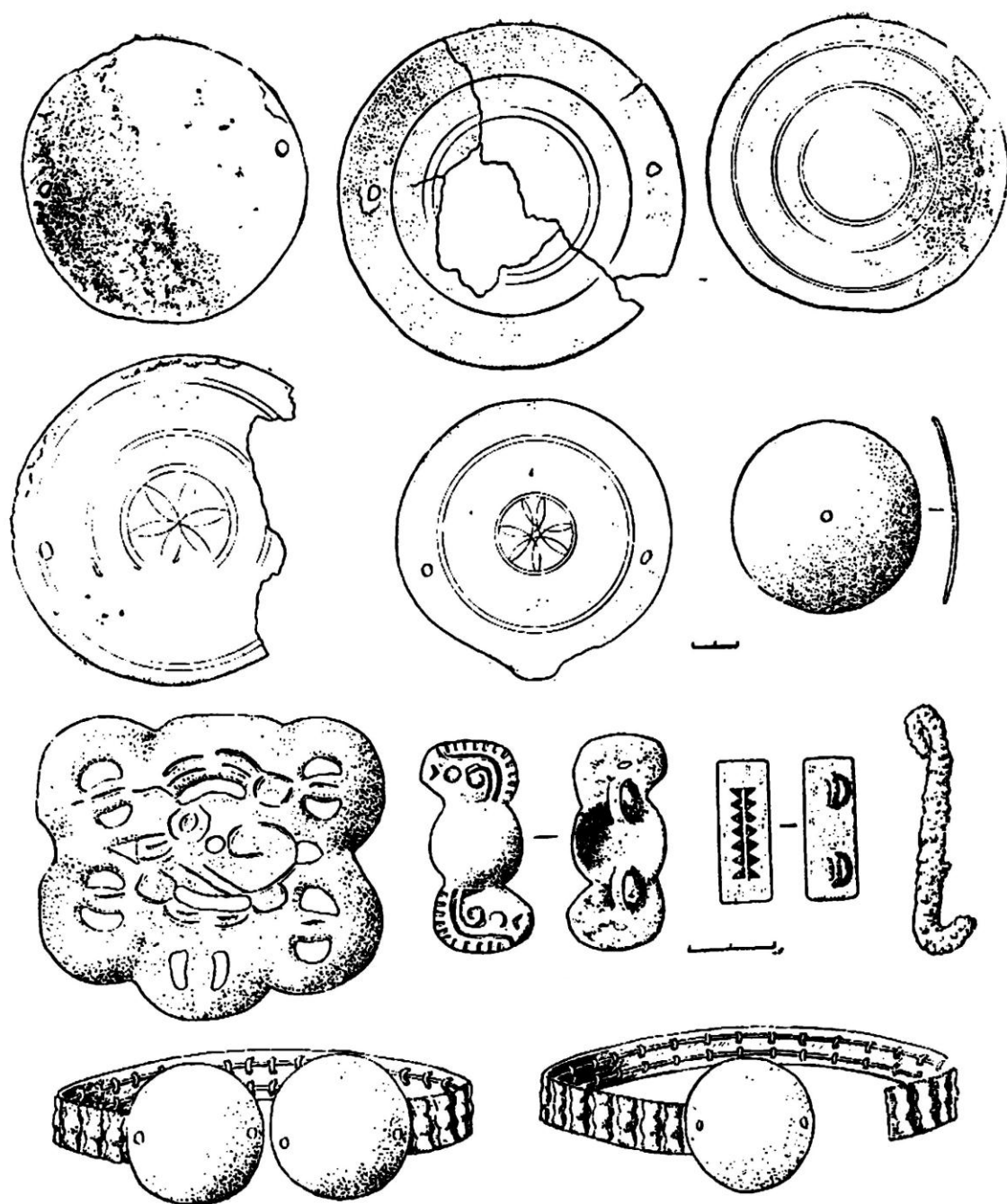
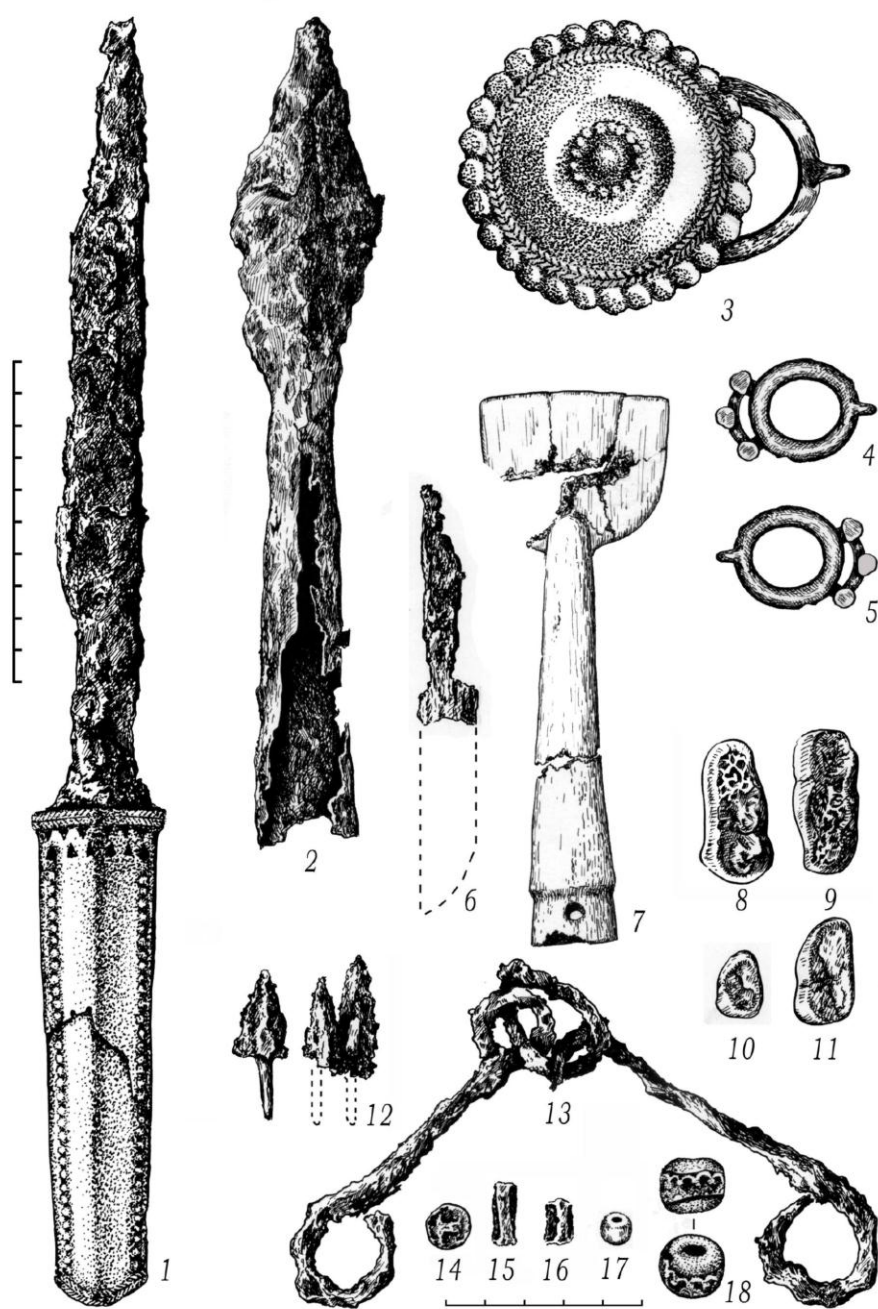

Рис. 23. Охлебининский могильник (1965 г.). Украшения женских поясных ремней [по А.Х. Пшеничному, 1968б].

Погребальный инвентарь
мужского погребения 12(3) Охлебининского могильника:
1 – железный боевой нож с бронзовым наконечником ножен; 2 – железный
наконечник копья; 3 – бронзовая поясная застёжка; 4-5 – бронзовые обувные
застёжки; 6 – железный нож; 7 – костяная лопаточка; 8-11 – поясные накладки
из коренных зубов медведя; 12 – железные наконечники стрел; 13 – железные
удила; 14-16 – бронзовые обоймы; 17-18 – пастовые бусины

Рис. 24. Охлебининский могильник. Погребальный инвентарь мужского погребения [по С.Э. Зубову, 2012].

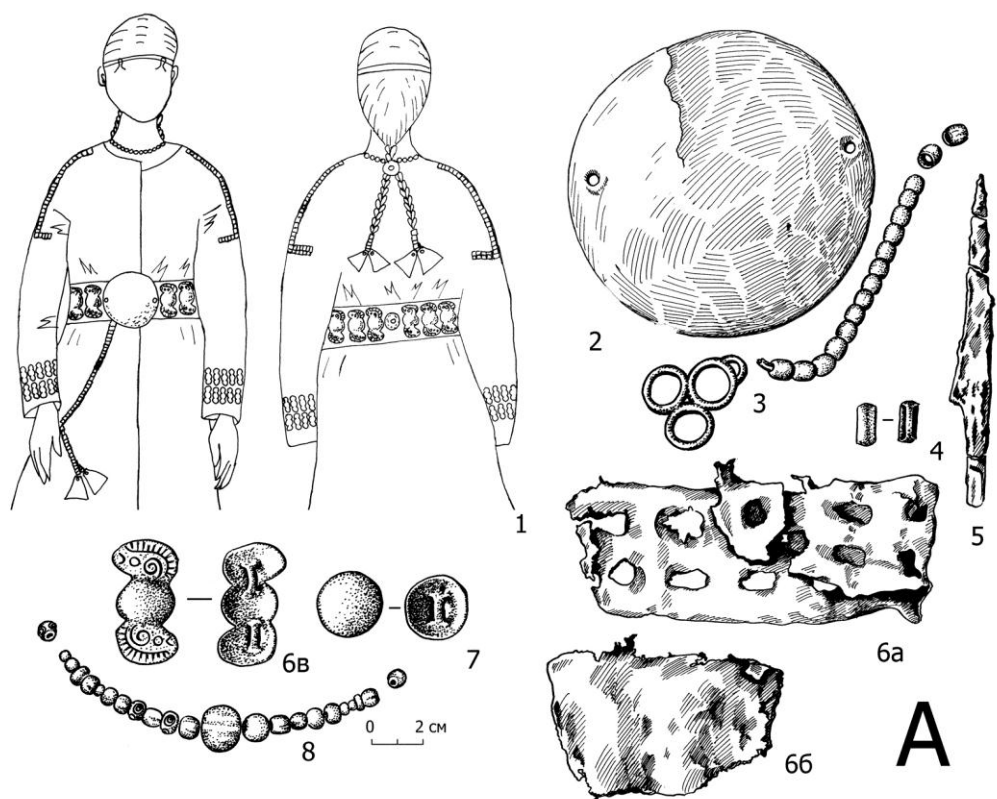

Рис. 25. Охлебининский могильник. Инвентарь и реконструкция женского (А – погр. 38) и мужского (Б – погр. 173) костюмов II в. до н.э. – II в. н.э. [по: А.А. Нечвалада, С.Л. Воробьева, 2018. Рис. 3].

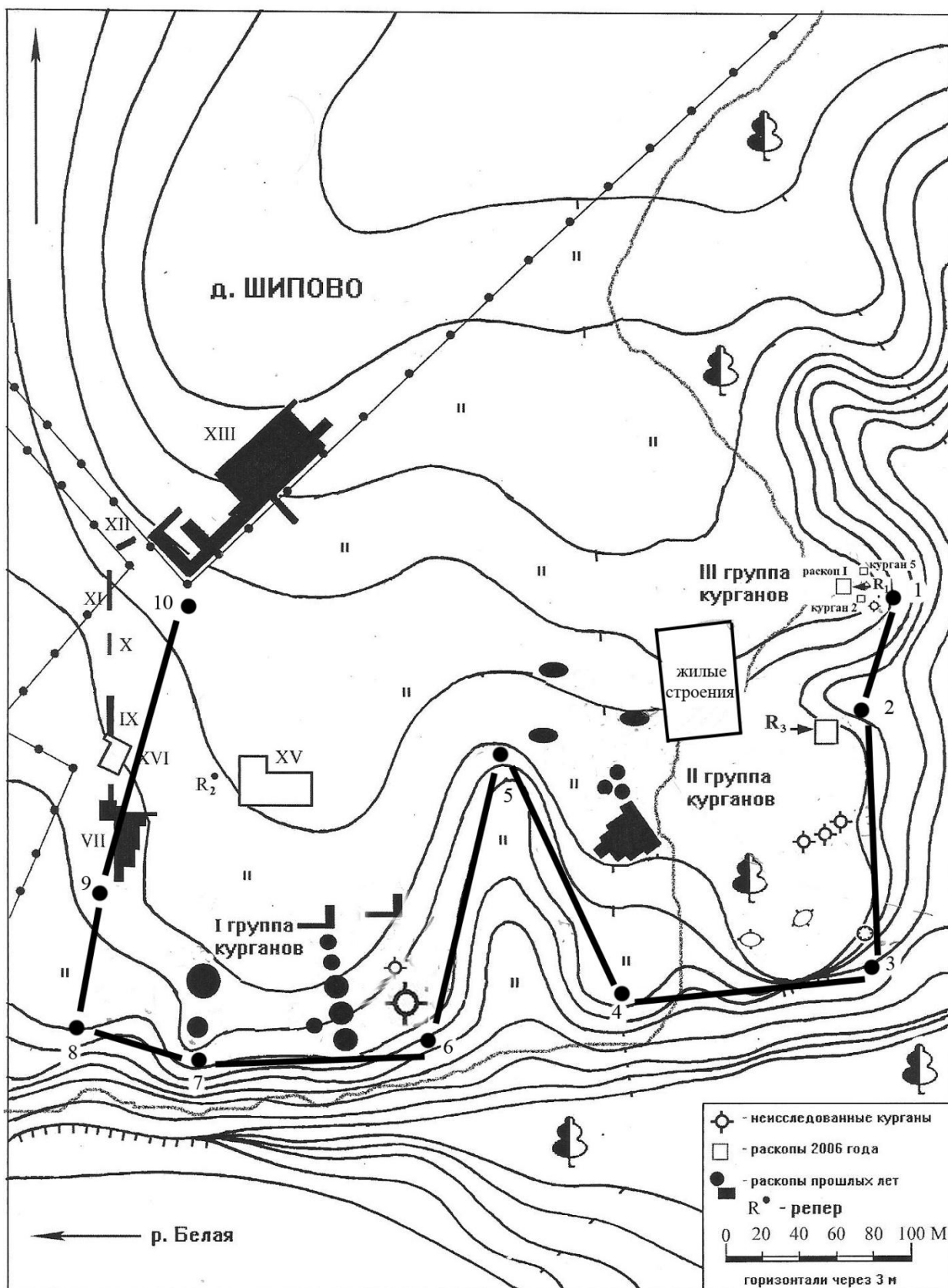

Рис. 26. Шипово-I курганно-грунтовый могильник. Топографический план В.В. Овсянникова (2008 г.), дополненный И.Х. Каюмовым [по: И.Х. Каюмов, 2011].

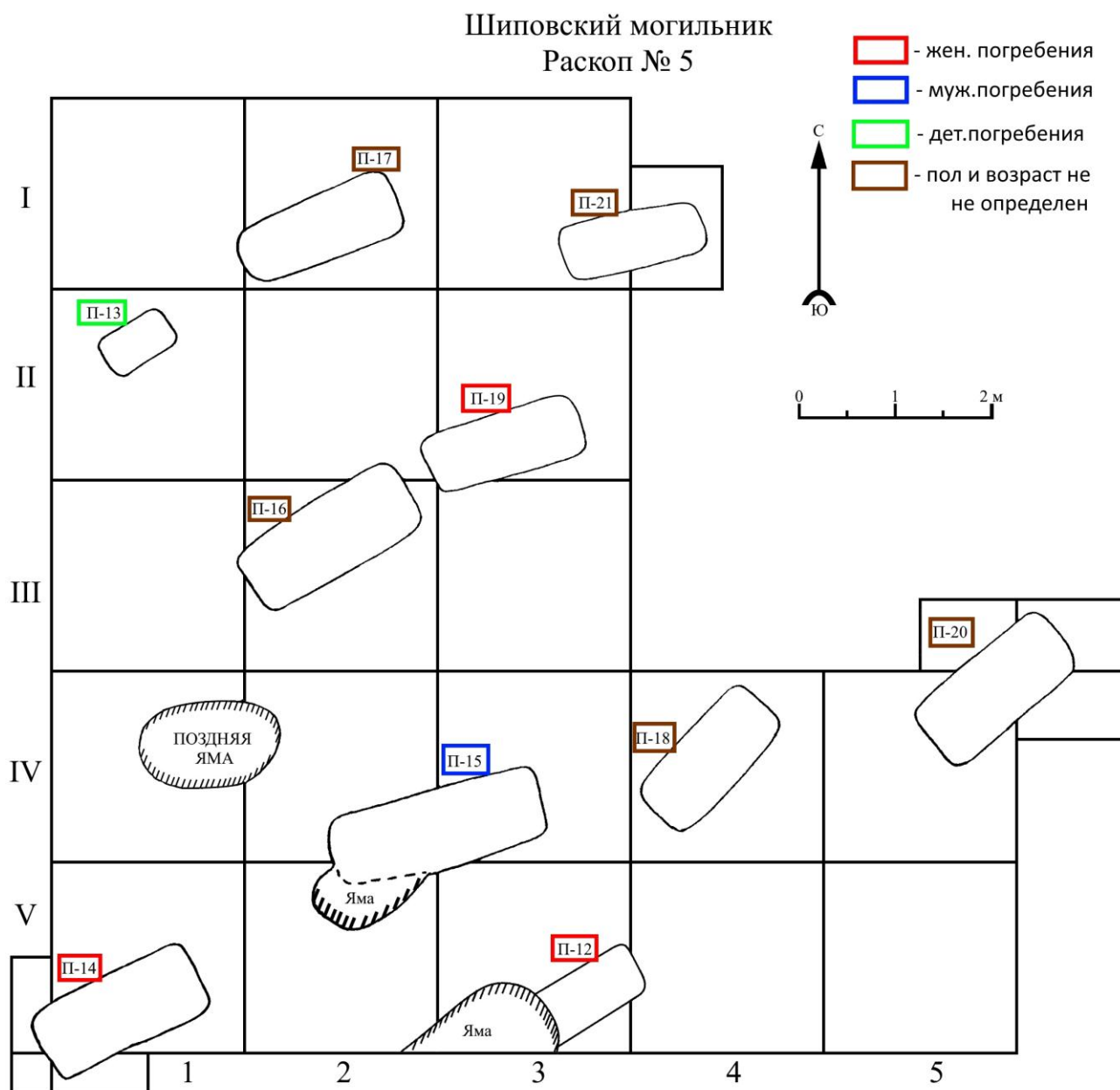

Рис. 27. Шиповский могильник, грунтовая часть. Планиграфия раскопа V.

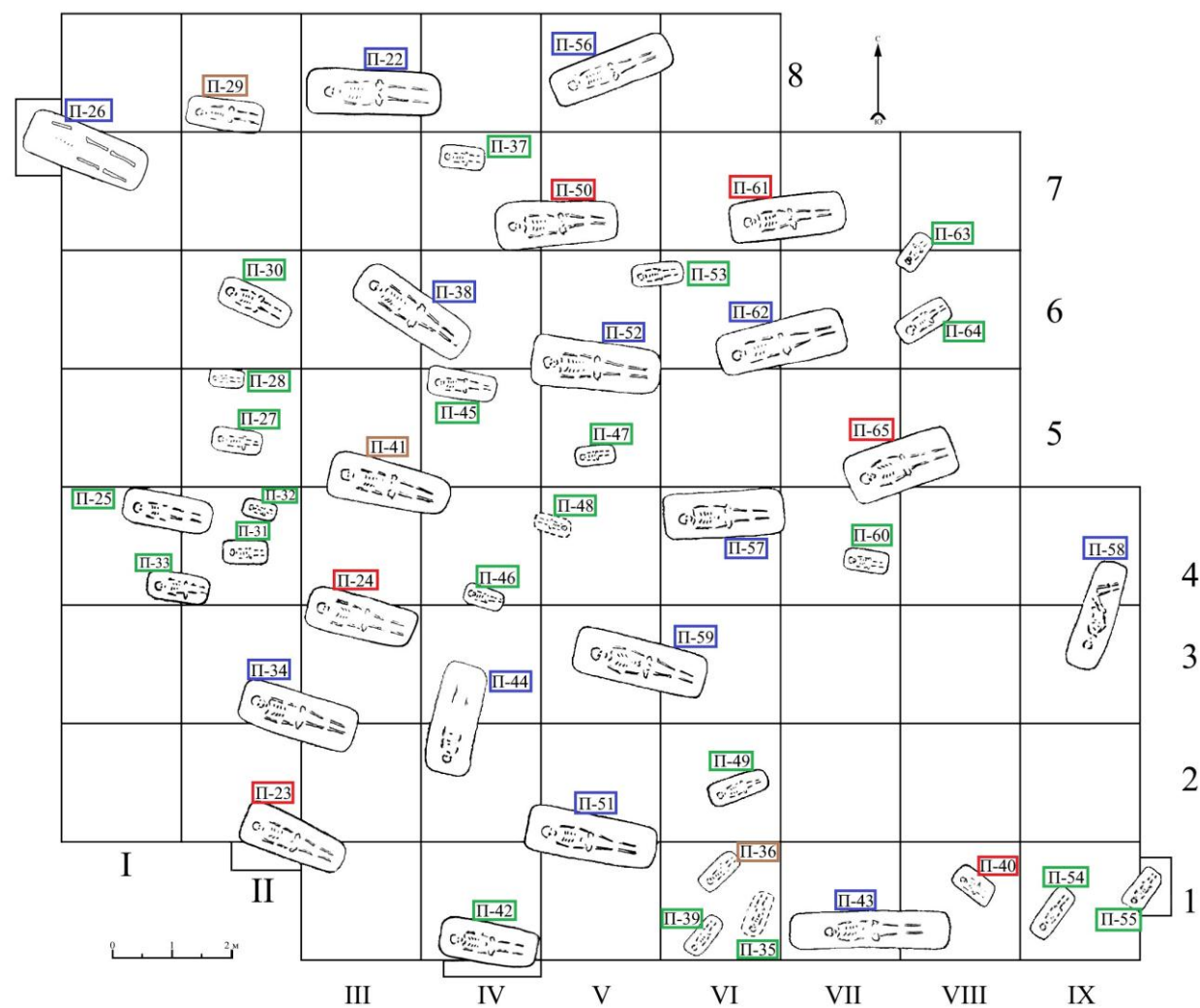

Рис. 28. Шиповский могильник, грунтовая часть. Планиграфия раскопа VII.

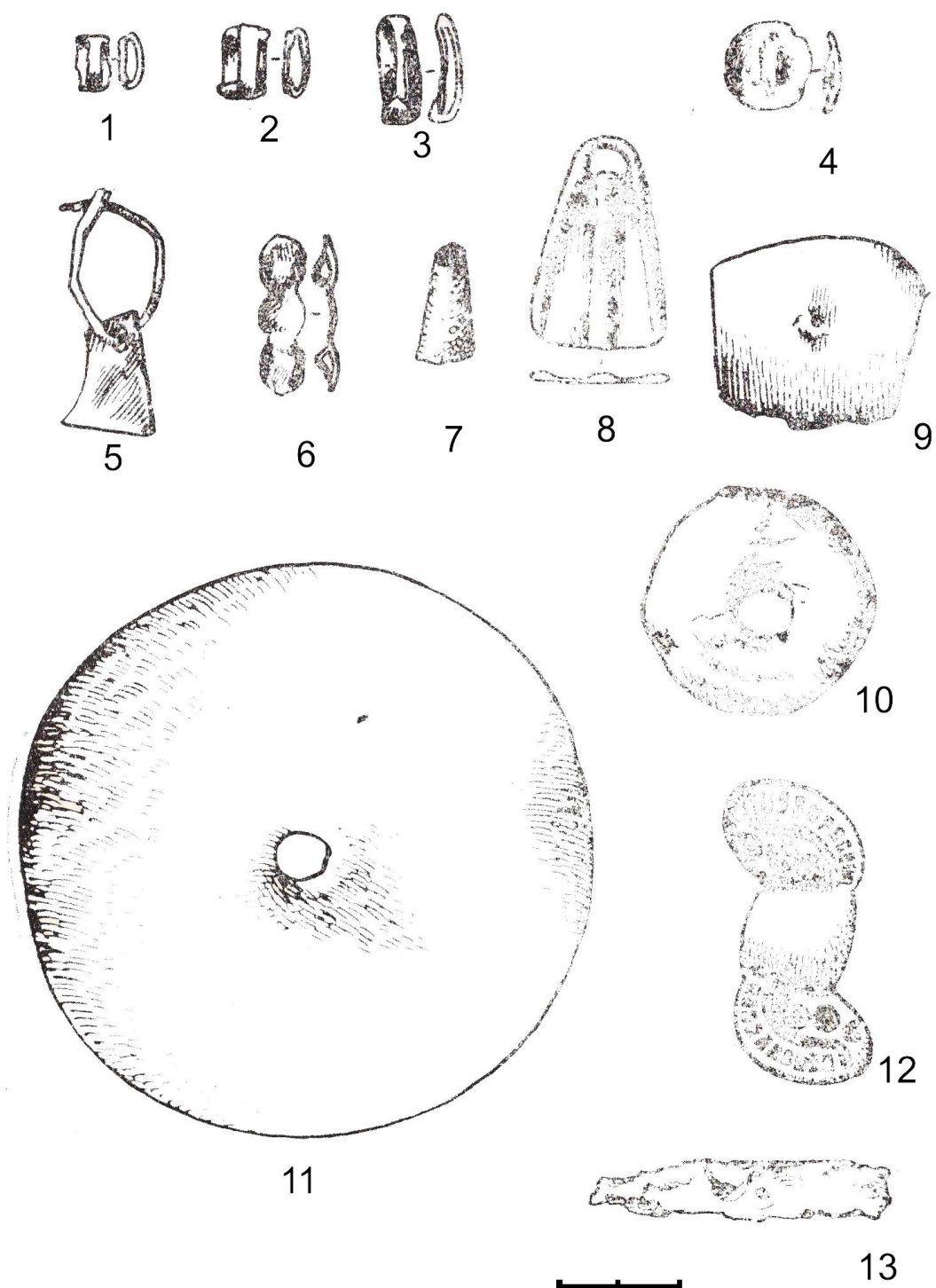

Рис. 29. Шиповский могильник. Грунтовая часть. Сопроводительный инвентарь погр. 5: 1, 2 – пронизки; 3 – удлиненная обойма; 4 – мелкая бляшка с ушком на обороте; 5 – височная трапецевидная подвеска; 6 – удлиненная накладка с двумя перехватами; 7 – подвеска конусовидной формы; 8 – трапецевидная подвеска; 9 – плоская бляшка с отверстием в центре; 10 – глиняное пряслице; 11 – дисковидная бляха с отверстием в центре; 12 – поясная накладка; 13 – железный нож [по А.Х. Пшеничнюку, 1976а].

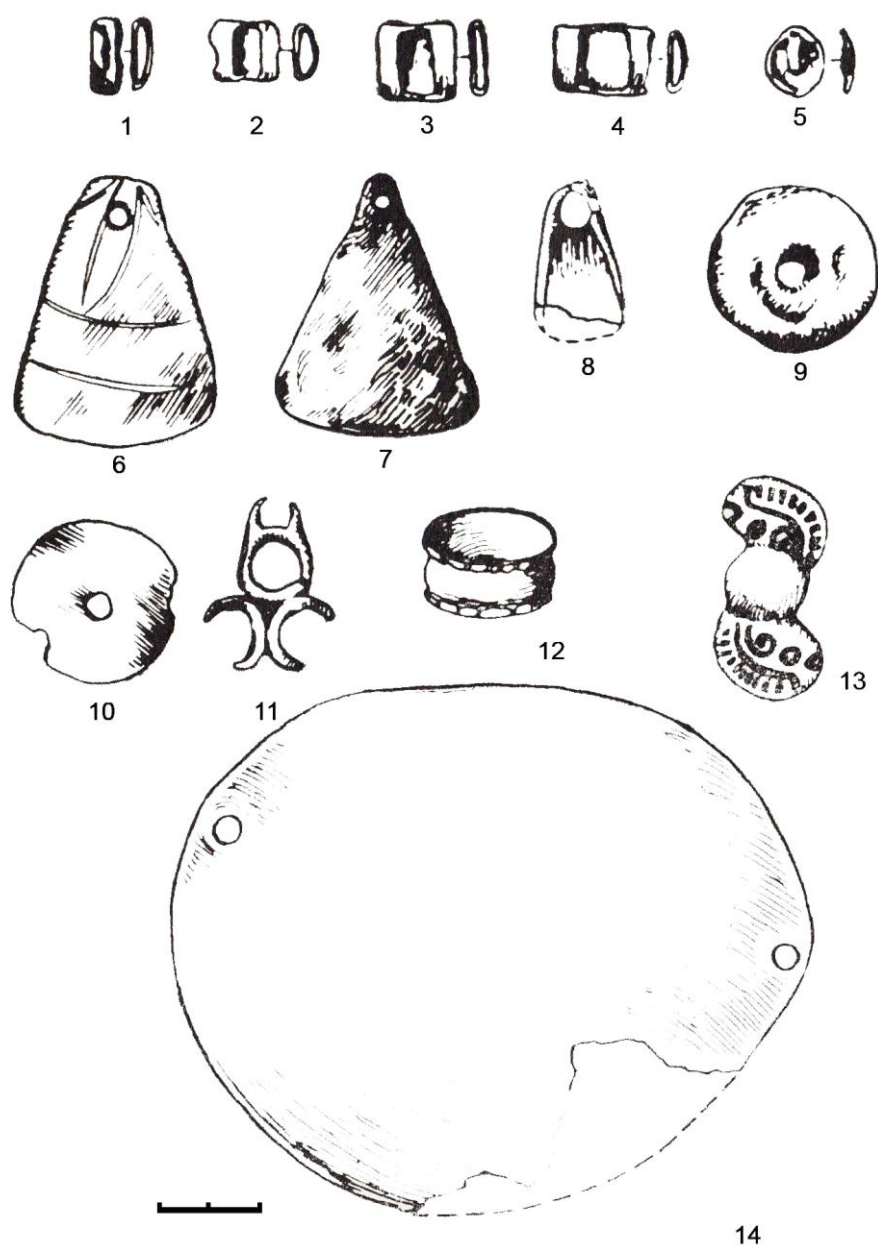

Рис. 30. Шиповский могильник. Грунтовая часть. Сопроводительный инвентарь погр. 8: 1-4 – бронзовые обоймы с прямоугольным вырезом; 5 – бляшка с ушком на обороте; 6-8 – трапецевидные подвески; 9 – глиняное пряслице; 10 – фрагмент дисковидной бляхи с отверстием в центре; 11 – подвески в виде трех спаянных колец; 12 – бронзовый перстень; 13 – поясная накладка; 14 – дисковидная бляха с двумя отверстиями по краям [по А.Х. Пшеничнюку, 1976а].

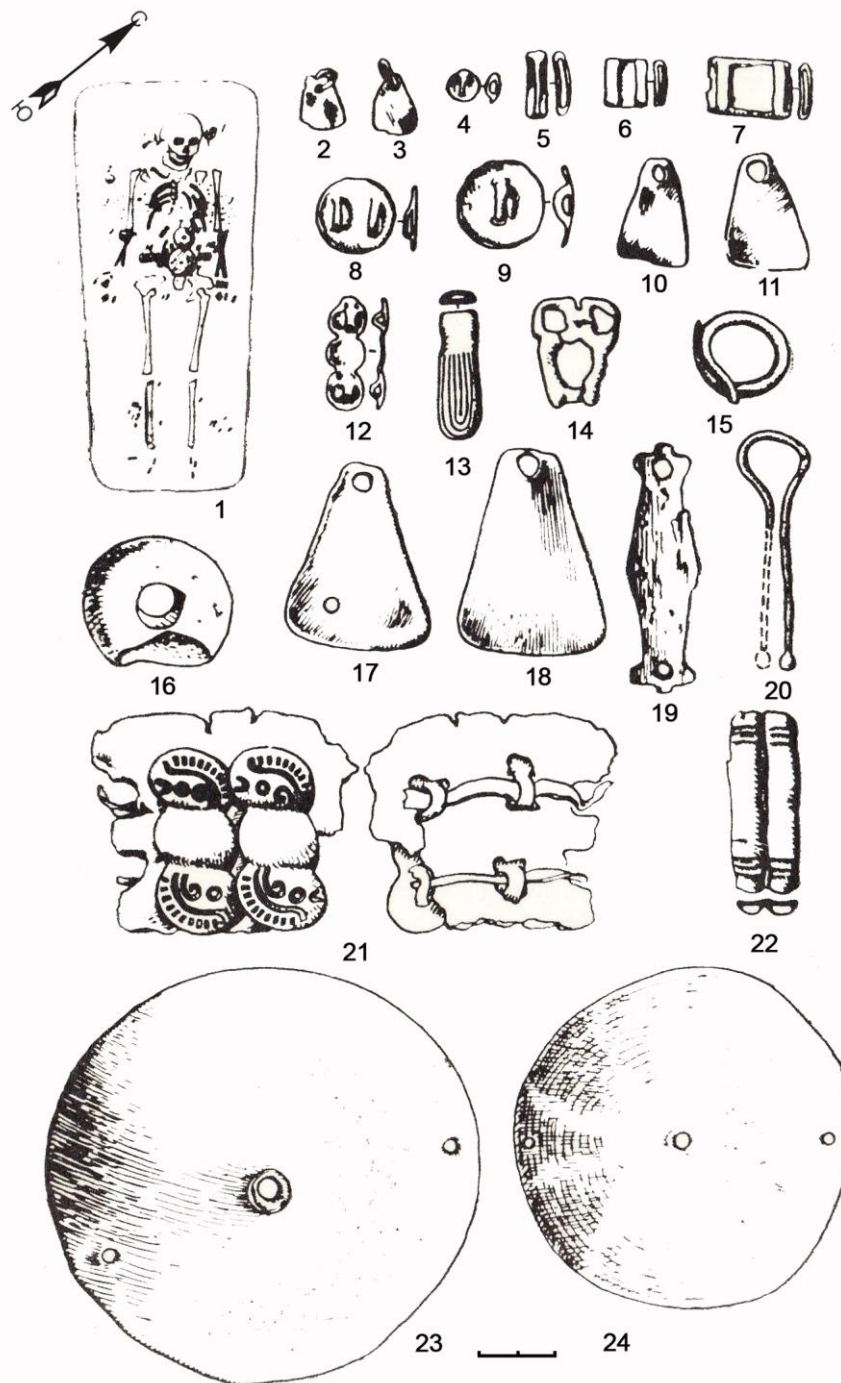

Рис. 31. Шиповский могильник. Грунтовая часть. Сопроводительный инвентарь погр. 23: 1 – план погребения; 2, 3, 10, 17, 18 – трапецевидные подвески; 4, 8, 9 – круглые бляшки с ушком на обороте; 12 – строенная накладка; 13 – наконечник ремня; 14 – бронзовая подвеска; 15 – проволочный перстень; 16 – каменное пряслице; 19 – костяная подвеска; 20 – петлевидная подвеска; 21 – поясные накладки; 22 – спаренные накладки; 23, 24 – дисковидные бляхи с отверстиями в центре и по краям [по А.Х. Пшеничнюку, 1976а].

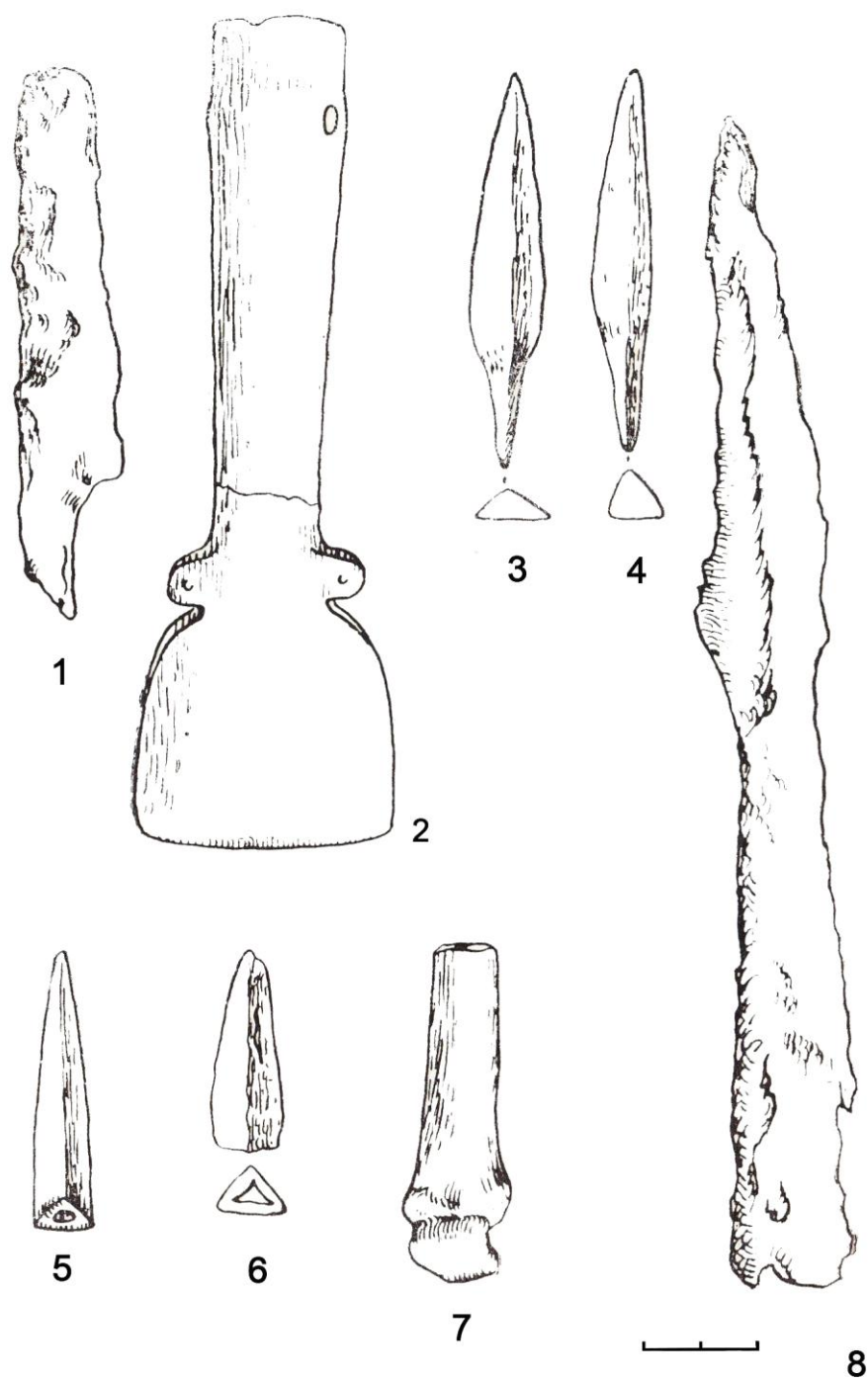

Рис. 32. Шиповский могильник. Грунтовая часть. Сопроводительный инвентарь погр. 34: 1 – железный нож; 2 – костяная лопаточка; 3-6 – костяные наконечники стрел; 7 – костяная подвеска; 8 – железный наконечник копья [по А.Х. Пшеничнюку, 1976а].

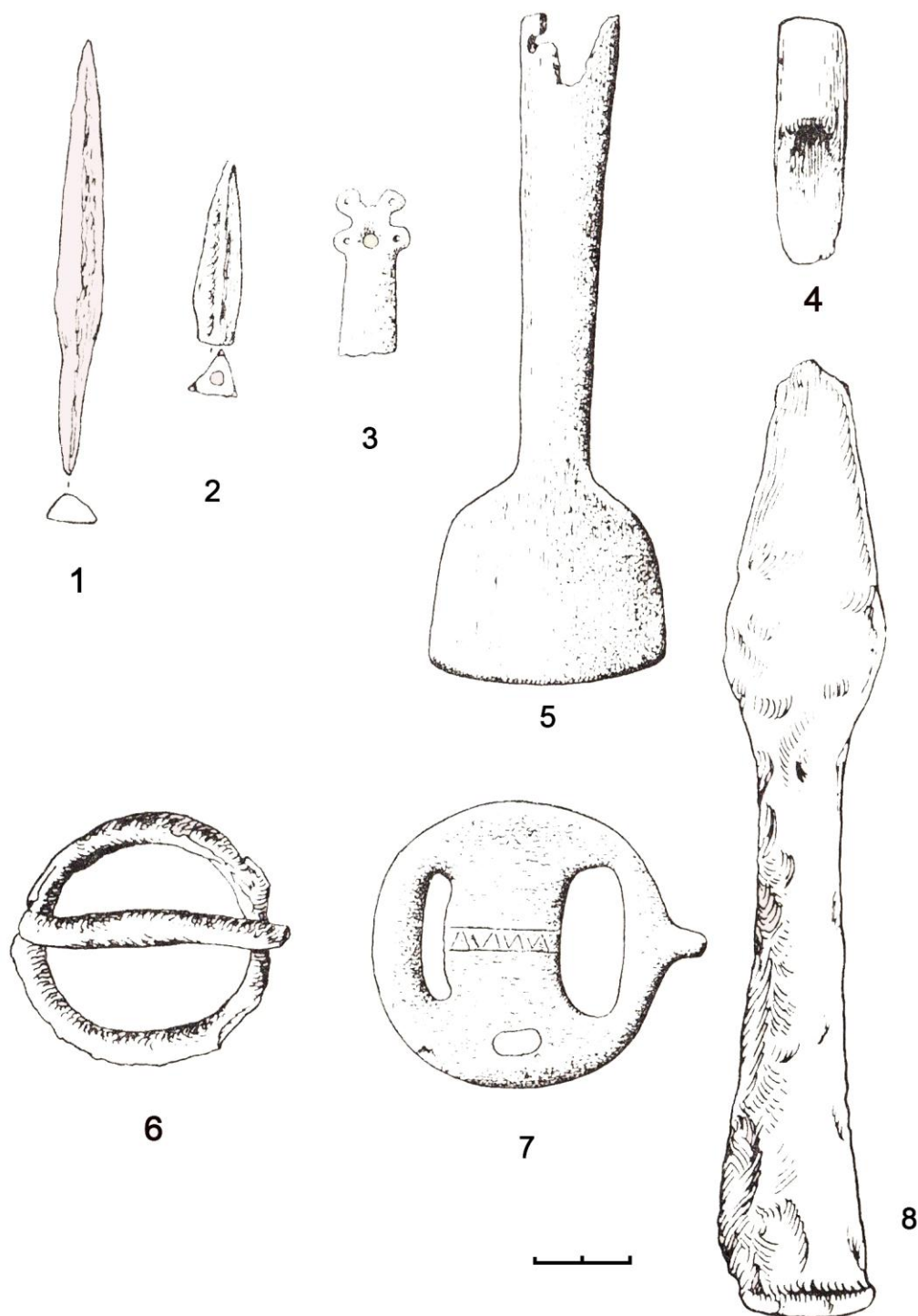

Рис. 33. Шиповский могильник. Грунтовая часть. Сопроводительный инвентарь погр. 59: 1, 2 – костяные наконечники стрел; 3 – костяная накладка; 4 – костяная подвеска-трубочка; 5 – костяная лопаточка; 6 – железная пряжка с подвижным язычком; 7 – костяная пряжка; 8 – железный наконечник копья [по А.Х. Пшеничному, 1976а].

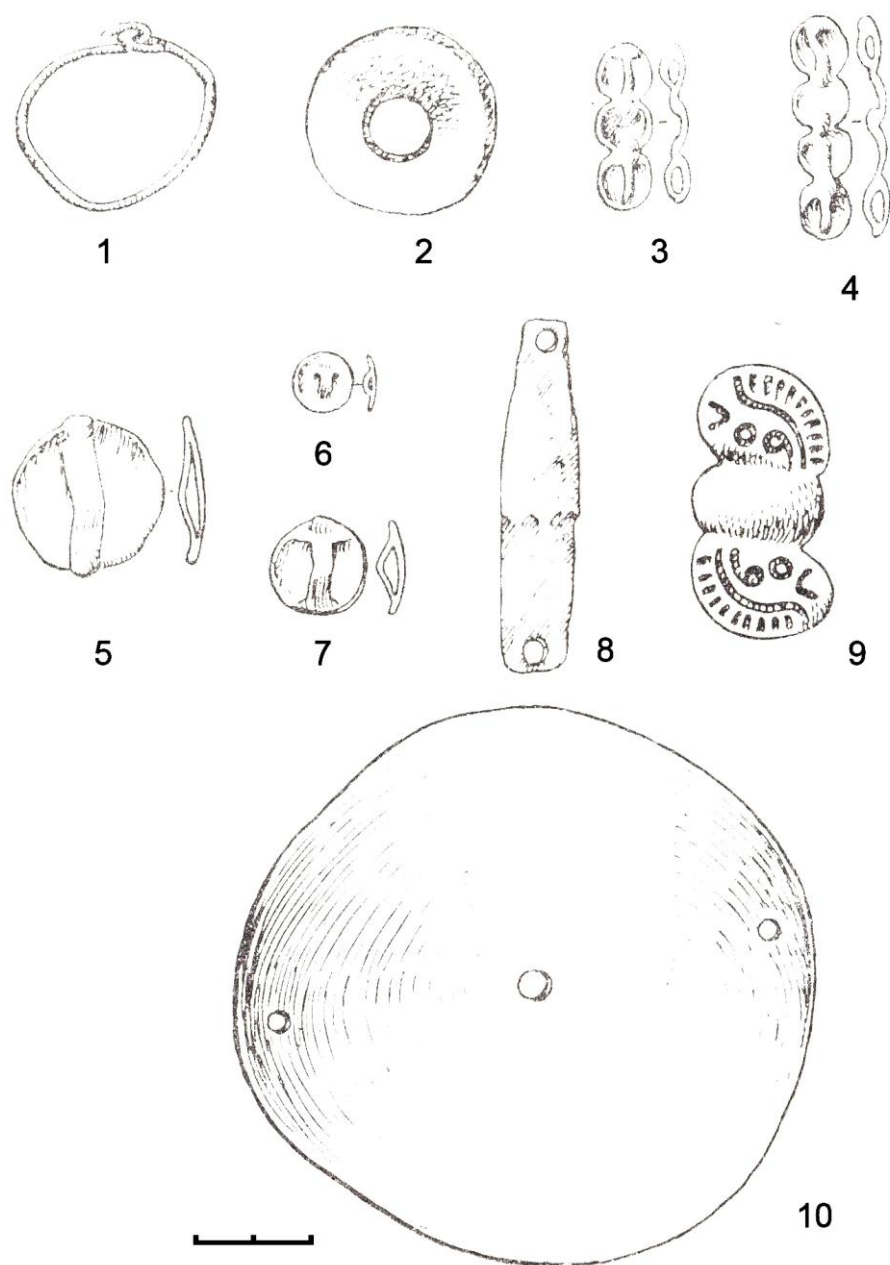

Рис. 34. Шиповский могильник. Грунтовая часть. Сопроводительный инвентарь погр. 61: 1 – височное проволочное кольцо с загнутыми концами; 2 – глиняное пряслице; 4 – бронзовая накладка с тремя перехватами; 5-7 – бронзовые бляшки с ушком на обороте; 8 – костяная накладка; 9 – поясная накладка; 10 – дисковидная бляха с отверстиями в центре и по краям [по А.Х. Пшеничнюку, 1976а].

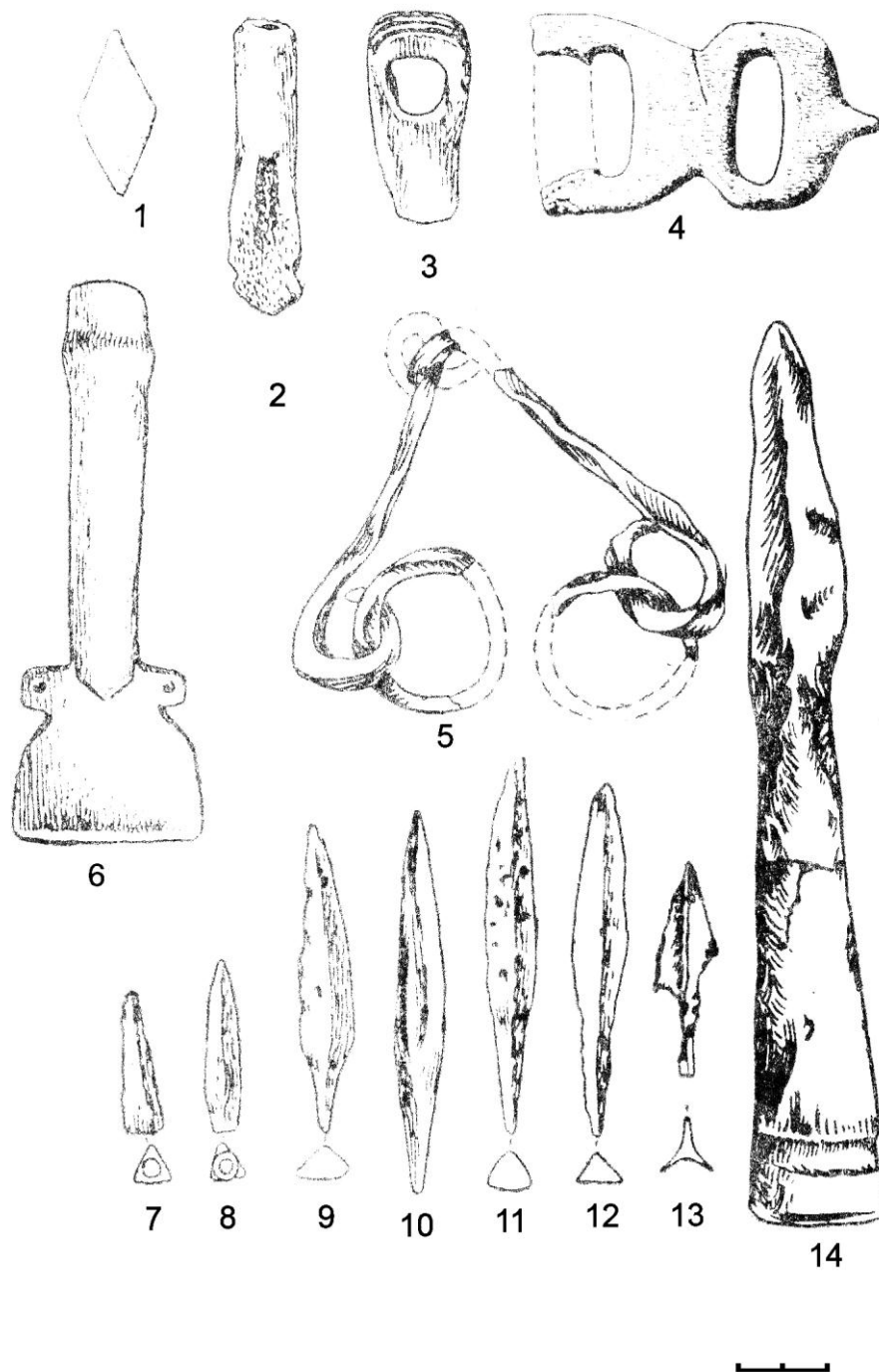

Рис. 35. Шиповский могильник. Грунтовая часть. Сопроводительный инвентарь погр. 62: 1 – бронзовая поясная накладка ромбической формы с ушком на обороте; 2, 3 – костяная подвеска; 4 – костяная пряжка; 5 – удила; 6 – костяная лопаточка; 7-12 – костяные наконечники стрел; 13 – железный наконечник стрелы; 14 – железный наконечник копья [по А.Х. Пшеничнюку, 1976а].

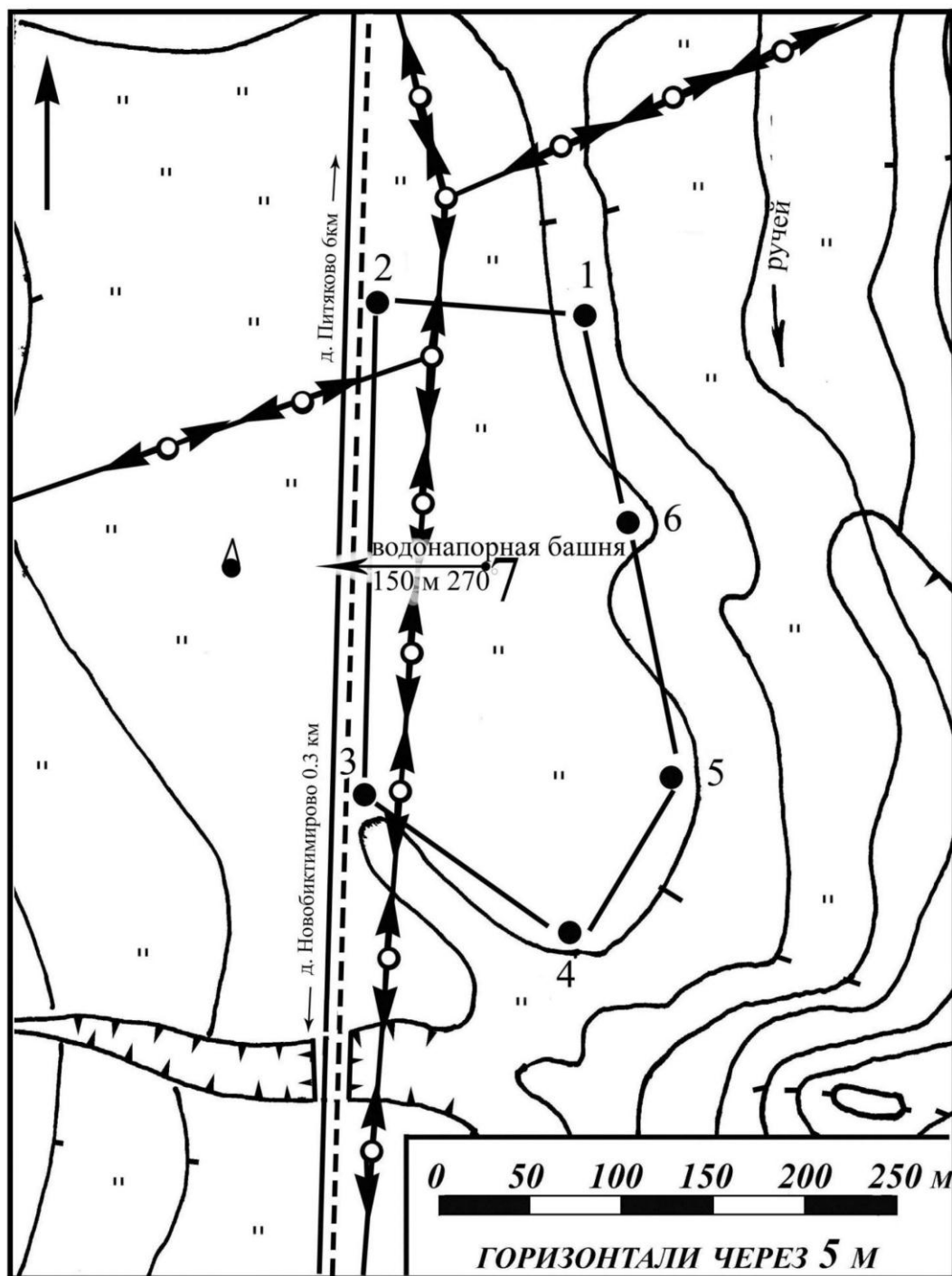

Рис. 36. Биктимирово-1, грунтовый могильник (Биктимировский I могильник). Топографический план В.В. Овсянникова 2011 г. [по: И.Х. Каюмов, 2011]

1962 г. БАЭ - 1

Биктимировский могильник
План раскопа I

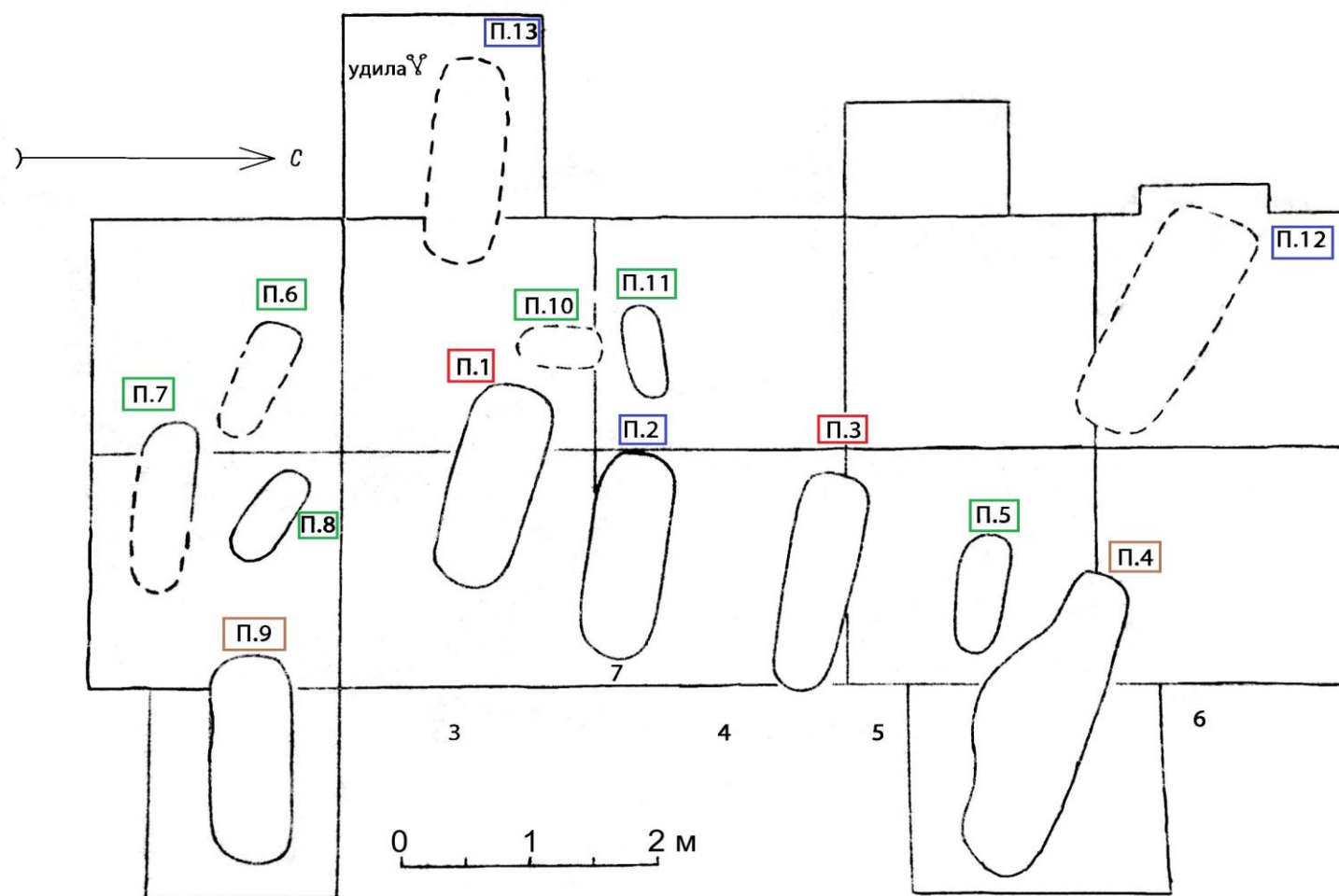
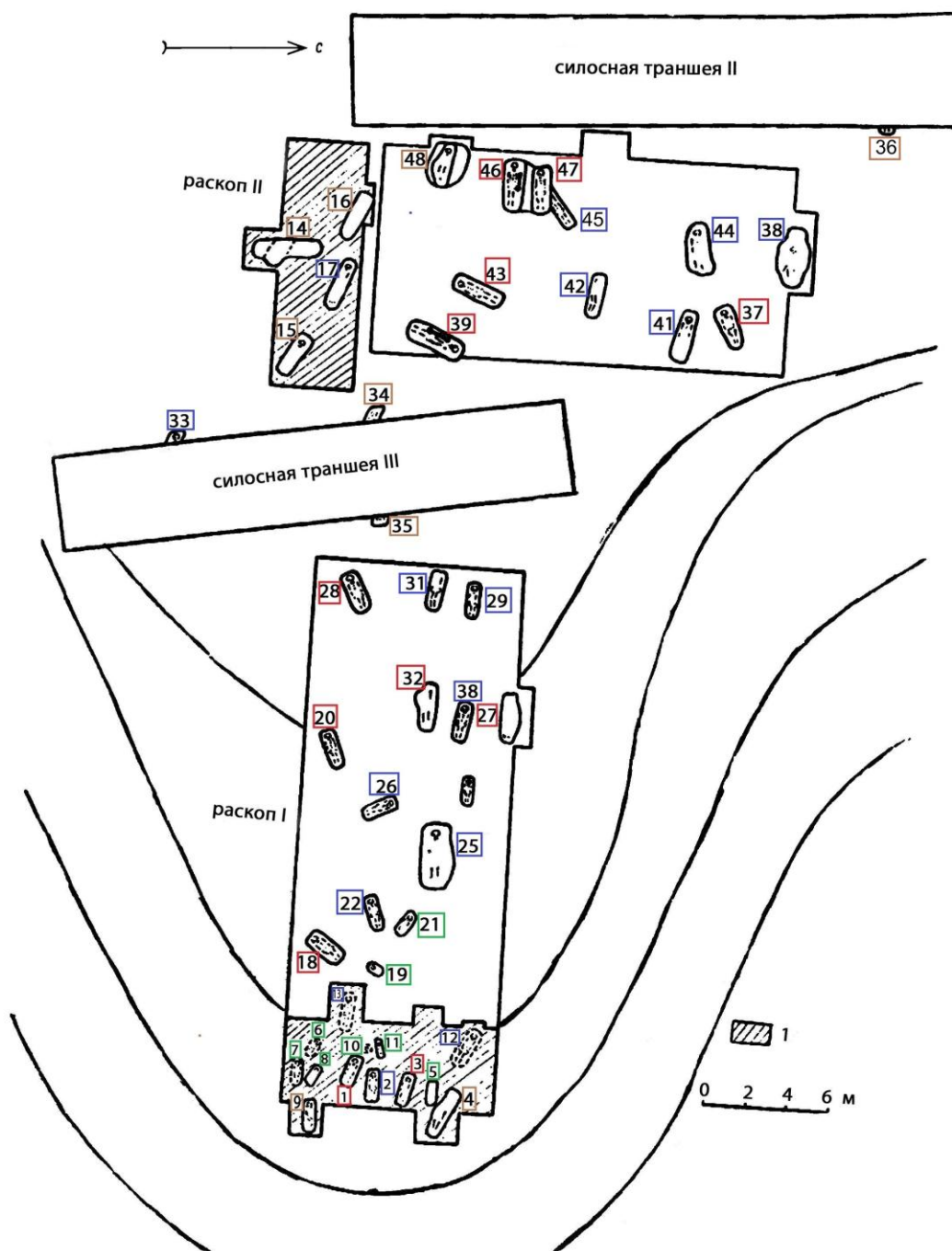

Рис. 37. I Биктимировский могильник. Планиграфия Раскопа I (1962 г.).

Рис. 38. I Биктимировский могильник. Планиграфия Раскопа II (1962 г.).

План раскопов Биктимировского могильника.
I - участки, вскрытые в 1962 г.

Рис. 39. План раскопов Биктимировского могильника [основа, по А.Х. Пшеничнюку, 1964а].

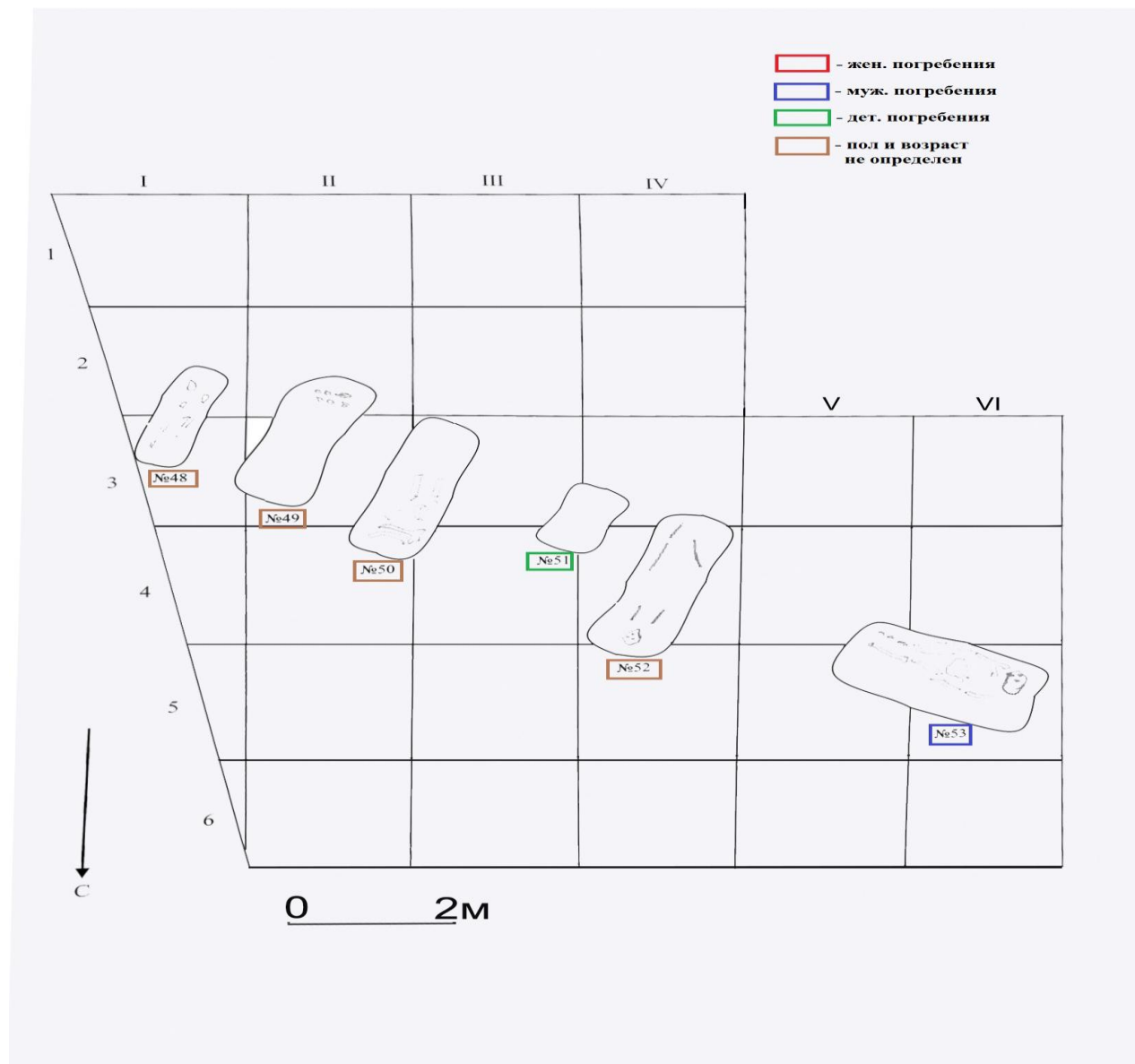

Рис. 40. I Биктимировский могильник. Планиграфия Раскопа III (1964 г.).

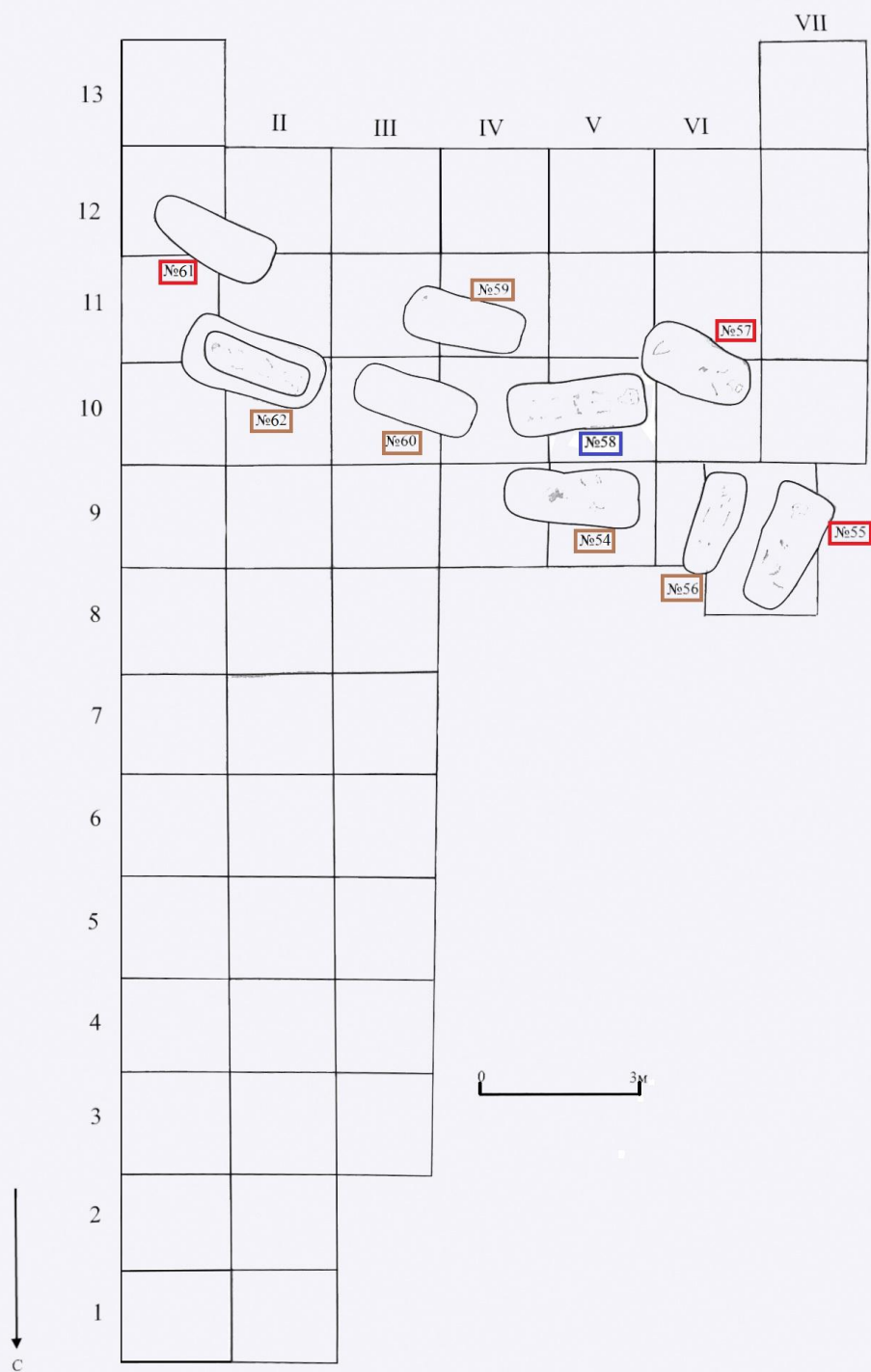

Рис. 41. I Биктимировский могильник. Планиграфия Раскопа IV (1964 г.).

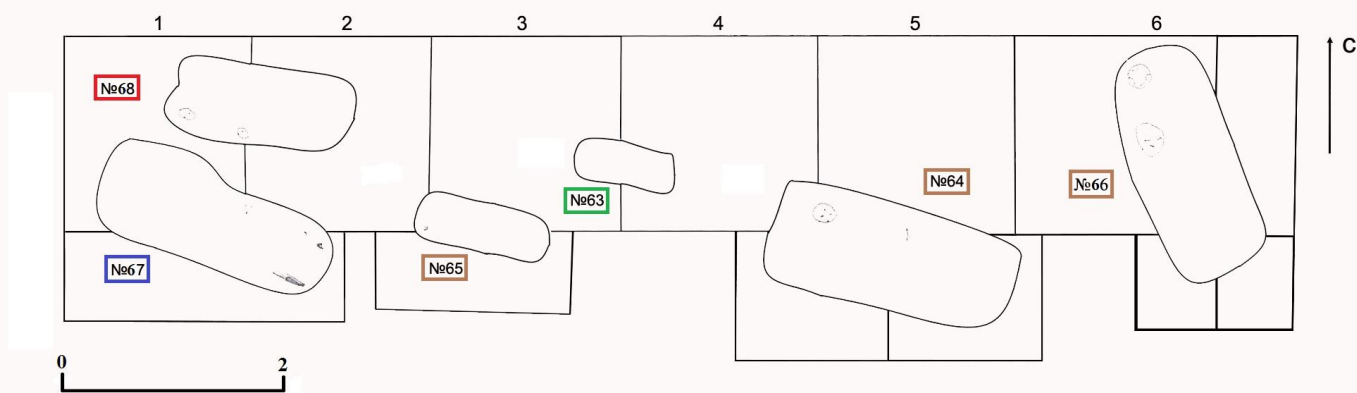

Рис. 42. I Биктимировский могильник. Планиграфия Раскопа V (1964 г.).

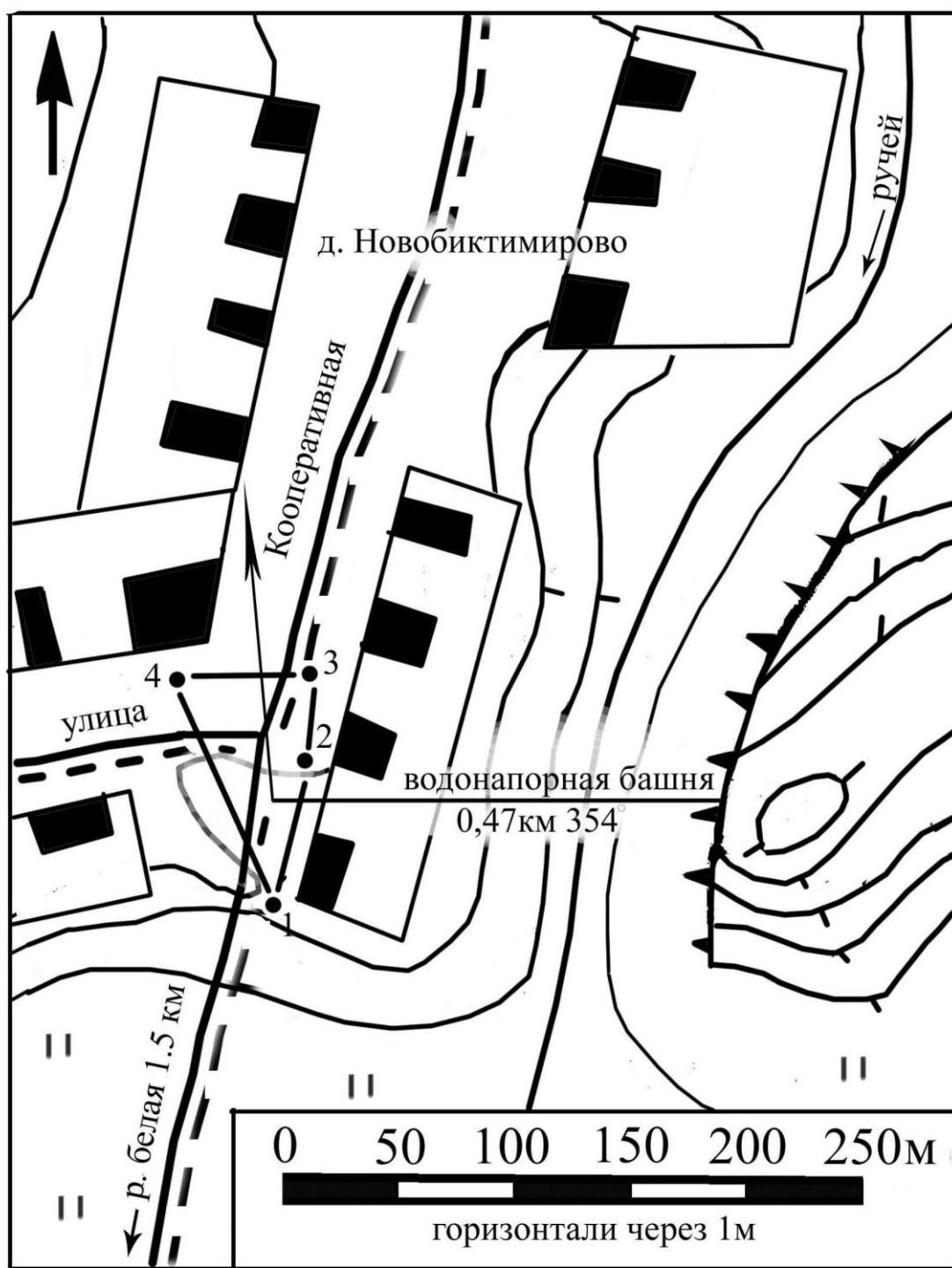

Рис. 43. Биктимирово-3, грунтовый могильник
(Биктимировский III могильник).
Топографический план В.В. Овсянникова 2011 г.
[по: И.Х. Каюмов, 2011]

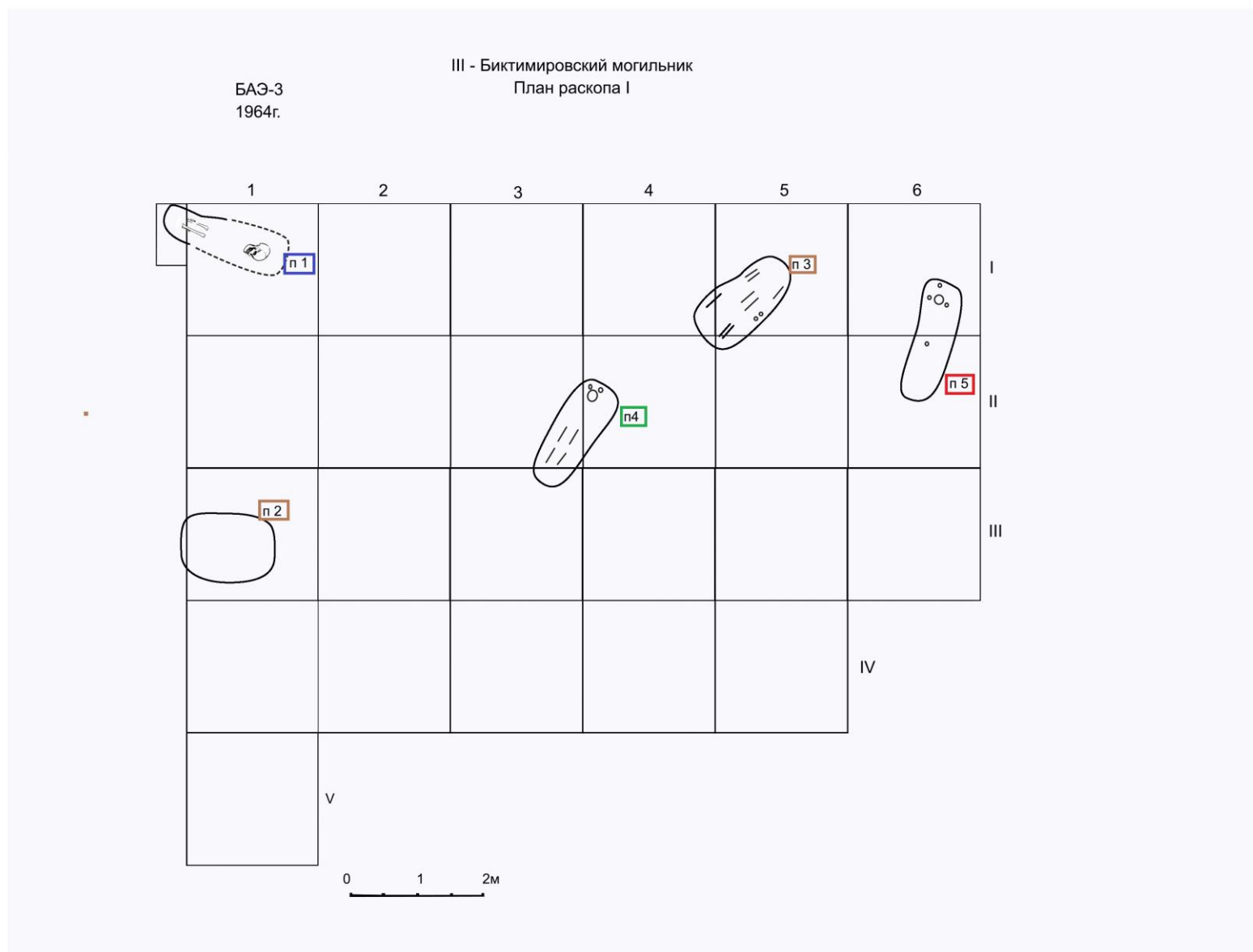

Рис. 44. III Биктимировский могильник. Планиграфия Раскопа I (1964 г.).

БАЭ - 3
1964 г

III - Биктимировский могильник План раскопа II

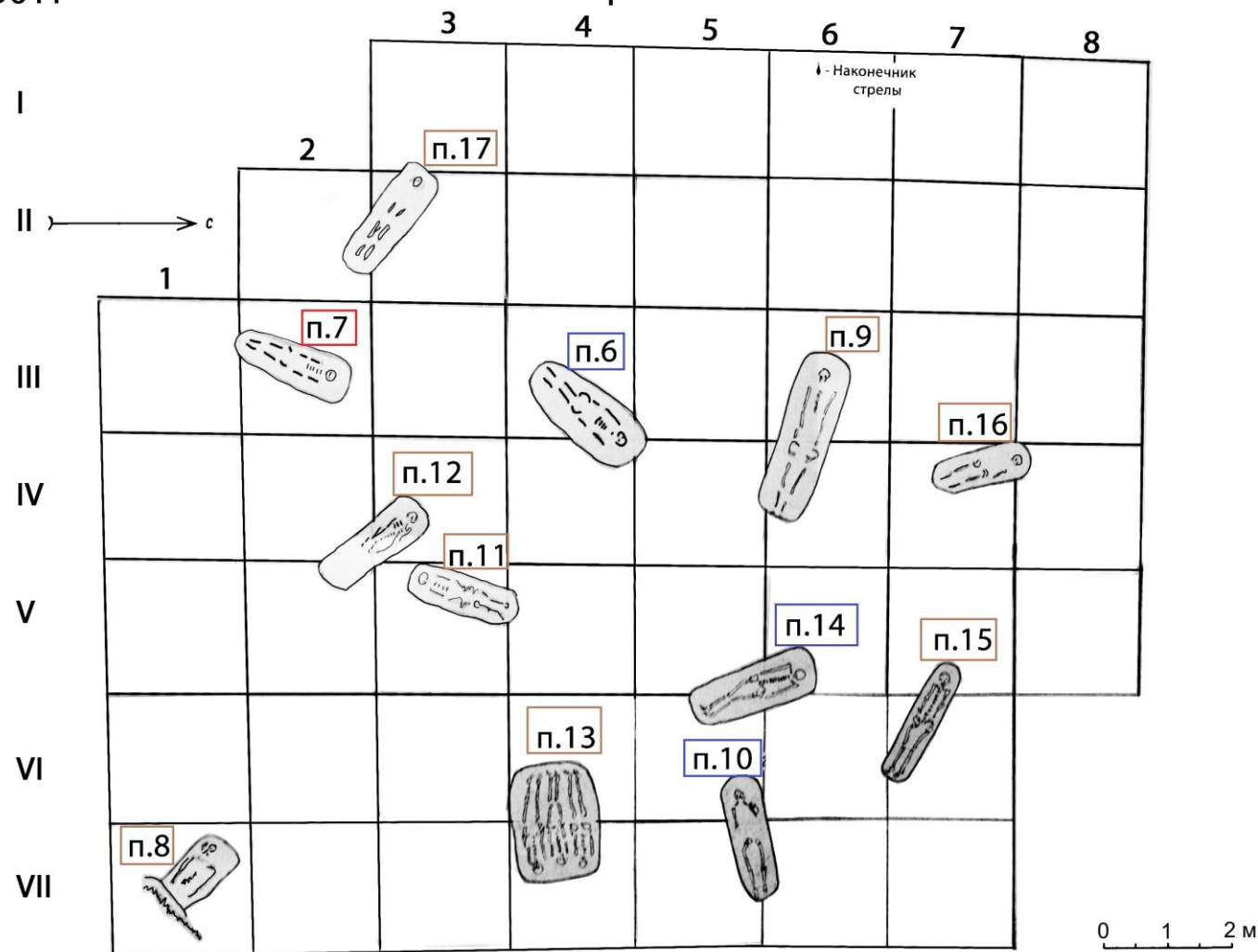
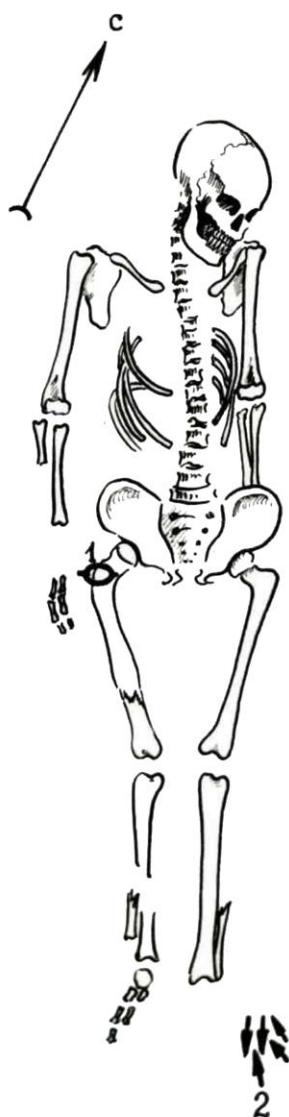

Рис. 45. III Биктимировский могильник. Планиграфия Раскопа II (1964 г.)

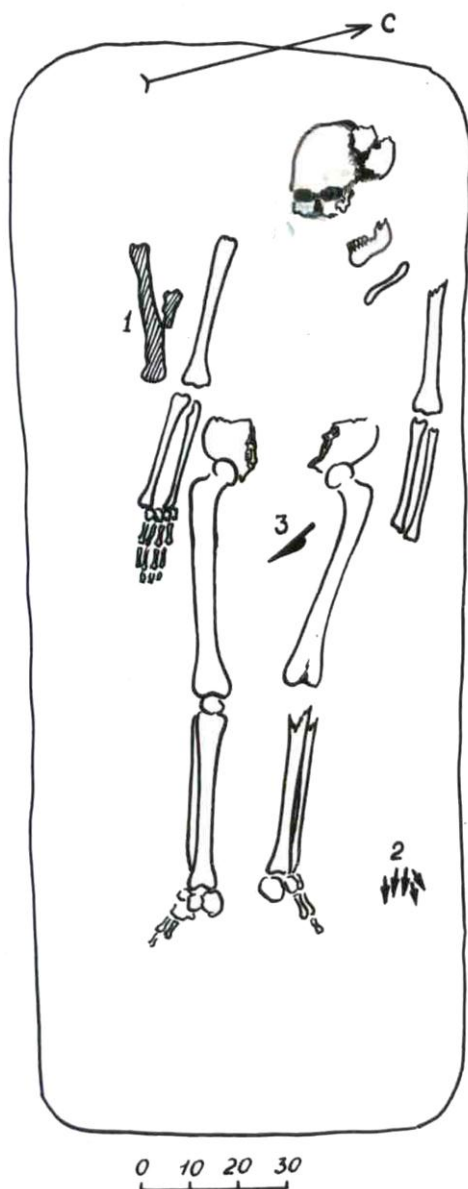
Охлебининский могильник № 2
1-пряжка
2-наконечник стрелы

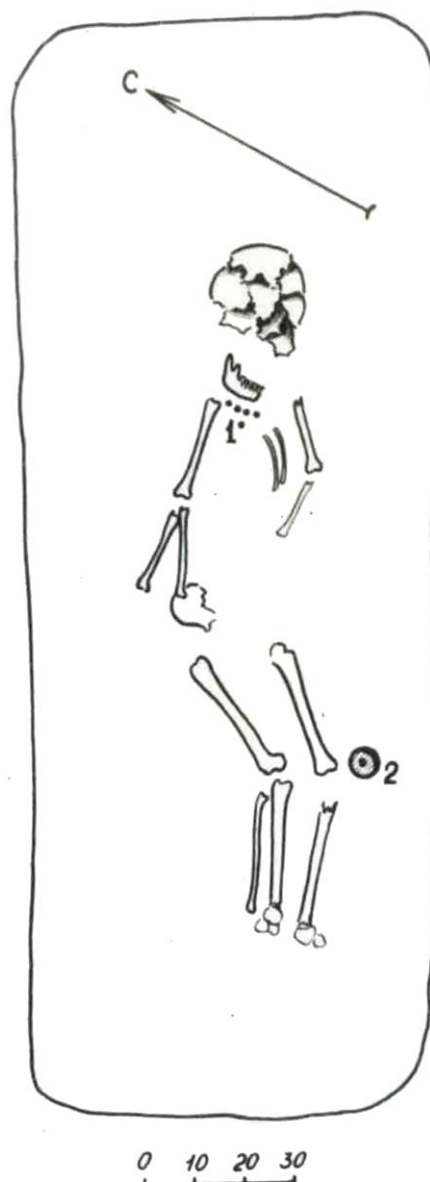
0 10 20 30

Охлебининский могильник,
погребение №8
1-бусы
2-железный нож

Рис. 46. Погребения категории – «бедные». Охлебининский могильник, погр. 2 и 8.

Охлебининский могильник,
погребение №155
1-кость животного
2- наконечник стрел
3-нож

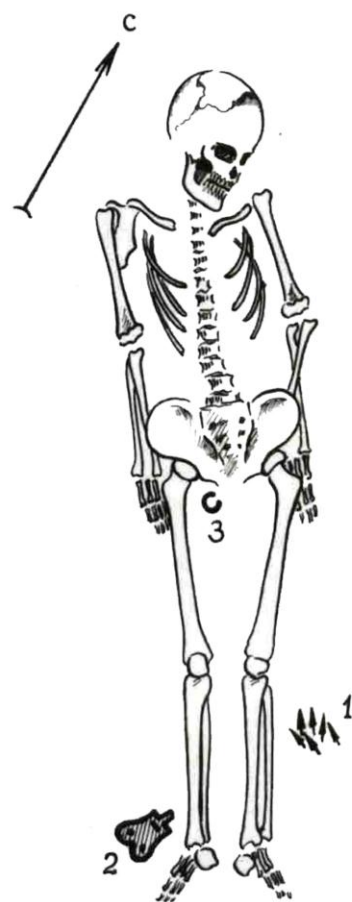

Охлебининский могильник
погребение №145
1-бусы
2-пряслице

Рис. 47. Погребения категории – «бедные». Охлебининский могильник,
погр. 155 и 145

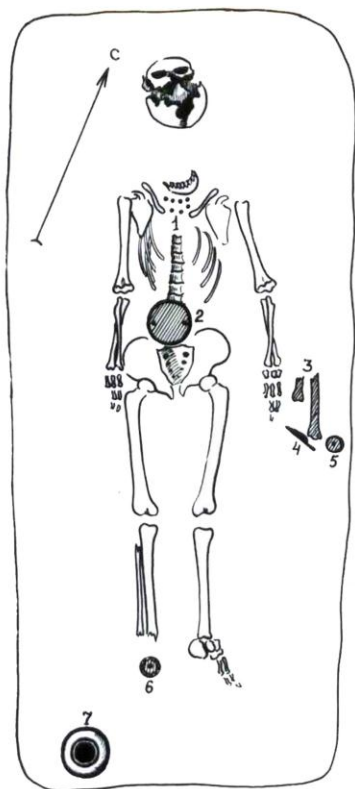

Охлебининский могильник
Погребение № 5
1 - кости животного
2 - бусы
3 - обоймочка
4, 5 - обувные пряжки
6 - обложки сосуда

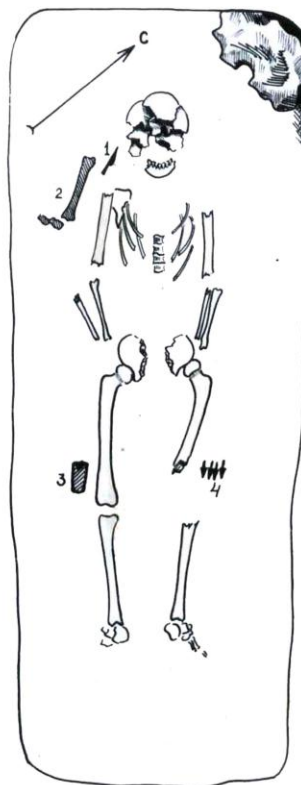
Охлебининский могильник
Погребение № 6
1 - наконечник стрел
2 - костяная пряжка
3 - железное кольцо

Рис. 48. Погребения категории – «рядовые». Охлебининский могильник, погр. 5 и 6.

0 10 20 30

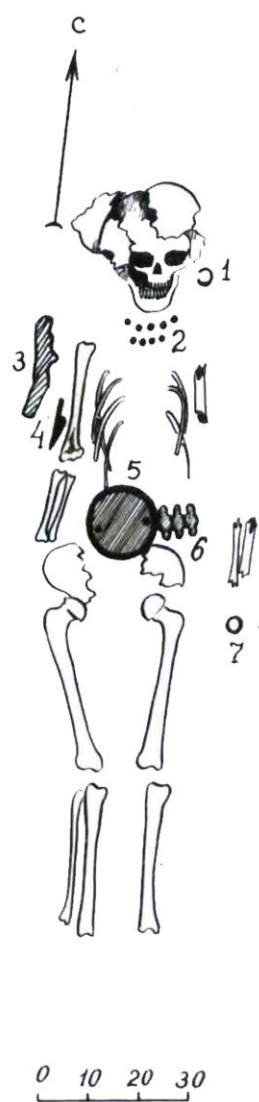
Охлебининский могильник
Погребение № 187
1 - бусы
2 - поясная бляха
3 - кости животного
4 - нож
5 - пряслице
6 - бляжка
7 - сосуд

0 10 20 30

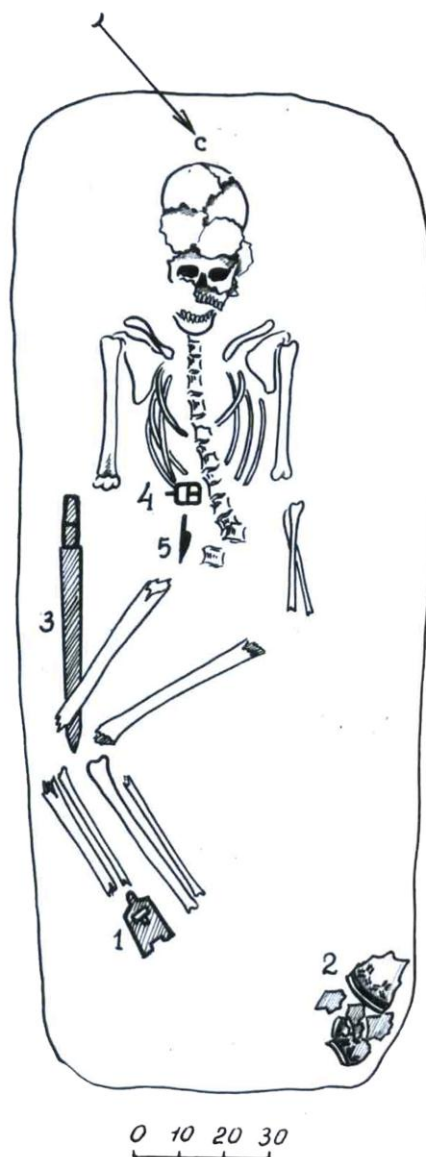
Охлебининский могильник
Погребение № 189
1 - нож
2 - кости животного
3 - наконечник ножен меча
4 - наконечники стрел

Рис. 49. Погребения категории – «рядовые». Охлебининский могильник, погр. 187 и 189.

ОХЛЕБНИНСКИЙ МОГИЛЬНИК
ПОГРЕБЕНИЕ №16

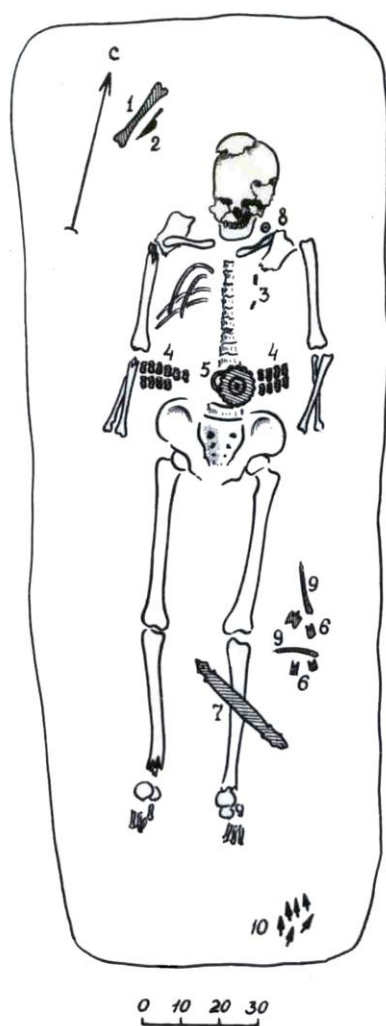
- 1 - ВИСОЧНОЕ КОЛЬЦО,
- 2 - БУСЫ,
- 3 - КОСТЬ ЖИВОТНОГО,
- 4 - НОЖ,
- 5 - ПОЯСНАЯ БЛЯХА,
- 6 - ПОЯСНЫЕ НАКЛАДКИ,
- 7 - ПЕРСТЕНЬ.

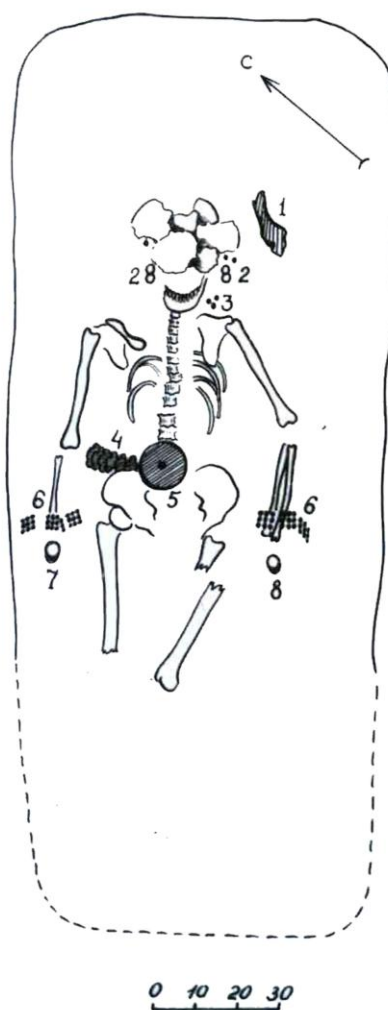
ОХЛЕБНИНСКИЙ МОГИЛЬНИК
ПОГРЕБЕНИЕ №17

- 1 - ПРЯЖКА,
- 2 - ГЛИНЯНОЙ ГОРШОК,
- 3 - МЕЧ,
- 4 - ПРЯЖКА,
- 5 - НОЖ.

Рис. 50. Погребения категории – «богатые». Охлебнинский могильник, погр. 16 и 17.

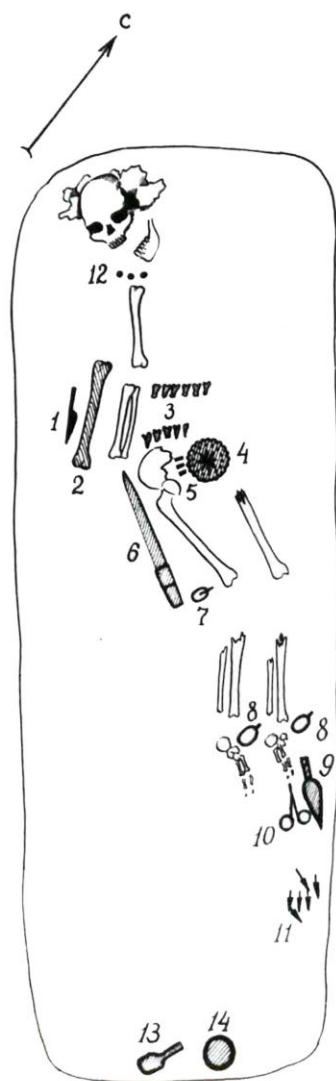

Охлебининский могильник
Погребение №81
1 - кость животного
2 - нож
3 - обоймочки
4 - поясные накладки из зубов медведя
5 - пряжка
6 - зубы медведя
7 - костяная накладка
8 - бусина
9 - костяные пластины
10 - наконечники стрел

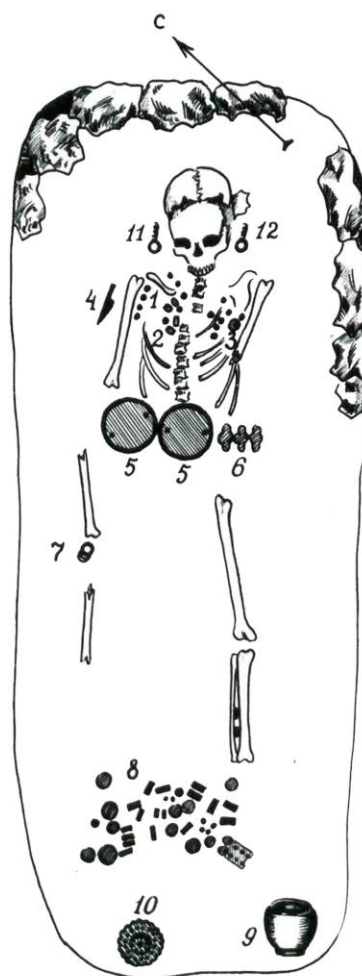
Охлебининский могильник
Погребение №82
1 - кость животного
2 - височные подвески
3 - бляжки
4 - поясные накладки
5 - поясная бляха
6 - нарукавные накладки
7, 8 - перстки

Рис. 51. Погребения категории – «богатые». Охлебининский могильник, погр. 81 и 82.

0 10 20 30

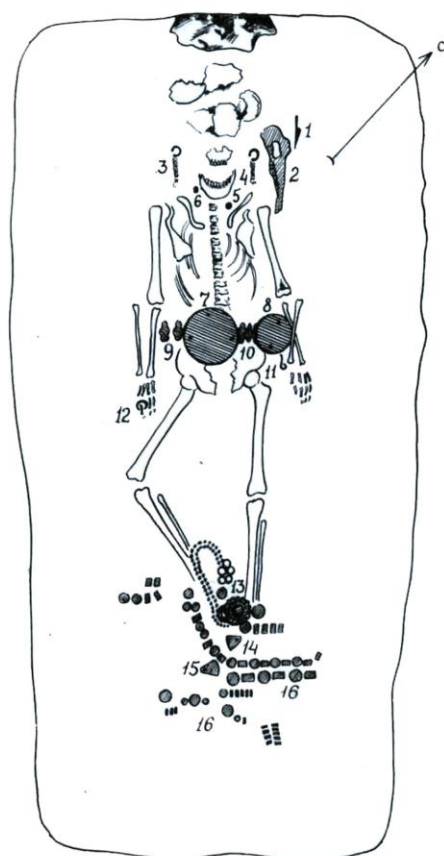
- Охлебининский могильник
Погребение № 12
- 1 - нож
 - 2 - кость животного
 - 3 - накладка пояса из зубов медведя
 - 4 - пряжка
 - 5 - обоймочки
 - 6 - меч
 - 7 - пряжка
 - 8 - обувные пряжки
 - 9 - наконечник копья
 - 10 - удила
 - 11 - наконечники стрел
 - 12 - бусы
 - 13 - костяная лопаточка на уровне материка
 - 14 - глиняная чашечка

0 10 20 30

- Охлебининский могильник
Погребение № 25
- 1 - 3 - бусы
 - 4 - нож
 - 5 - поясные бляхи
 - 6 - поясные накладки
 - 7 - перстень
 - 8 - бляжки, обоймочки на ремнях
 - 9 - горшок
 - 10 - ажурная бляха
 - 11, 12 - височные подвески

Рис. 52. Погребения категории – «очень богатые». Охлебининский могильник, погр. 12 и 25.

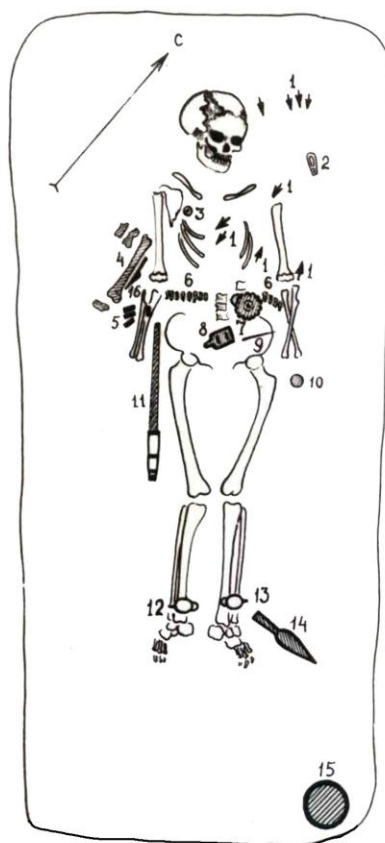

0 10 20 30

Охлебининский могильник

Погребение № 68

- 1 - нож
- 2 - кость животного
- 3, 4 - височные подвески
- 5 - бусина
- 6 - бляшка
- 7, 8 - поясные бляхи
- 9, 10 - поясные накладки
- 11 - поясной крючок
- 12 - перстень
- 13 - кольчатые подвески
- 14, 15 - трапециевидные подвески
- 16 - бляжки и обоймочки

0 10 20 30

Охлебининский могильник

Погребение № 142

- 1 - наконечники стрел
- 2 - подвеска
- 3 - бусина
- 4 - кости животного
- 5 - обоймочки
- 6 - костяные накладки пояса
- 7 - бронзовая пряжка
- 8 - костяная пряжка
- 9 - нож
- 10 - бляжка
- 11 - меч
- 12, 13 - обувные пряжки
- 14 - наконечник копья
- 15 - сосуд
- 16 - нож

Рис. 53. Погребения категории – «очень богатые». Охлебининский могильник, погр. 68 и 142.

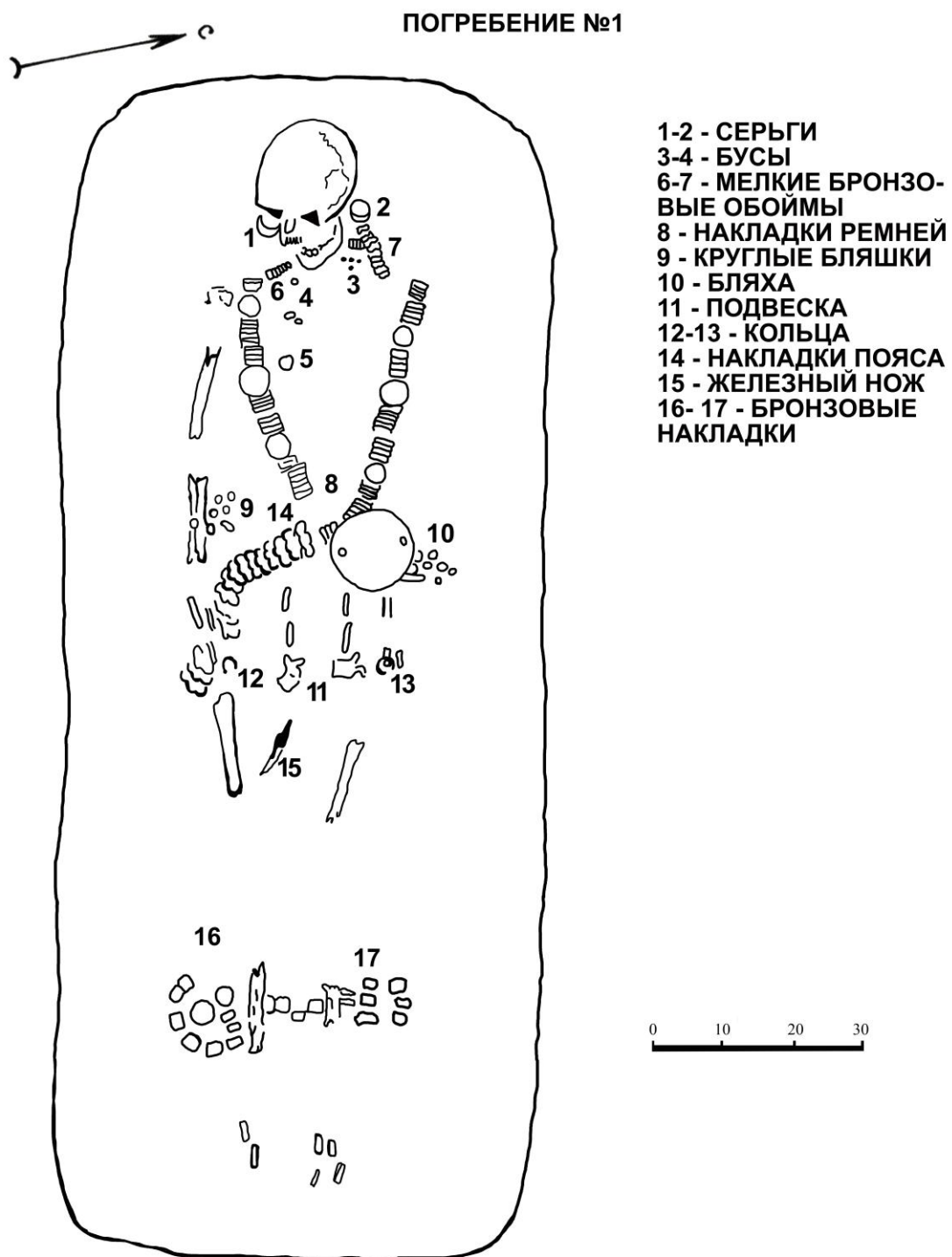
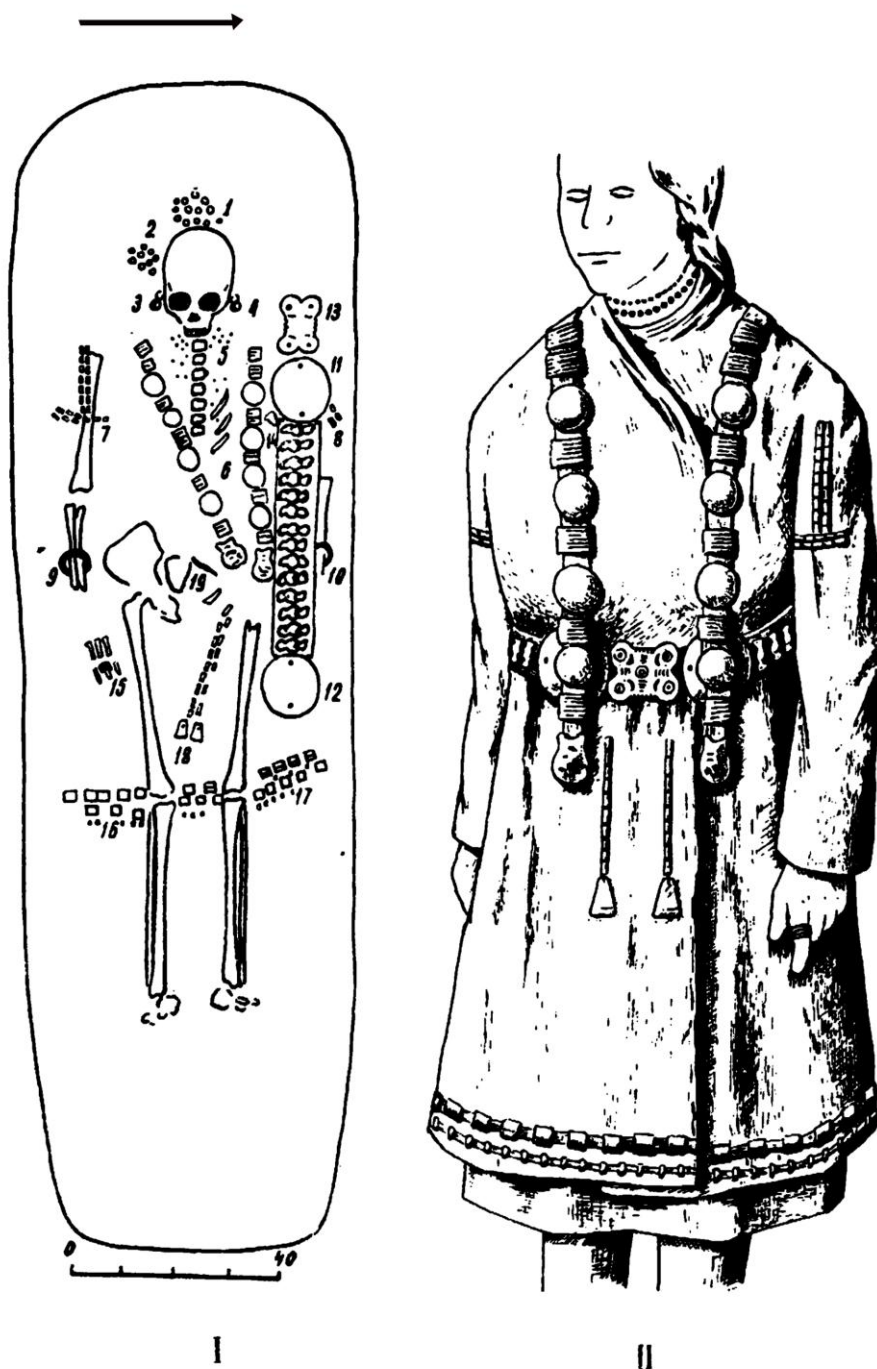

Рис. 54. Погребения категории – «очень богатые». Биктимировский могильник, погр. 1.

I. План погребения № 46.

1, 2 — мелкие бляшки; 3, 4 — височные кольца; 5 — бусы; 6 — «портупен»; 7, 8 — гофрированные обоймины; 9, 10 — браслеты; 11, 12 — дисконидные бляхи; 13 — пряжка; 14 — пояс; 15 — перстень; 16, 17 — гладкие накладки-с-бойми; 18 — подвески; 19 — нож.

II. Реконструкция костюма по погребению № 46.

Рис. 55. Погребения категории — «очень богатые». Биктимировский могильник, погр. 46 [по А.Х. Пшеничнюку, 1964а].

3. ДИАГРАММЫ И КЛАСТЕРЫ

Рис. 56. Частота встречаемости вещей относящихся к деталям ритуала.

Рис. 57. Частота встречаемости бытовых вещей в погребальном обряде кара-абызской культуры.

Рис. 58. Ассортимент вооружения.

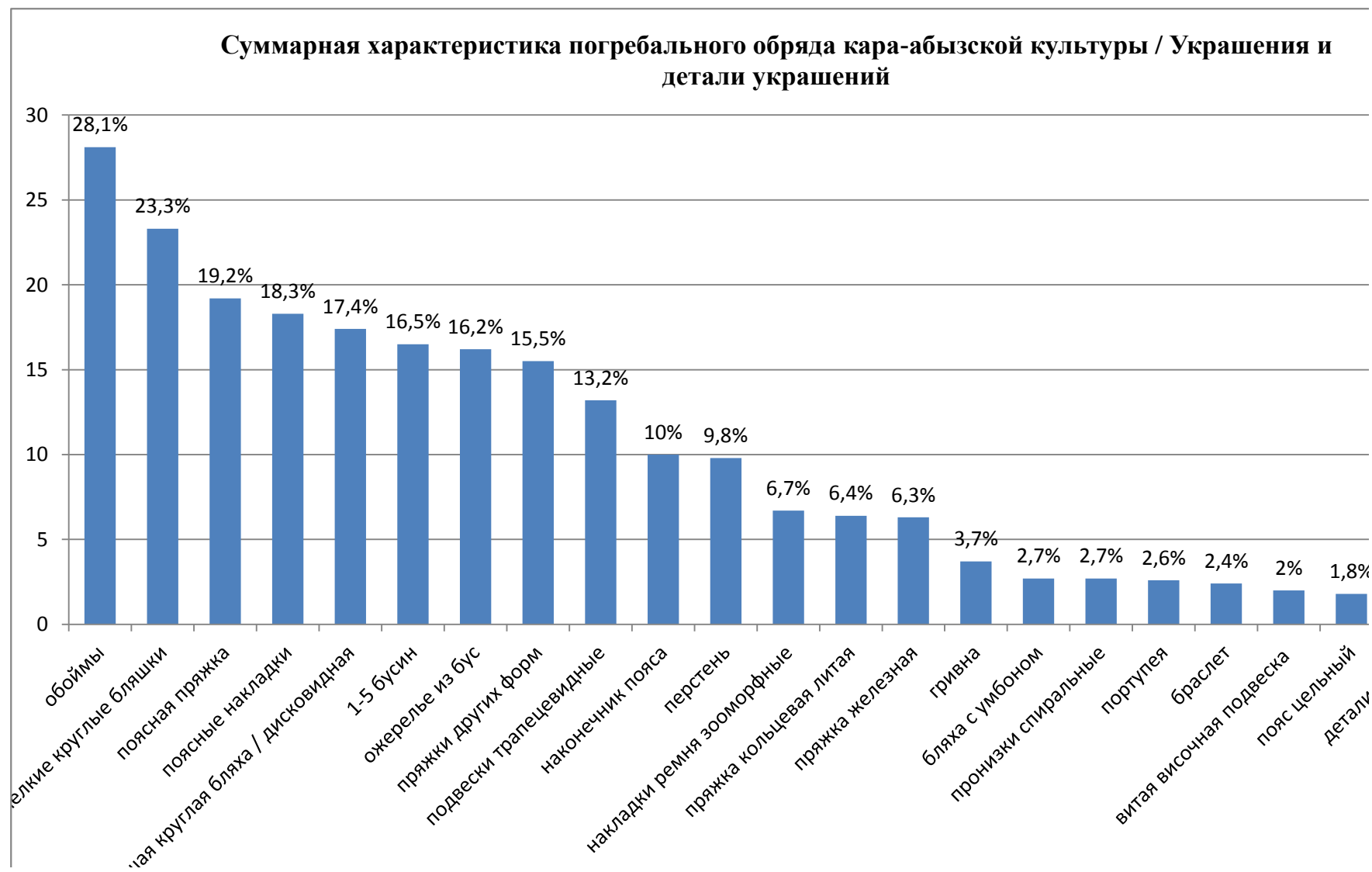

Рис. 59. Украшения и детали костюмного комплекса кара-абызской культуры

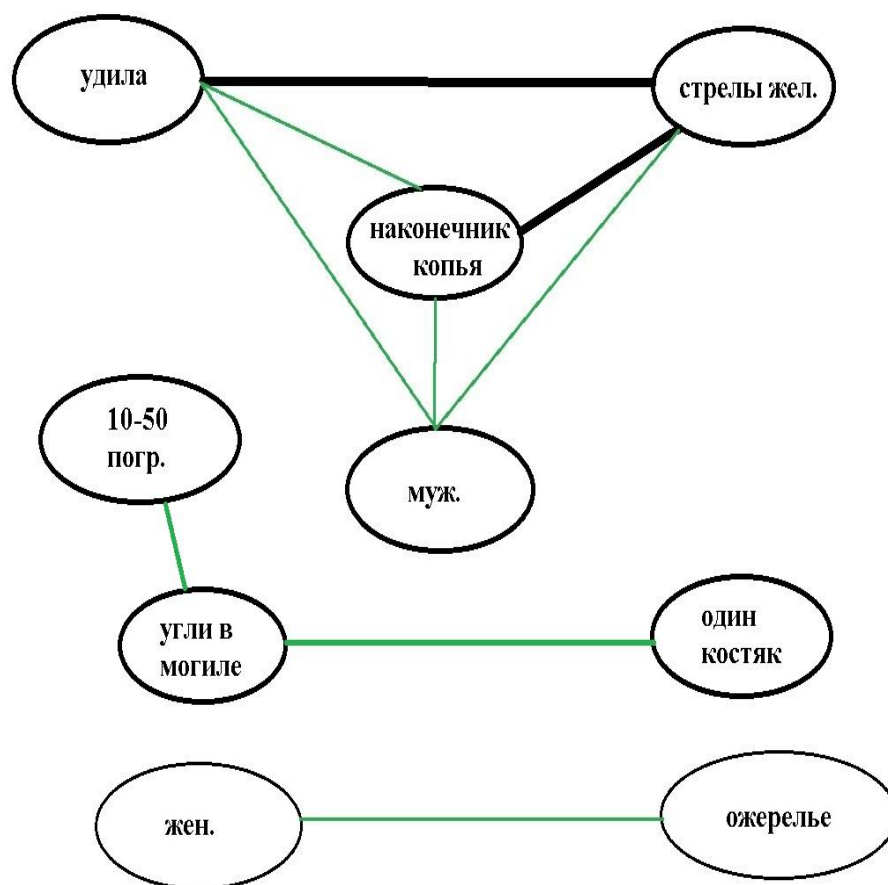

Рис. 60. Признаки погребального обряда с высокой и заметной силой связи.

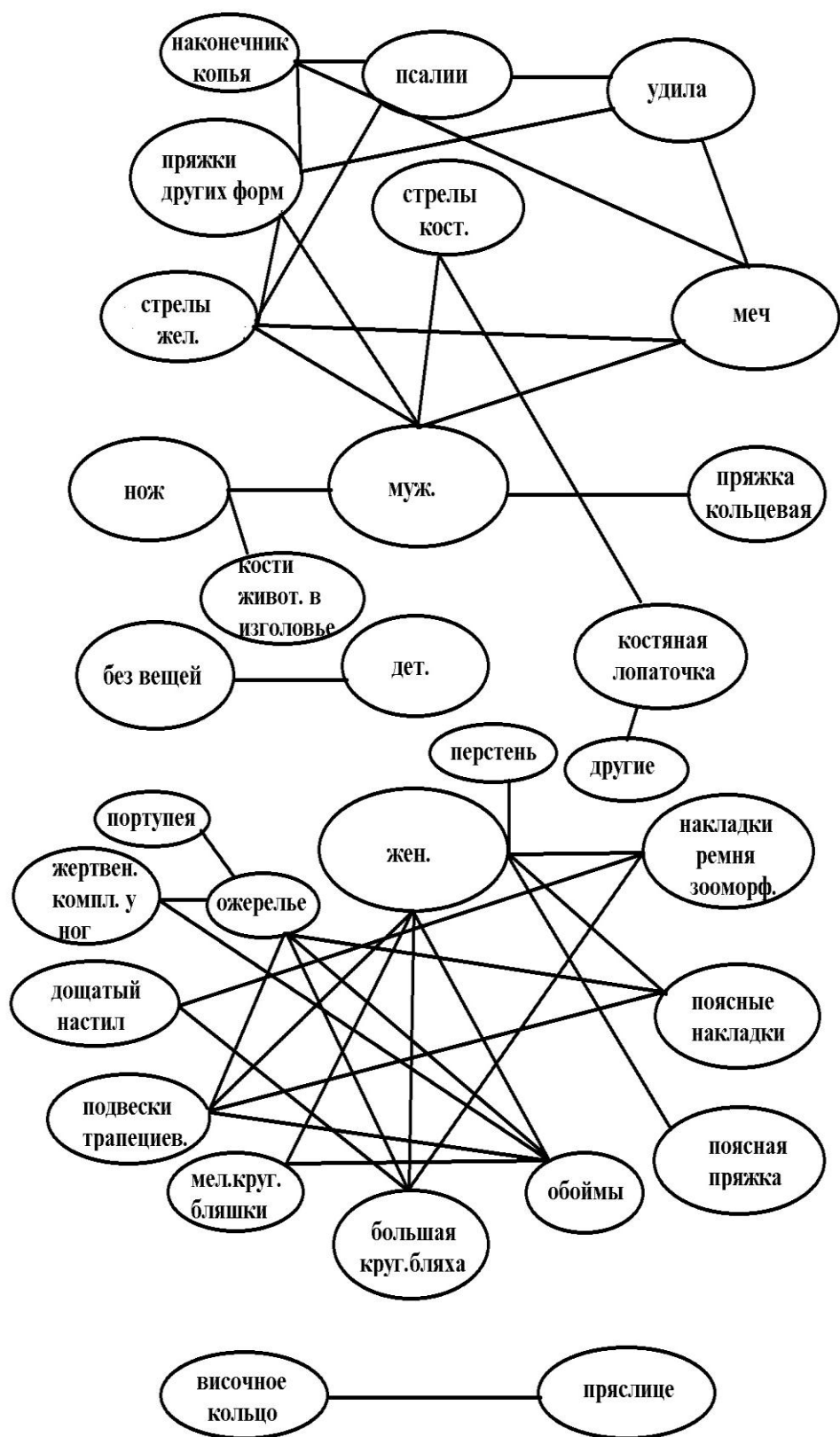

Рис. 61. Признаки погребального обряда с умеренной силой связи.

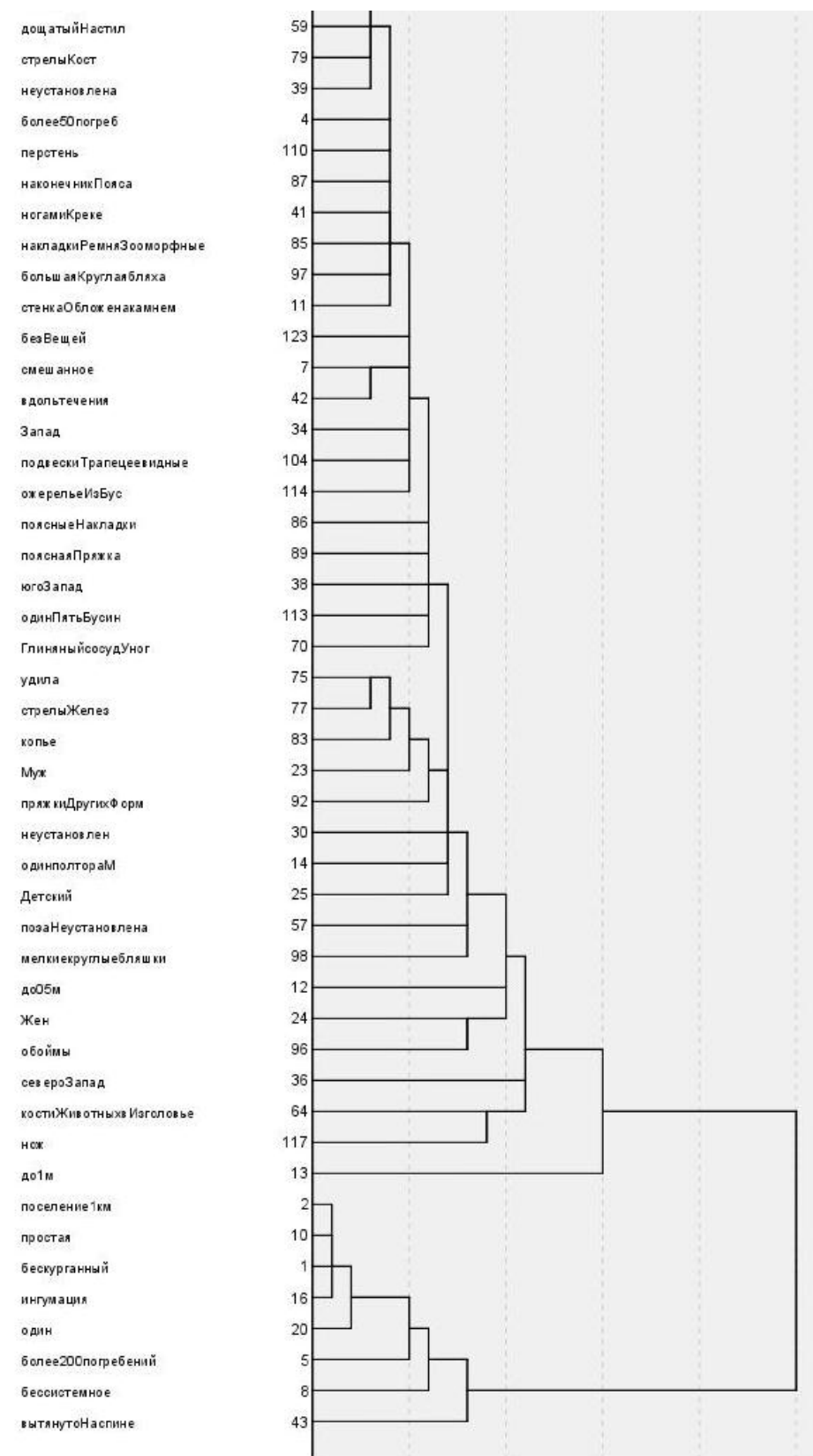

Рис. 62. Дендрограмма кластерного анализа

ВЫДЕЛЕННЫЕ КЛАСТЕРЫ

- Кластер №1
- Дощатый настил;
- Стрелы кост.;
- Ориентировка не установлена;
- Более 50 погребений;
- Перстень;
- Наконечник пояса;
- Ногами к реке;
- Накладки ремня зооморфные
- Большая круглая бляха;
- стенка/и обложена камнем

- Кластер №2
- Без вещей;
- Смешанное располож.на могильнике
- Вдоль течения;
- Западная ориентировка;
- Подвески трапециевидные;
- Ожерелье из бус;
- Поясные накладки;
- Поясная пряжка;
- Юго-западная ориентировка;
- 1-5 бусин;
- Глиняный сосуд у ног.

- Кластер №3
- Удила;
- Стрелы железные;
- Наконечник копья;
- Муж.
- Пряжки других форм.

- Кластер №4
- Ориентировка не установлена;
- Глубина захоронения 1-1,5 м;
- Детский;
- Поза не установлена;
- Мелкие круглые бляшки.

- Кластер №5
- Глубина захоронения до 0,5 м или 1 м;
- Жен;
- Обоймы;
- Северо-западная ориентировка;
- Кости животных в изголовье;
- Нож.

- Кластер №6
- Поселение до 1 км;
- Могильная яма простой конструкции;
- Бескурганый;
- Ингумация;
- Один погребенный в могиле;
- Ингумация;
- Более 200 погребений в могильнике;
- Бессистемное расположение на некрополе;
- Вытянуто на спине.

Рис. 63. Выделенные кластеры